

Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
Филологический факультет

На правах рукописи

ШИЛОВА ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА

**АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА ‘СТРАННЫЙ’
В ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ**

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук
по специальности 10.02.01 – русский язык

Научный руководитель –
д.ф.н., проф. Чернейко Л.О.

Москва – 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
Глава I. Изучение оценочных суждений в свете философской теории ценностей и лингвистической концепции нормативно-ценностных высказываний. Специфика оценочных предикатов	14
1.1. Аксиология как учение о ценностях.....	14
1.2. Основные этапы развития философии ценностей.....	15
1.3. История изучения нормативно-ценностных суждений в лингвистике.....	21
1.3.1. Предпосылки возникновения нового метода изучения оценочных предикатов.....	24
1.3.2. Методика анализа оценочных суждений, разработанная Дж. Муром.....	27
1.4. Парадигматический анализ лексики и понятие «аксиологическая парадигма».....	29
1.5. Структура оценочного суждения. Оценочные предикаты и их текстопорождающий потенциал.....	32
1.6. Имя прилагательное как часть речи. Место оценочных прилагательных в типологии качественных прилагательных.....	35
Выводы.....	43
Глава II. Лексикографический анализ прилагательного СТРАННЫЙ	46
2.1. Анализ словарных дефиниций как основа изучения семантики и прагматики лексической единицы.....	46
2.1.1. Анализ словарных дефиниций прилагательного СТРАННЫЙ в толковых словарях современного русского языка.....	47
2.1.2. Анализ словарных дефиниций прилагательного СТРАННЫЙ в исторических словарях.....	51

2.2. Парадигматический подход к моделированию и описанию лексикографического семантического множества, организованного прилагательным СТРАННЫЙ.....	53
Выводы	62
Глава III. Функционирование прилагательного СТРАННЫЙ в текстах разной стилевой и жанровой принадлежности в современном русском языке.....	64
3.1. Сферы функционирования русского языка: понятие функционального стиля.....	64
3.2. Понятие речевого жанра.....	66
3.3. Функционирование прилагательного СТРАННЫЙ в текстах разных жанров по данным Национального корпуса русского языка.....	68
3.4. Прилагательное СТРАННЫЙ в научной речи.....	71
3.4.1. Функционирование прилагательного СТРАННЫЙ в научно-популярных журналах и учебных пособиях.....	72
3.4.2. Употребление прилагательного СТРАННЫЙ в рамках эвфемистической речевой стратегии в научных текстах.....	73
3.5. Прилагательное СТРАННЫЙ в публицистических текстах.....	74
3.5.1. Анализ функционирования прилагательного СТРАННЫЙ в современных массовых изданиях (на примере журналов «Огонёк» и «Cosmopolitan»).....	74
3.5.2. Сюжетно-композиционная роль прилагательного СТРАННЫЙ в публицистике (на примере публицистических текстов Захара Прилепина).....	85
3.6. Прилагательное СТРАННЫЙ в разговорном стиле речи.....	92
3.7. Прилагательное СТРАННЫЙ в современной художественной литературе.....	101
Выводы.....	120
Глава IV. Роль прилагательного СТРАННЫЙ в художественном мире писателя (на материале произведений Ф.М. Достоевского).....	123

4.1. Особенности художественного текста.....	123
4.2. «Странный Тургенев»: роль прилагательного СТРАННЫЙ в оценке мировоззрения писателя.....	128
4.3. Прилагательное СТРАННЫЙ в текстах Ф.М. Достоевского.....	135
4.3.1. Семантика прилагательного СТРАННЫЙ в романах Ф.М. Достоевского.....	141
4.3.2. Сочетаемость прилагательного СТРАННЫЙ в текстах романов Ф.М. Достоевского.....	155
4.4. Семантическое пространство, организованное прилагательным СТРАННЫЙ в произведениях Ф.М. Достоевского.....	160
4.4.1. Ближайшие «семантические соседи» прилагательного СТРАННЫЙ в текстах Ф.М. Достоевского.....	162
4.4.2. Периферийные элементы лексико-семантической парадигмы ‘СТРАННЫЙ’ в текстах Ф.М. Достоевского.....	173
4.5. Сюжетно-композиционная роль прилагательного СТРАННЫЙ в романах Ф.М. Достоевского.....	178
4.5.1. Субъект оценочного суждения с прилагательным СТРАННЫЙ в системе персонажей романа «Идиот».....	179
4.5.2. Субъект оценочного суждения с прилагательным СТРАННЫЙ в системе персонажей романа «Преступление и наказание».....	194
4.6. Текстопорождающий потенциал прилагательного СТРАННЫЙ.....	200
Выводы.....	204
Заключение.....	206
Библиография.....	216

ВВЕДЕНИЕ

Развитие лингвистики в конце XX – начале XXI веков характеризуется ярко выраженным интересом к аксиологической проблематике. Активное изучение оценочных суждений в семантико-функциональном аспекте обусловлено сменой лингвистической парадигмы и связанного с этим изменения методов лингвистического описания. Когнитивная лингвистика, ориентированная на изучение системы не в статике, а в динамике, определила свой научный объект: это участники коммуникативного акта, своего рода игроки за шахматной доской, а не фигуры на ней, подчиненные определенным правилам игры. Ранее оценочные предикаты не рассматривались учеными-структуралистами в качестве объекта изучения, поскольку они не образуют оппозиций по дифференциальному признаку, а их сочетаемость и функционирование в тексте направляется не столько их семантикой, сколько прагматикой. Оценка как таковая существует лишь в рамках субъектно-объектной научной парадигмы, поэтому интерес к оценочным предикатам возрос именно в век развития когнитивной лингвистики.

Когнитивная лингвистика, пришедшая на смену структурному методу, ориентирует исследователя на определение знаний, представлений о мире, рассматривает взаимосвязь языка и мышления. Изучение всевозможных языковых явлений проходит «в общем контексте усвоения, накопления, переработки информации» [Беляевская 1994: 87]. На первый план выдвигаются когнитивные аспекты описания лексикона, в соответствии с которыми разделение семантических и прагматических параметров содержания слова не представляется столь важным, так как и семантика, и прагматика в одинаковой степени направляют сочетаемость слова. Ориентация на исследование соотношения языка и сознания, на главенствующую роль языка в концептуализации и категоризации мира – все это открыло принципиально иные подходы к анализу текста и новые основания исследования семантики слова.

Изучение оценочного акта с лингвистической точки зрения предполагает решение следующих методологических вопросов:

1) В какой степени лингвистическая концепция нормативно-ценностных высказываний опирается на философские основания теории ценностей?

2) Каковы методы изучения оценочных предикатов, предложенные когнитивной лингвистикой?

3) Как изучение семантики и особенностей функционирования оценочных предикатов способствует развитию новых подходов к анализу текста?

Настоящая работа представляет собой функционально-семантический анализ оценочного прилагательного СТРАННЫЙ и его синонимов в текстах разных жанров и разных временных срезов.

Актуальность исследования обусловлена важной ролью оценочных предикатов в речи. Оценочное прилагательное СТРАННЫЙ распространено в современном русском языке как в устных, так и в письменных текстах разной стилевой и жанровой принадлежности. Как показывают данные Национального корпуса русского языка (НКРЯ), количество употреблений данного прилагательного в последние два десятилетия значительно возросло по сравнению с предыдущими временными периодами, что позволяет предположить особую роль прилагательного СТРАННЫЙ (и других членов этой аксиологической парадигмы) в современной нам речевой действительности.

Объектом исследования является оценочное прилагательное СТРАННЫЙ и члены организованной им в рамках системы русского литературного языка аксиологической парадигмы.

Предметом исследования выступает семантика прилагательного СТРАННЫЙ, которая может быть раскрыта путем ее сопоставления с ближайшими «семантическими соседями» в системе лексикона русского языка (статический, лексикографический аспект анализа), но непременно с опорой на изучение функционирования всех членов парадигмы в текстах разной стилевой

и жанровой принадлежности (динамический, текстовый аспект анализа). Особое внимание уделяется сюжетно-композиционной роли прилагательного СТРАННЫЙ в художественном тексте и тому месту, которое оно занимает в мировоззрении и мировосприятии автора-повествователя и персонажей произведения.

Материал исследования: 1) опорной точкой изучения семантики прилагательного СТРАННЫЙ стало рассмотрение его дефиниций в различных толковых и исторических словарях русского языка; 2) текстовый материал извлекался из а) электронного корпуса НКРЯ, б) научных статей и научно-популярных журналов («National Geographic» и др.), публицистических текстов (современные массовые издания «Огонек» и «Cosmopolitan», публицистика З. Прилепина), в) художественной литературы (современные детективы, фантастика, художественная проза З. Прилепина); 3) для исследования привлекаются отдельные контексты из произведений И.С. Тургенева, но в фокусе особого лингвистического внимания находится материал, извлеченный из текстов романов Ф.М. Достоевского «Идиот», «Преступление и наказание», «Братья Карамазовы», «Униженные и оскорбленные».

Привлечение к исследованию такого обширного и разнородного материала объясняется необходимостью проследить функционирование прилагательного СТРАННЫЙ как в синхронии, так и в диахронии, причем в синхронии – на материале текстов разной стилевой и жанровой принадлежности. Сопоставление контекстного поведения исследуемого прилагательного с лексикографическими данными позволяет сформулировать его семантико-прагматические особенности, не зафиксированные в словарных дефинициях.

Цель диссертационного исследования состоит в том, чтобы выявить семантико-прагматические особенности прилагательного СТРАННЫЙ в сопоставлении с другими членами организованной им аксиологической парадигмы с опорой на изучение их сочетаемости.

Достижение поставленной цели потребовало решения таких исследовательских **задач**, как:

1) проведение комплексного лексикографического анализа прилагательного СТРАННЫЙ для уточнения его семантического объема и конструирования лексикографической парадигмы (ЛП) ‘СТРАННЫЙ’;

2) анализ синтагматико-парадигматических связей и функционирования прилагательного СТРАННЫЙ в современных текстах разной стилевой и жанровой принадлежности с проекцией полученных данных на результаты лексикографического анализа;

3) определение роли прилагательного СТРАННЫЙ в структуре художественного текста путем исследования его сочетаемости и составления текстовых лексико-семантических парадигм, организованных как семей ‘странность’, так и прилагательным СТРАННЫЙ.

Для решения поставленных задач в работе используется комплекс **методов**, в число которых входят: а) алгоритм анализа оценочных суждений, предложенный Дж. Муром; б) принципы лексикографического анализа лексики по семантическим полям, разработанные Ю.Н. Карауловым, и основанная на них частная методика выделения лексикографического семантического инварианта (ЛСИ) толкований, предложенная Л.О. Чернейко и уже апробированная в лингвистическом анализе; в) способы составления текстовых лексико-семантических парадигм (ЛСП), разработанные Л.О. Чернейко; г) методы контекстного анализа слова и сопоставления полученных результатов.

Теоретическую базу исследования составили труды современных отечественных и зарубежных лингвистов. Основные положения и методологические принципы философской теории ценностей и лингвистической концепции нормативно-ценностных суждений изложены по работам Н.Д. Арутюновой, М. Вебера, Е.М. Вольф, П.П. Гайдено, Т. Гоббса, М.С. Кагана, И. Канта, Дж. Локка, Ф. Ницше, В.Ю. и Ю.В. Перовых, Г. Сиджуика, Б. Спинозы, Ю. Хабермаса, А.Н. Шрамма, Д. Юма. В вопросах анализа семантики

оценочных предикатов исследование опирается на идеи Е.М. Вольф [Вольф 2002], Дж. Мура [Мур 1984], Л.О. Чернейко [Чернейко 2003а]. Лексикографический анализ прилагательного СТРАННЫЙ осуществляется с опорой на работы Ю.Д. Апресяна [Апресян 1962], Ю.Н. Караулова [Караулов 1974], Л.О. Чернейко [Чернейко 1999], Л.В. Щербы [Щерба 2013], Г.С. Щура [Щур 1974]. Особенности функционирования прилагательного СТРАННЫЙ в художественном тексте рассматриваются в свете работ Р. Барта [Барт 1994], Е.Я. Басина [Басин 2013], М.М. Бахтина [Бахтин 1979], А. Белого [Белый 2001], В.В. Виноградова [Виноградов 1980], Г.-Х. Гадамера [Гадамер 1991], Б.М. Гаспарова [Гаспаров 1994], Ю.М. Лотмана [Лотман 1970], И.В. Ружицкого [Ружицкий 2014], В.Н. Топорова [Топоров 1998], О.Е. Фроловой [Фролова 2007], Н.В. Халиковой [Халикова 2004], Л.О. Чернейко [Чернейко 1999], В.Б. Шкловского [Шкловский 1990], У. Эко [Эко 2004] и др.

Научная новизна исследования определяется: 1) разработкой общей проблемы определения значения оценочного прилагательного, базирующейся на изучении прилагательного СТРАННЫЙ (и его синонимов), которое впервые рассматривается с позиций когнитивной семантики, что позволяет в достаточно полном объеме выявить его семантико-прагматические особенности и выделить не отмеченные в словарных дефинициях семы; 2) апробацией метода анализа оценочных суждений, предложенного Дж. Муром, а также метода текстового анализа оценочного прилагательного, разработанного Л.О. Чернейко, с применением которых анализировалась избранная группа слов; 3) получением верифицируемых результатов анализа функционирования прилагательного СТРАННЫЙ в текстах XIX века и в современных текстах, позволяющих сделать вывод о принадлежности исследуемой единицы к числу ключевых слов русской культуры.

Теоретическая значимость диссертационного исследования определяется его вкладом в разработку а) методов анализа содержания слова в рамках когнитивной лингвистической парадигмы, не исключаяющего, а

предполагающего опору на бесспорные достижения структурных методов описания единиц лексикона и текста; б) принципов анализа композиционной роли ключевого текстового слова и выявления его места в картине мира художественного текста.

Практическое применение результатов проведенного исследования связано с возможностью включения их в учебные курсы и спецкурсы по лексикологии, лексикографии, теории когнитивной семантики, лингвистическому анализу художественного текста, а также при написании словарных дефиниций прилагательного СТРАННЫЙ и других членов парадигмы.

Положения, выносимые на защиту:

1. Дефиниции прилагательного СТРАННЫЙ в базовых толковых словарях не позволяют однозначно ответить на вопрос о его семантических особенностях по сравнению со словами того же синонимического ряда. Однако лексикографический анализ дает возможность выявить как инвариантный компонент значения, присущий всем членам данной лексикографической парадигмы ('отклоняющийся от нормы'), так и два семантических основания вынесения оценочного суждения, присутствующие во всех словарных дефинициях прилагательного СТРАННЫЙ: а) 'непонятность, нелогичность' и б) 'непривычность, необычность' объекта оценки. Анализ материалов исторических словарей показывает наличие у прилагательного СТРАННЫЙ отрицательных коннотаций, не в последнюю очередь обусловленных его историческими связями с церковнославянизмом СТРАНА и русизмом СТОРОНА.

2. Анализ членов ЛП 'СТРАННЫЙ' показывает, что а) семантический объем стилистически нейтрального прилагательного СТРАННЫЙ шире, чем у остальных членов парадигмы; б) это прилагательное не обладает внутренней формой и не является производным словом, имеющим семантическую опору в производящем; в) основанием для вынесения оценочного суждения с

прилагательным СТРАННЫЙ может быть как непонятность или нелогичность объекта оценки, так и его необычность, непривычность; г) в исследуемом прилагательном присутствует не зафиксированная словарями сема, в которой заключена информация об отношении субъекта оценки к адресату оценочного суждения – это отношение неприятия.

3. Прилагательное СТРАННЫЙ обозначает особое ментальное состояние субъекта оценки, при котором он, сталкиваясь с чем-то отклоняющимся от нормы и при этом испытывая неприятие по отношению к адресату оценочного суждения, стремится отстраниться от происходящего. Широкий круг сочетаемости этого прилагательного и его синонимические отношения с отрицательными оценочными прилагательными типа ПЛОХОЙ указывают на его общеоценочный характер. Но прилагательное СТРАННЫЙ выбирается прежде всего тогда, когда те или иные причины не позволяют говорящему резко осудить происходящее. В современных научных и публицистических текстах, а также в разговорной речи прилагательное СТРАННЫЙ употребляется в эвфемистической функции, что дает возможность субъекту оценки в корректной форме выразить свое неодобрение чего бы то ни было, а также несогласие с собеседником. Частота употребления прилагательного СТРАННЫЙ в публицистике высвечивает состояние общества в тот или иной отрезок времени и позволяет ответить на вопрос, что в окружающей действительности вызывает неприятие у субъектов оценочного суждения.

4. Анализ синтагматико-парадигматических связей прилагательного СТРАННЫЙ в художественном тексте позволяет: а) выявить не зафиксированные в словарных дефинициях семы – это сема ‘нечто смутное, интуитивное, с трудом поддающееся вербализации’, относящаяся к основанию оценки, и сема ‘неприятие’, относящаяся не столько к объекту оценки, сколько к ее адресату; б) представить текстовую аксиологическую парадигму как расширенную по сравнению с лексикографической за счет включения в нее таких периферийных элементов, как СУМАСШЕДШИЙ, ПОМЕШАННЫЙ и

т.д., выступающих в текстах Ф.М. Достоевского в качестве синонимов прилагательного СТРАННЫЙ.

5. Прилагательное СТРАННЫЙ играет важную сюжетно-композиционную роль в художественных текстах, поскольку оно дает автору возможность погрузить читателя в атмосферу взаимонепонимания и взаимонеприятия. Кроме того, частое употребление прилагательного СТРАННЫЙ и других членов парадигмы в художественном тексте создает у читателя впечатление соприкосновения с таким миром, где все отклоняется от нормального положения вещей и где герои чужды друг другу и потому одиноки.

6. Между аксиологической категорией «странность» и философской категорией «инакость» («инаковость»), с одной стороны, и понятием «нетерпимость», коррелирующим с понятием «нетолерантность», с другой, существует и логическая связь, и историческая. Частое употребление прилагательного СТРАННЫЙ как в современной публицистике и обиходно-бытовой речи, так и в обыденных диалогах, представленных в текстах произведений Ф.М. Достоевского, может указывать на нетолерантность социума, вырастающую из отношения взаимного неприятия его членов. Текстовый анализ показывает, что прилагательное СТРАННЫЙ можно признать значимым, ключевым для русской культуры словом наряду с другими ключевыми словами, уже выделенными лингвистами.

Апробация работы. Основные положения и результаты исследования были изложены в докладах на следующих конференциях: XIX Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов» (Москва, 2012); XX Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов» (Москва, 2013); XXI Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов» (Москва, 2014); V Международном конгрессе исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы

и современность» (Москва, 2014). По теме диссертации опубликовано 6 научных работ: 2 тезисов, 4 статьи, 3 из них в изданиях, рекомендованных ВАК.

Композиция работы. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, библиографического списка.

Специфика шрифтового оформления текста работы:

- 1) странный как феномен – обычный шрифт (странный, странность);
- 2) странный как понятие – обычный шрифт и кавычки («странный»);
- 3) странный как знак языка, слово – обычный шрифт, прописные буквы (СТРАННЫЙ);
- 4) значение, смысл – обычный шрифт, марровские кавычки (‘непонятный’);
- 5) названия лексикографических и текстовых лексико-семантических парадигм – заглавные буквы, марровские кавычки (‘СТРАННЫЙ’);
- 6) названия текстовых аксиологических парадигм, выстроенных по аналогии с перцептивными, – жирный шрифт, марровские кавычки (‘**оценка эмоционального состояния героя**’);
- 7) примеры употреблений – курсив (*странный взгляд*);
- 8) лексико-семантическая сочетаемость в примерах – подчеркивание (*Взгляд его был какой-то странный*).

Все выделения в цитатах (курсив, жирный шрифт, заглавные буквы, подчеркивание, кавычки) принадлежат цитируемым авторам, если это особо не оговорено.

Глава I. Изучение оценочных суждений в свете философской теории ценностей и лингвистической концепции нормативно-ценностных высказываний. Специфика оценочных предикатов.

1.1. Аксиология как учение о ценностях.

Аксиологическая проблематика, затрагивающая вопросы сущности ценностей и ценностного подхода к освоению действительности, занимает особое место в философской мысли. Вопросы, касающиеся происхождения ценностного отношения, онтологического статуса оценки, ее соотношения с субъектом познания, роли ценностей в культуре и жизни общества, долгое время занимали умы выдающихся философов и лингвистов. Важность категории оценки в процессе познания окружающей действительности подчеркивал Ш. Балли: «Наша мысль постоянно и непреднамеренно добавляет к малейшему восприятию элемент оценки» [Балли 1961: 183].

Система ценностей как наиважнейший регулятор поведения человека выражена в слове. Анализ оценочных суждений дает возможность выявить основания оценки того или иного объекта действительности, а также увидеть своеобразие ценностного подхода культуры к постижению окружающего нас мира. С.Ф. Анисимов говорит о субъектно-объектном ценностном отношении как основном объекте изучения аксиологии, а в нем оценка и ценность слиты воедино: «Ценность есть лишь то или иное качество этого отношения, а оценка – мысленная или словесная фиксация этого качества» [Анисимов 2001: 16]. Невозможно говорить о механизмах формирования оценки и роли оценочных суждений в языке, не обратившись к философским основаниям теории ценностей. Особую роль философии в изучении ценностного отношения подчеркивают другие философы: «Вырабатывая ... методологическую программу изучения ценностного отношения, философия становится и *основой, и связью* всех наук, обращающихся к его познанию» [Каган 1997: 49].

Лингвисты в лице, например, Н.Д. Арутюновой также придают большое значение разработке методологии изучения оценочных суждений. Она пишет: «Есть сходство и в используемых философами и лингвистами методах анализа. Поэтому представляется возможным привлечь к рассмотрению семантики оценочных слов наблюдения и соображения философов и логиков, не вошедшие в лингвистический обиход» [Арутюнова 1999: 128]. Действительно, перед аксиологией как теорией ценностей и изучением оценочных суждений в лингвистике стоят по сути одни и те же вопросы. В центре внимания философов находится проблема онтологического статуса ценности, т.е. способов ее бытия и ее соотношения с субъектом познания. Основопологающим для лингвистического изучения механизмов оценки является вопрос о том, что стоит за теми или иными ценностными суждениями, каково значение оценочных предикатов, каковы основания вынесения оценочного суждения субъектом оценки.

1.2. Основные этапы развития философии ценностей.

Аксиология как раздел философии появилась сравнительно недавно – в самом начале 20 века. Но изучение ценностного мышления началось еще в античности, хотя само понятие «ценность» не было закреплено терминологически в трудах философов. В статье «Философия ценностей и ценностная этика» В.Ю. и Ю.В. Перовы отмечают, что люди всегда и везде «мыслили в ценностях, но, подобно господину Журдену, не ведавшему, что он говорит прозой, не знали, как это назвать» [Перовы 2002: 9].

В философской мысли античности и средних веков ценности отождествлялись с бытием, а ценностное отношение к окружающей действительности – с теоретико-познавательным процессом. «При онтологическом обосновании этики (например, у Платона и неоплатоников) благо имеет бытийный характер, поэтому то, что в большей степени обладает бытием, в большей степени есть благо» [Гайденко 2003: 494]. Ценность той или

иной вещи основывалась на качестве, свойстве рассматриваемого предмета, объективно ему присущем. Однако уже Аристотель, разграничивая теоретическую философию (познание сущего) и практическую философию (как поступать человеку в той или иной ситуации, какими ценностями руководствоваться), приходит к противопоставлению оценочной квалификации объекта и его реальных, «бытийных» свойств. Причем, как отмечает Н.Д. Арутюнова, мыслитель основывается на различии оценочных и дескриптивных предикатов, т.е. идет в своих рассуждениях от языка: «...у видов добра отсутствует такое общее свойство, которое могло бы служить основанием для их объединения, подобно тому как, например, идея белизны, характеризующая снег и белила, позволяет включить эти вещества в разряд белых предметов» [Арутюнова 1999: 135]. Но вопрос о природе ценностей, их онтологическом статусе Аристотель оставляет без ответа.

Коренные изменения в вопросе о сущности ценностей приходятся на 17-18 века и связаны с именами Т. Гоббса, Дж. Локка, Р. Декарта, Б. Спинозы, Д. Юма, И. Канта. Мысль о разграничении сущего и должного, ценностного и познавательно-теоретического отношения к вещам связана с внедрением в процесс познания субъектно-объектной парадигмы. «То, что ранее именовалось благом (как сущим), для ценностного сознания предстало ценностным предметом, воплощением и носителем ценности, но ценность теперь – это уже не сам предмет в его собственных бытийных качествах, а значимость его для субъекта» [Перовы 2002: 12]. Если Р. Декарт всё еще оставался в рамках «прежней онтологической трактовки ценностных понятий» [Там же], то Б. Спиноза утверждал, что объект не обладает собственно ценностными качествами, и только познающий субъект привносит оценочные смыслы в высказывание: «Что касается до *добра и зла*, то они также не показывают ничего положительного в вещах, если их рассматривать самих в себе, и составляют только модусы мышления, или понятия, образуемые нами путем сравнения вещей друг с другом» [Спиноза 2013]. Это порождает субъективизм в оценке:

«... что одному кажется добром – другому кажется злом, ... что одному приятным – другому неприятным» [Там же]. Если добро толкуется через желаемое, то для разных субъектов как благие будут восприниматься совершенно разные, возможно, даже противоположные явления и сущности. Именно с такой позиции к изучению оценочных предикатов подошли философы XVII века Т. Гоббс и Дж. Локк. По мысли Гоббса, «...слова *добро*, *зло* и *пустяк* всегда употребляются в относительном смысле в зависимости от того, кто их использует, так как ничто не бывает чем-либо таковым просто и абсолютно и никакое общее правило о том, что есть добро и что — зло, не может быть взято из природы самих объектов...» [Гоббс 1991: 39]. Сходные мысли высказывает Дж. Локк в своем трактате «Опыты о человеческом разумении»: «Добром мы называем то, что способно вызвать или увеличить наше удовольствие либо уменьшить наше страдание или же обеспечить либо сохранить нам обладание каким-нибудь другим благом или же отсутствие какого-нибудь зла. Злом, напротив, мы называем то, что способно причинить нам или увеличить какое-нибудь страдание, либо уменьшить какое-нибудь удовольствие, или же доставить нам какое-нибудь неудовольствие, либо лишить нас какого-нибудь блага» [Локк 1985: 280].

Особую роль в разграничении бытия и ценностей, ценностного и познавательного отношения к миру сыграла так называемая «гильотина Юма» – тезис о невозможности вывести нормативные и ценностные суждения из суждений описательных, что стало предпосылкой окончательного осознания «дуализма бытия и ценностей» [Перовы 2002: 13]. В своем различении оценочных и дескриптивных суждений Юм идет от языка, а именно от характера глагольной связки в составном именном сказуемом: «... нахожу, что вместо обычной связки, употребляемой в предложениях, а именно *есть* или *не есть*, не встречаю ни одного предложения, в котором не было бы в качестве связки *должно* или *не должно*» [Юм 1995: 229].

Переход к мышлению в категориях ценностей и определению разницы между сущим и должным осуществился в философии И. Канта. В «Критике способности суждения» Кант отделяет свободу человека (покоится на воле разума) от природы (покоится на воле рассудка). Природа отождествляется с необходимостью, в ней все предопределено, нет свободы. Свобода же соотносится с нравственной сферой: человек сам выбирает, следовать ли ему нравственным нормам. Однако между рассудком и разумом как высшими познавательными способностями человека есть промежуточное звено – способность суждения: «Способность суждения вообще есть способность мыслить особенное как подчиненное общему» [Кант 1966: 177]. Способность выносить суждения вкуса (эстетические суждения) рассматривается как свойственная только человеку способность. «Канту в способности суждения удалось обнаружить и терминологически закрепить новое своеобразное и существенное отношение человека к миру, заслуживающее быть поставленным в ряд с теоретическим (познавательным) и практическим (целеполагающим) отношениями, известными прежней философии» [Перовы 2002: 15].

Из разграничения сущего и должного, природы и свободы вытекает новый взгляд на природу ценностей, которые не могут существовать безотносительно к субъекту познания. По мнению П.П. Гайденко, «здесь и состоит главное отличие ценности от античного и средневекового понятия блага, а именно отнесенность ее к субъекту чистой воли, т. е. к трансцендентальному субъекту, сверхэмпирический статус которого обеспечивает общезначимость ценностей» [Гайденко 2003: 496]. Оценки субъективны в силу их зависимости от субъекта оценочного суждения и в то же время объективны в силу их общезначимости.

Принципиально иной подход к ценностному познанию и природе ценностей был разработан представителями «философии жизни», в частности, Ф. Ницше. Отказавшись от противопоставления бытия и ценностей, сущего и должного, Ницше рассматривал ценности как порождение самой жизни. «Ценности, столь же историчные, как сама жизнь и все в ней пребывающее,

были поняты как порождения ... жизни, в ней укорененные и лишь внутри нее функционирующие и что-то значащие» [Перовы 2002: 23]. В своих рассуждениях Ницше опирается на понятие «воля к власти», означающее максимальный уровень концентрации волевого напряжения и являющееся предпосылкой для грандиозной «переоценки ценностей». Ницше отвергает христианские ценности как вымышленные, навязанные обществом, искусственные, ведущие к кризису европейской цивилизации и призывает к смене ценностных ориентиров: «Именую христианство одним сплошным великим проклятием, одной-единственной порчей, одним сплошным инстинктом мщения... Переоценка ценностей!» [Ницше 1990(а): 93].

Задача построения новой системы ценностей трудна, и способен на это только лишь выносливый дух, который у Ницше уподобляется навьюченному верблюду, спешащему через пустыню [Ницше 1990(б): 23]. В пустыне совершается превращение: «здесь львом становится дух, свободу хочет он себе добыть и быть господином в собственной пустыне» [Там же]. Сила льва в том, что он может «создать себе свободу для нового созидания» [Там же: 24]. На пути льва лежит великий дракон, который символизирует старые, вымышленные ценности. На его чешуе блестят слова «Ты должен!». Дракон говорит: «Все ценности уже созданы, и каждая созданная ценность – это я». Но дух льва произносит другие слова: «Я хочу!» [Там же: 23]. Для возведения нового мира ценностей, выходящего прямо из жизни и сливающегося с ней, необходимо еще одно превращение – льва в ребенка: «Дитя есть невинность и забвение, новое начинание, игра, самокатящееся колесо, начальное движение, святое слово утверждения. Да, для игры созидания, братья мои, нужно святое слово утверждения: своей воли хочет теперь дух, свой мир находит потерявший мир» [Там же: 25].

Как отмечает П.П. Гайденко, постепенно проблема онтологического статуса ценностей перешла в вопрос о возможности существования общезначимых, абсолютных ценностей. Исследователь приводит в пример

концепцию Г. Риккерта, который разводит ценности как нечто абсолютное, как основу объективного научного метода и оценку, «которую дает индивидуальный субъект и которая таким образом никакой объективности (в смысле общезначимости) не имеет» (цит. по: [Гайденко 2003: 498]). Именно отнесение к ценности, выделение значимых, индивидуальных черт объекта познания было положено Риккертом в основу методологии гуманитарных наук.

Примирающую позицию между ценностным релятивизмом и идеей существования абсолютных ценностей занимал М. Вебер. «Ценности в его понимании — это то, что считается ценностью, оценивается как ценное, исходя из принятого ценностного масштаба, но не трансцендентальным субъектом как носителем всеобщего сознания, а историческими, существующими в определенное время и в определенном месте людьми» [Перовы 2002: 21]. Вебер подчеркивает историчность ценностей: они меняются от эпохи к эпохе, но это не является ценностным релятивизмом, поскольку выбор ценностей определяется конкретной культурно-исторической эпохой [Вебер 1990: 409].

М.С. Каган отмечает, что, начиная с философии И. Канта (идея разграничения сущего и должного, понятие способности суждения как промежуточного звена между разумом и рассудком как высшими познавательными способностями человека), вопрос о природе ценностного отношения и соотношении ценностей с субъектом познания развивается в двух направлениях. С одной стороны, ценности рассматриваются как привнесенные в объект субъектом, направленные на объект, но существующие в сознании субъекта. Именно такой, «собственно философский» подход к изучению ценностной проблематики является, по мысли М.С. Кагана, единственно верным. Каган вводит понятие «целостное ценностное отношение», которое «образуется *особой формой связи объекта и субъекта*, и потому несводимо ни к чистой объективности теологического типа, уводящей нас к Абсолютному, ни к "голой" субъективности психологического взгляда, порождающей абсолютную же релятивность ценностных суждений» [Каган 1997: 50].

Альтернативной точкой зрения является установка на общезначимость, абсолютность ценностей. Ценностные смыслы рассматриваются как присущие «сознанию вообще» надэмпирические значимости, т.е. воспринимаются в отвлечении от конкретного субъекта познания. Таким образом, наблюдается стремление ввести ценности обратно в бытие, стереть грань между должным и сущим.

1.3. История изучения нормативно-ценностных суждений в лингвистике.

В лингвистическом анализе нормативно-ценностных суждений центральное место занимает вопрос о том, к каким видам объектов приложимы оценочные суждения и что стоит за оценочным предикатом, прилагаемым к объекту оценки.

Особенности изучения оценочных суждений определяются прежде всего наличием в них оценочного предиката. В русском языке наблюдается нереперентное употребление оценочного предиката, согласно которому он не соотносится с каким-либо объективно существующим качеством, свойством объекта оценки. Из этого следует, что и выбор оценочного предиката, и основание оценки обусловлены субъектом оценки. Именно познающий субъект наделяет все вокруг себя смыслами. Как пишет М.С. Каган, «...ценностное отношение предполагает возможность, а чаще всего необходимость, *осмысления* оцениваемого, т. е. выявления и понимания того конкретного смысла, которое данный объект имеет для тебя как субъекта» [Каган 1997: 52]. Таким образом, ценности пребывают вне объективного мира, существуют лишь в рамках субъектно-объектной парадигмы. Подобный взгляд согласуется с философской традицией разграничения ценностного и бытийного, должного и сущего, теоретико-познавательного и ценностного отношения к окружающей нас действительности, о чем было сказано выше.

С точки зрения Н.Д. Арутюновой, история изучения нормативно-ценностных суждений в лингвистике берет начало в трудах Аристотеля, чьи размышления стали стимулом для поиска «общей меры, одного субъективного (присущего человеку) психологического эквивалента, через который можно было бы сформулировать дефиницию, применимую ко всем видам добра и худа» [Арутюнова 1999: 136].

Весомый вклад в изучение оценочных суждений внес Б. Спиноза, который ввел в анализ оценочных значений лингвистические понятия «компаратив класса» и «норматив», что, по мнению Н.Д. Арутюновой, создает новый посыл в методологии изучения оценочных высказываний: на смену идеи об относительности оценки приходит понятие нормы. Однако значение субъекта оценки в вынесении оценочных суждений несколько не умаляется: «...пока человек не предъявляет к ним [*естественным родам* – Е.Ш.] своих требований, часто не совпадающих с природным стандартом, он не будет давать представителям этих родов оценочных квалификаций» [Там же: 144].

Сопоставление рассмотренных ранее философских концепций и взглядов Н.Д. Арутюновой высвечивает их общность, которая заключается в разграничении естественных свойств объекта и его оценки. Как отмечает исследователь, «...даже самый полный перечень идентифицируемых свойств объекта не снимает вопроса о его Ценности» [Там же: 145]. Из всего сказанного вытекает необходимость создания принципиально иного подхода к изучению оценочных суждений по сравнению с попыткой установить, что в точности стоит за тем или иным оценочным предикатом.

Лингвистический подход к изучению оценки представлен в работах английского философа Г. Сиджуика, который ввел понятие элементарности значения оценочных предикатов [Schneewind 1977: 25]. Отталкиваясь в своем исследовании от анализа слов общей оценки, Сиджуик говорил о невозможности свести оценочные суждения к фактическим и дать описание значения оценочных предикатов.

Подход к изучению оценочных предикатов, основанный на коммуникативистике и теории речевых актов, ставит во главу угла иллюкутивную функцию оценочного суждения. Сторонниками данного подхода являются такие исследователи, как Ч. Стивенсон [Стивенсон 1985], Р. Хэар [Хэар 1985]. Даже если в контексте представлено полное описание мотивов оценки, ее основания, оценочные суждения все равно не могут быть подвергнуты верификации. Говорить об истинности или ложности присвоенной объекту оценки невозможно: очень часто мы сталкиваемся с такой ситуацией, когда предпочтительнее кажется один объект (причем в высказывании эксплицированы достаточные основания оценки), но выбор остается за совершенно другим объектом.

Согласно коммуникативной методике изучения оценочных предикатов, в каждом из них скрывается некое побуждение к действию. Именно поэтому Е.М. Вольф считает возможным говорить о перформативности оценки. Выражение одобрения или неодобрения вызывает определенный перлокутивный эффект (радость, раздражение и т.п.). «Такие речевые акты, несмотря на отсутствие в них перформативных глаголов, представляют собой семантическую разновидность перформативов, их произнесение само по себе есть действие» [Вольф 2002: 177]. С мнением Е.М. Вольф согласуется мысль Л.О. Чернейко, которая считает, что пейоративные аксиологические суждения являются «социально небезопасными речевыми действиями», что влечет за собой стремление субъекта оценки редуцировать нежелательные последствия слова-поступка [Чернейко 2014: 255]. Отсюда следует, что оценочные предикаты являются регуляторами человеческого поведения. Эта мысль отчетливо выражена в работе П. Грайса «Логика и речевое общение»: в любом языке есть огромное количество «естественноязыковых выражений», которые не имеют соответствий в языке формальной логики, их значение нельзя вывести методом логического анализа и зафиксировать в виде простейших формул. «Язык служит не только целям научного исследования, но и многим другим важным целям; мы

можем прекрасно знать, что значит некоторое выражение, ... и при этом не знать того, как оно анализируется; сам же этот анализ может (и так оно обычно и бывает) состоять в указании — возможно более общем — условий употребления анализируемого выражения» [Грайс 1985: 218]. В результате смысл тех или иных выражений раскрывается лишь по мере учета факторов, управляющих речевым общением. На основе данных «регуляторов» Грайс сформулировал свои знаменитые постулаты (главным из которых является Принцип Кооперации), направленные на конечные цели речевого общения: передачу или получение информации, воздействие на собеседника и т.п.

После того как в XX веке онтологическая проблематика ценностей отодвинулась на второй план, а разница между фактическим и оценочным суждением стала очевидной, появились новые подходы к изучению акта оценки. Именно в это время заговорили о так называемом «лингвистическом повороте» в философской теории ценностей (термин Ю.В. и В.Ю. Перовых) [Перовы 2002: 22]. Многие исследователи отвлеклись от проблем содержания ценностных суждений, определения значения оценочного предиката, соотношения между субъектом и объектом оценки. Единственно верным признавалось наличие ценностей в речевой реальности, но не в бытии. Так, немецкий философ и социолог Ю. Хабермас, говоря о процессе вынесения оценочных суждений, обращает внимание на собственно процесс коммуникации: формы аргументации, позиции участников диалога, уровни их компетенции и т.д. [Хабермас 2001]. Без внимания остается собственно лингвистическая проблема определения значения оценочных предикатов и выявления структуры речевого акта оценки. Итогом «лингвистического поворота» стала абсолютная плюрализация ценностных суждений, зависимость способов обоснования оценки исключительно от оценивающего субъекта.

1.3.1. Предпосылки возникновения нового метода изучения оценочных предикатов.

Сложности с определением специфики оценочных суждений в языкознании XX века связаны с господствующей в то время структурной лингвистикой. В соответствии со структуралистскими принципами изучения языка основным инструментом описания семантики той или иной языковой единицы является метод компонентного анализа. Данная методика появилась для определения значения довольно узкого круга единиц – терминов родства – и базируется «на гипотезе о том, что значение каждой единицы языка состоит из семантических компонентов (*сем*) и что словарный состав языка может быть описан с помощью ограниченного и сравнительно небольшого числа семантических признаков» [ЛЭС 1990].

Научное постижение мира стремится к максимально адекватному описанию окружающей действительности: все, что имеет различия, поддается классификации. Именно проблему классификации объектов окружающего нас мира разрешил компонентный анализ, заключающийся в выявлении лингвистически релевантных параметров того или иного предмета. По мысли Л.О. Чернейко, подобие между вещью и означающим языкового знака-символа (т.е. именем вещи) факультативно: если оно есть, то знаку в целом приписывается наличие внутренней формы [Чернейко 2012: 176], и он входит в разряд иконических, по Ч. Пирсу [Пирс 2000]. Если же подобия нет, то знак символичен. Между тем подобие означаемого самой вещи (их изоморфизм) обязательно, что и обеспечивает возможность коммуникации. Именно лингвистически релевантные параметры рассматриваемого предмета формируют в нашем сознании представление о нем и его отличие от других предметов, что и выражается в слове.

Однако часто не логика, а прагматика направляет наши высказывания. Структурный метод (выделение дифференциальных признаков слов и сопоставление их в рамках парадигмы) действует успешно, пока из исследуемых единиц можно выстроить оппозиции. Так, чтобы определить значение слова РЕКА, необходимо включить данное слово в состав оппозиции

по какому-либо дифференциальному признаку, например, 'размер': РЕКА – РУЧЕЙ. В рамках данных оппозиций выявляется значение слова. Однако существуют сигнификативно «пустые слова», типа ЕРУНДА, ЧЕПУХА, АБРАКАДАБРА. Практически невозможно выявить дифференциальные признаки одного из данных понятий в сравнении с другими, отсюда так называемый «порочный круг» в толковании слов, т.е. отсутствие дифференциации лексикографических параметров. По мысли Л.О. Чернейко, данный недостаток присущ многим толковым словарям, в частности, словарям синонимов (приписывание двум словам одинакового толкования, отсутствие указаний на стилистическое различие лексических единиц и т.д.) [Чернейко 2008: 360]. Как показывает лингвистическая практика, сигнификативно «пустые слова» также поддаются лингвистическому анализу, но другими методами (анализ «субстантивов метаоценки» со значением 'бессмыслица', проведенный А.А. Прокубовским [Прокубовский 2009: 22-23]).

Кроме сигнификативно «пустых слов» структурному анализу не подвергаются слова высокого уровня абстракции, семантические примитивы (по концепции А. Вежбицкой [Вежбицкая 1996]), а также металексемы [Кнорина 1995; Чернейко 2008]. Дело в том, что при анализе некоторых слов и выражений (в частности, абстрактной лексики) происходит своеобразная «распаковка смысла»: помимо вычленения объективного смысла, стоящего за словом, основной задачей является выделение имплицатур, модусных смыслов (что хотел сказать автор и что сказал, сам того не желая).

Более того, свойственный структурной лингвистике метод компонентного анализа применим лишь в том случае, если «состав множества, подлежащего разбиению для установления дифференциальных компонентов значения каждого из его элементов, исследователю или известен, или может быть установлен достаточно точно при помощи толковых словарей» [Чернейко 1980: 7-8].

Если дескриптивные предикаты с большой долей успеха поддаются структурному методу и выстраиваются в оппозиции для выделения в них дифференциальных признаков, то оценочные предикаты не рассматривались в качестве объекта изучения структуралистами. Это связано прежде всего с тем, что оценка как таковая существует в пределах субъектно-объектной парадигмы. Н.Д. Арутюнова цитирует по этому поводу Дж. Серля: «Ценности так или иначе проистекают от человека, они не лежат во внешнем мире, по крайней мере в мире камней, рек, деревьев и сырых фактов. В противном случае они перестали бы быть ценностями и составили бы часть объективного мира» (цит. по [Арутюнова 1999: 149]). Осмысляя ценностные суждения, мы выявляем модальные смыслы, отношение субъекта к объекту оценки. Рассмотрение любого оценочного предиката в рамках компонентного анализа (путем сопоставления с другими членами аксиологической парадигмы) не дает результатов. Так, невозможно определить, чем прилагательное СТРАННЫЙ отличается от прилагательных УДИВИТЕЛЬНЫЙ, НЕОБЫЧНЫЙ и т.д.: в словарях данные единицы толкуются друг через друга, что создает «порочный круг» толкования слов. Необходим другой способ выявления значения оценочных предикатов.

1.3.2. Методика анализа оценочных суждений, разработанная Дж. Муром.

Основой нового метода изучения оценочных суждений является концепция Дж. Мура, изложенная в его трактате «Принципы этики». Задаваясь вопросом, что есть добро как основной предмет изучения этики, Мур переходит к рассмотрению ценностных суждений, т.е. суждений типа «X есть добро» и т.п. Философ приходит к выводу, что единое для всех подобных суждений – это их отнесенность к проблеме поведения, «а именно к вопросу о том, что в поведении человека является добром и что — злом, что является правильным, а что — неправильным» [Мур 1984: 58].

Пытаясь определить, что же стоит за понятием добра, Дж. Мур исходит из идеи выражения элементарных смыслов, которая ранее развивалась в работах Р. Луллия, Г. Лейбница, Г. Сиджуика. «То, что обозначается как «добро», действительно, представляет собой, за исключением его противоположности — «зла», единственный простой предмет мышления, который относится исключительно к этике» [Там же: 62]. Исследователю не представляется возможным выразить смысл, стоящий за словом ДОБРО, с помощью обычной словарной дефиниции: «Дефиниции такого рода, о которых я веду речь, то есть дефиниции, которые описывают действительную сущность предмета или понятия, обозначенного словом, а не просто говорят нам о том, что это слово обычно означает, возможны только тогда, когда предмет или понятие, о котором идет речь, являются чем-то сложным» [Там же: 64]. Добро же представляется как некое простое понятие, наподобие понятия, выраженного прилагательным ЖЕЛТЫЙ, «нечто, что вы понимаете или представляете, и тому, кто не понимает или не может представить их, вы никогда никакими дефинициями не сможете объяснить их природу» [Там же]. Это элементарные понятия, из которых складываются словарные толкования и через которые определяются так называемые сложные понятия.

Далее Мур рассуждает следующим образом: «Предположим, каждый согласится с тем, что «хорошее» является прилагательным. А поэтому «добро», то есть то, что является хорошим, должно быть существительным, к которому относится «хорошее» как прилагательное: понятием «добро» должно быть вообще все то, к чему приложимо прилагательное «хороший»... Общее всех предметов, к которым приложимо прилагательное «хороший», как раз и составляет содержание понятия «добро» [Там же: 66]. Тем самым Дж. Мур предлагает принципиально новый подход к изучению оценочных предикатов. Бессмысленно сравнивать слова ДОБРО и ХОРОШИЙ с синонимичными им единицами, как предлагает структурная лингвистика, и пытаться сформировать их словарную дефиницию на основе выделенных дифференциальных признаков.

Единственно верным способом понять, что же стоит за актом оценки, является, по Муру, рассмотрение сферы оценки. Центральным в исследовании вопрос – это вопрос о том, что в данной культуре считается добром (злом, благом и т.п.). Основным методом является анализ сочетаемости оценочных предикатов: в каких контекстах слова той или иной оценочной парадигмы взаимозаменяемы, а где нет. Только это позволит определить, в чем заключаются семантико-прагматические особенности рассматриваемого оценочного предиката. Более того, специфика оценочных суждений может оставаться относительно неизменной лишь в пределах определенной эпохи и состояния общества. Поэтому Мур отмечает принципиальную неверифицируемость ценностных суждений, невозможность существования абсолютных ценностей: «Применительно к этическим суждениям, утверждающим, что поступок определенного вида есть добро, ... ни одно не будет универсально истинным, но многие суждения, истинные в большинстве случаев в одну эпоху, будут в большинстве случаев ложны в другие эпохи» [Там же: 81].

1.4. Парадигматический анализ лексики и понятие «аксиологическая парадигма».

Термин «парадигма» греческого происхождения и переводится как «пример, образец» [ЭСБЕ 1897: 758]. Вслед за Т. Куном в современной теории познания под парадигмой подразумевают «признанные всеми научные достижения, которые в течение определенного времени дают научному сообществу модель постановки проблем и их решений» [Кун 1977: 11]. В лингвистике термин «парадигма» употребляется в ином, узкоспециальном значении: так, по данным французских словарей, с 1561 года под парадигмой подразумевается «слово-тип, даваемое в качестве образца, модели для склонения или спряжения» (цит. по [Демьянков 2006: 18]). В словаре Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона встречаем сходное значение: «в грамматике слово, служащее образцом склонения или спряжения; в риторике – пример, взятый из

истории и приведенный с целью сравнения» [ЭСБЕ 1897: 758]. Французский лингвист Ф. де Соссюр впервые начинает говорить о парадигме как понятии не только грамматическом. В речи он различает синтагматические и парадигматические отношения между единицами, однако называет последние ассоциативными: «Вне процесса речи слова, имеющие между собой что-либо общее, ассоциируются в памяти так, что из них образуются группы, внутри которых обнаруживаются весьма разнообразные отношения» [Соссюр 1977: 115]. Непосредственно термин «парадигма» был введен в обиход Л. Ельмслевым для обозначения совокупности вариантов, объединенных общим инвариантом и закономерно чередующихся в процессе речевого функционирования языка [Ельмслев 2006].

В настоящей работе термин «парадигма» понимается широко (в рамках концепции, предложенной Ф. де Соссюром) и как инструмент лингвистического описания прилагается к любым семантическим множествам при условии наличия в них константы. Это может быть интегральная сема их значений, которая предопределяет возможность субституции членов парадигмы и которая варьируется, обрастая дифференциальными семами, препятствующими субституции. Стоит отметить, что субституция в ее традиционном понимании как инструмент измерения степени семантической эквивалентности двух единиц языка в речи применяется только к идеографическим (семантическим, понятийным) синонимам и не применяется к стилистическим, поскольку они маркируют речевую ситуацию, как ее видит выбравший синоним говорящий. В этом случае речь о взаимозамене единиц в рамках одного контекста не может идти в принципе, поскольку такой контекст логически невозможен. Из всего сказанного следует, что аксиологическая парадигма представляет собой некоторое множество оценочных слов, имеющих интегральную сему в значении, но парадигматически противопоставленных в определенных контекстах, где актуализируется их семантико-прагматический различитель. Если подобное множество построено на материале словарей, то это

лексикографическая парадигма (ЛП), если же оно строится на основании функционирования исследуемых единиц в разного рода текстах, это текстовая лексико-семантическая парадигма (текстовая ЛСП).

В основе рассмотренного в п. 1.3.1 метода компонентного анализа лежит парадигматический подход к лексике, т.е. изучение не отдельно взятого слова в его определенном значении, а всего множества слов, парадигматически связанных с данным. Однако сугубо статический подход к выявлению семантической специфики той или иной лексической единицы не дает желаемого результата, если он не строится на анализе сочетаемости слова, с необходимостью включающем изучение границ субституции семантически близких слов. С точки зрения Л.О. Чернейко, принципы парадигматического анализа лексики основываются на выявлении «семантической структуры каждой лексической единицы системы на основе анализа поведения семантически близких единиц» в контексте [Чернейко 1980: 9]. Нельзя не отметить, что данная трактовка согласуется с методом изучения оценочных суждений, предложенным Дж. Муром.

Обращение к контексту в рамках парадигматического анализа лексики позволяет выбрать и константу иного типа для построения парадигмы. Эта мысль легла в основу методики составления текстовых парадигм, которую разработала Л.О. Чернейко, исследуя субстантивы, объединенные вокруг эмоционально-оценочного предиката УНЫЛЫЙ в стихотворных текстах А.С. Пушкина [Чернейко 2003]. Такие парадигмы, в основе которых лежит «подобие вещей по сублогическому основанию, т. е. сходство их эмоциональной и/или интеллектуальной оценки» были названы Л.О. Чернейко перцептивными [Там же: 20]. Таким образом, в рамках перцептивной парадигмы оказываются слова, обозначающие самые разные явления, но объединенные общностью их перцепции, восприятия. При этом следует отметить, что перцепция лежит в основе оценки как определенного типа суждения.

Применяя методику построения перцептивных парадигм художественного текста к стихотворениям А.С. Пушкина, Л.О. Чернейко смоделировала картину мира лирического героя, которого повергают в уныние различные явления как окружающей действительности, так и внутреннего мира: «...оценка таких метафизических вещей, как судьба, путь, жизнь, через предикат *унылый* свидетельствует о том, что, во-первых, рефлексия героя по поводу прожитых лет наводит на него тоску, а во-вторых, что его жизнь и судьба воспринимаются им как не отмеченные ничем значительным и интересным ни для него самого, ни для других» [Там же: 22].

Предложенную методику можно применить и к анализу оценочных суждений, и тогда константой для построения текстовой парадигмы выступит любое включающее в себя оценочный компонент текстовое слово, вокруг которого группируются разные объекты оценки. В итоге получится текстовая парадигма, являющаяся аналогом перцептивной по структуре. Это текстовая аксиологическая парадигма [Чернейко 2002: 39]. Применение методики составления перцептивных парадигм к исследованию оценочных суждений позволяет выявить особенности мировосприятия субъекта оценки через сочетаемость того или иного оценочного предиката.

1.5. Структура оценочного суждения. Оценочные предикаты и их текстопорождающий потенциал.

Исследование сочетаемости того или иного оценочного предиката помогает понять, что же стоит за актом оценки. По мысли Л.О. Чернейко, впечатления от явлений, с которыми мы сталкиваемся в повседневной жизни, возвращаются их именам в качестве предикатов. Говорящий выражает свое отношение к окружающим его объектам, давая им определенную эмоциональную и/или интеллектуальную оценку. Поэтому автор как бы лишает вещи индивидуальности, отрывается от реальных качеств денотата, но в то же время проявляет свою собственную индивидуальность, свое отношение к лицам

и реалиям окружающей действительности [Чернейко 2002: 38-39; 2009-2010]. Все сказанное выше еще раз подтверждает, что оценочные предикаты должны рассматриваться в пределах субъектно-объектной парадигмы. Так, по мнению Е.М. Вольф, «главными элементами оценочной модальной рамки являются ее субъект и объект, связанные оценочным предикатом» [Вольф 2002: 12].

Выбор определенного знака в оценочном суждении может многое сказать о самом субъекте оценки. По мнению Л.О. Чернейко, «выбранный говорящим знак становится самостоятельным, самодостаточным источником информации для слушающего. ... Действительно, слушающий может извлечь из высказывания больше информации, чем предполагал вложить в него говорящий, в частности информацию о самом говорящем» [Чернейко 1996: 51]. Это подтверждает приводимую Л.О. Чернейко формулу импликатуры оценочных суждений, выраженную через английскую поговорку: «То, что Джон говорит о Смите, больше говорит о самом Джоне». По мысли Л.О. Чернейко, «говорящий интерпретирует действительность, слушающий интерпретирует говорящего, потому что он тоже действительность» [Там же: 53].

Особенно важным для изучения оценочного акта представляется основание оценки, так как именно оно проявляется в семантическом толковании и «ограничивает сочетаемость прилагательного» [Вольф 2002: 65]. Е.М. Вольф определяет основания оценки как «глубинные пропозициональные связи определяемого» [Там же: 65]. Если проанализировать все члены текстовой парадигмы, центром которой является эмоционально-оценочный предикат, то все они будут иметь нечто общее в денотации, что «позволяет им иметь общую признаковую характеристику» [Там же]. Таким образом, по сочетаемости оценочного предиката можно выявить «признаки объекта, по которым он оценивается: *хороший повар*, аспект связан с функцией; *хорошая погода*, аспект оценки – ряд признаков ситуации «погода»...» [Там же: 15]. Именно с опорой на мотив оценки моделируется дефиниция того или иного оценочного предиката.

Наконец, приписывание оценки субъектом речи тому или иному объекту происходит не спонтанно: говорящий не выдумывает основание для вынесения оценочного суждения, а опирается на существующие в данном обществе в данное время нормы и стандарты. Как указывает Н.Д. Арутюнова, эта идея берет начало в трудах Б. Спинозы, который ввел понятие «точки отсчета» и «норматива», относительно которых субъект выносит ценностное суждение [Арутюнова 1999: 143]. Смена представлений о норме в разные эпохи в разных культурно-исторических сообществах формирует мнение говорящего об объекте оценки и определяет механизмы вынесения оценочных суждений.

Идея норматива, определяющего основания оценки и тем самым влияющего на выявление семантики оценочных предикатов, легла в основу представления об аксиологической шкале (шкале оценок). По мысли Е.М. Вольф, «в структуре оценочной шкалы имеется зона нормы... Она соотнесена с той частью шкалы оценок, на которой помещается стереотипное представление о данном объекте с соответствующим признаком» [Вольф 2002: 54]. Исследователь говорит о стереотипе как «психолингвистической основе оценочных высказываний» [Там же: 60]. Несомненно, субъект оценки может выносить оценочные суждения, резко противоположные общепринятым установкам. Но это, скорее, свидетельствует о сознательном отклонении говорящего от стереотипа, что является показателем неординарности его взглядов на мир. Так или иначе, представление о норме остается существенным элементом модальной субъектно-объектной парадигмы.

Идеи Е.М. Вольф развивались в работах А.Н. Шрамма. С точки зрения исследователя, процедура оценивания включает в себя 4 компонента: субъект оценки, предмет оценки, характер оценки (выбираемое для оценивания слово, входящее в определенную шкалу оценок), основание оценки (точка зрения, с которой происходит оценка). Это означает, что для выведения новых оценочных признаков в сознании оценивающего субъекта должно быть представление о некоем «стандарте» для данного класса предметов [Шрамм 1979: 40].

Анализируя оценочные предикаты, в том числе оценочные имена прилагательные, многие исследователи обращают внимание на их текстопорождающую способность. Н.Д. Арутюнова объясняет это явление наличием у оценочных предикатов обязательной валентности на смысловое развертывание: «Не будучи дескриптивными, оценочные предикаты стирают индивидуальность объекта... И за положительной, и за отрицательной оценкой могут стоять различные наборы аксиологически релевантных признаков. Поэтому оценочные предикаты нуждаются в экспликации» [Арутюнова 1988: 81]. По мнению исследователя, вслед за оценочным предикатом или же до него «эксплицируется эталон или фактическое положение вещей», т.е. осуществляется «дескриптивное развертывание оценки» [Там же: 92].

Сходную позицию занимают авторы коммуникативной грамматики русского языка: «Оценочное предложение, в отличие от дескриптивного, не может существовать изолированно, оценка всегда возникает на фоне описания или повествования, поэтому такой текст обычно встречается в соответствующем окружении» [Золотова 1998: 99].

Л.О. Чернейко также приписывает особую текстообразующую роль эмоционально-оценочным предикатам, являющимся центром перцептивных парадигм: «Эти языковые единицы составляют индивидуальное аффективное семантическое пространство, позволяющее на собственно языковой основе моделировать образ автора» [Чернейко 2003: 26].

1.6. Имя прилагательное как часть речи. Место оценочных прилагательных в типологии качественных прилагательных.

В современном русском языке именем прилагательным называют самостоятельную часть речи, которая обозначает «непроцессуальный признак предмета» и выражает «это значение в словоизменительных морфологических категориях рода, числа и падежа» [Русская грамматика 1980]. По мысли А.А. Шахматова, представление об имени прилагательном непременно вызывает

«представление о субстанции как носительнице тех пассивных признаков, которые выражаются прилагательным» [Шахматов 2001: 490]. Подобные идеи обусловлены природой имен прилагательных, которые генетически восходят к именам существительным, «отличаясь от них только тем, что каждое прилагательное изменяется по родам, в то время как каждое существительное принадлежит к одному определенному роду» [Кузнецов 1959: 140].

Если же не принимать во внимание формальное родство между рассматриваемыми частями речи, то окажется, что существительные и прилагательные изначально были противопоставлены друг другу, и противопоставление это идет от самых основ формирования теории частеречной принадлежности языковых единиц. Вслед за В.В. Виноградовым, выделившим среди структурно-семантических типов слов слова-названия [Виноградов 1972], Е.С. Кубрякова говорит о «кардинальных» частях речи (существительное, глагол, прилагательное, наречие), которые становятся «средством абстрактно-обобщенного мышления»: «Ведь уже для простейшего суждения о предмете нужно название этого предмета и тех атрибутов, которые ему приписываются» [Кубрякова 2008: 31]. При этом противопоставляются существительные, для которых более типична функция называния субъекта предикации, и прилагательные и глаголы – носители предикативной функции, что восходит к суждениям Платона и Аристотеля [Там же: 32].

Та же самая мысль ранее высказывалась А.М. Пешковским, который с опорой на философскую сущность выделяемых частей речи разграничивал существительные (для языковой мысли то же, что «субстанция» для философской) и прилагательные и глаголы («атрибут» или «акциденция» в философии) [Пешковский 2001: 79]. При этом подчеркивалась несамостоятельность имен прилагательных и глаголов, их постоянная отнесенность к именам существительным: прилагательное и глагол – «нечто несамостоятельное, нечто отсылающее нашу мысль на поиски ... существительного», «то, что мы приписываем предметам» [Там же: 75].

Разграничив предметные (субстанциональные) и признаковые значения, Е.С. Кубрякова дифференцирует последние на «временные» и «невременные», протяженные во времени и статичные: «Признаки первого рода лежат в основе значения глаголов, признаки второго рода – в основе прилагательных [Кубрякова 2008: 46]. Завершает ее классификацию «кардинальных» частей речи разграничение признаков приименных и прилагольных (т.е. прилагательных и наречий) [Там же: 44].

Таким образом, наиболее общей чертой имен прилагательных как части речи является обозначение непроцессуального признака. Это согласуется с определением, данным прилагательным В.В. Виноградовым: лексико-грамматическая категория, «объединяющая слова, которые обозначают признак предмета (качественный, относительный или указательно-определятельный) и которые являются определяющими имена существительные...» [Виноградов 1972: 157].

Следующим уровнем категоризации действительности вслед за частеречной принадлежностью является выделение лексико-грамматических разрядов (ЛГР): качественные, относительные, притяжательные прилагательные. По мнению В.В. Виноградова, именно понятие качества является категориальной основой имен прилагательных: «Качественность ищется в формах отношений между лицами, предметами, отвлеченными понятиями. Она выводится из отношения к предмету или действию» [Там же: 183]. А.А. Потенция, учитывая упомянутую выше связь относительного прилагательного с его первообразным существительным, отмечает ее постепенное ослабление, развитие отвлеченности, безотносительности, качественности прилагательного [Потенция 1977: 527]. Эту мысль развивал также А.М. Пешковский: «Даже и в относительных прилагательных ... вскрывается оттенок качественности, а оттенок отношения оказывается вторичным...» [Пешковский 2001: 82].

Н.Е. Сулименко, сопоставляя относительные и качественные прилагательные, отмечает субъективно-характеризующую функцию последних. Когнитивная функция качественных прилагательных при этом заключается «в выражении такой ментальной структуры, как мнение субъекта...» [Сулименко 2008: 38]. Исходя из этого, Е.А. Макарова разграничивает функции качественных и относительных прилагательных: для первых характерен субъективный способ характеристики (участие говорящего и его оценки), для вторых – объективный (совокупность знаний говорящего и признаков предметов данного класса) [Макарова 2011: 189].

Существует несколько классификаций качественных прилагательных. Так, А.Н. Шрамм доказывает, что ни формальные грамматические различия, ни словообразовательные особенности, ни синтаксическое поведение не могут стать основанием для выделения групп качественных прилагательных. Основание для классификации он видит лишь в структуре самих признаков, называемых прилагательными, т.е. обращается к внеязыковой действительности [Шрамм 1979: 17]. Признаки бесконечно разнообразны, поэтому в процессе осмысления мы соотносим реально воспринятый признак с имеющимся у нас в сознании «эталонном» («нормой», «точкой отсчета») [Там же: 18]. Разница в характере признака определяется разными видами мыслительных операций, необходимых для установления признака. Например, для установления собственного признака конкретного предмета (прилагательное ГОЛУБОЙ) необходима одноступенчатая мыслительная операция, а для обозначения признака, отражающего определенное отношение субъекта к предмету (прилагательное КРАСИВЫЙ), - более сложная мыслительная операция, включающая формирование в сознании данного признака на основе воспринятых органами чувств признаков.

Так, А.Н. Шрамм разделяет все качественные прилагательные на:

А) эмпирийные (осознаются в результате одноступенчатой мыслительной операции сопоставления с «эталонном»);

Б) рациональные (сопоставляются некие признаки и полученная совокупность сравнивается с «эталоном»).

М.Ю. Сидорова говорит не только о качественных именах прилагательных, но и о прилагательных в целом и выбирает иное основание для их классификации – соотношение между модусным и диктумным субъектом [Сидорова 1994: 5]:

А) признак – диктумный субъект (носитель признака);

Б) признак – модусный субъект (говорящий, наблюдающий, оценивающий и т.д.).

Согласно данной классификации можно выделить следующие классы адъективных значений:

- наблюдаемые признаки (ТОЛСТАЯ КНИГА);
- информативные признаки (ПАПИНА КНИГА);
- эмоциональные признаки (ГРУСТНАЯ КНИГА);
- оценочные признаки (ХОРОШАЯ КНИГА).

Что касается последних двух классов, то многие исследователи отмечают аксиологическую обработку действительности, предшествующую различным эмоциям: «Анализ эмотивно-оценочного словаря и дискурса подтвердил положение психологов и когнитивистов об оценке как пусковом механизме возникновения эмоций» [Трипольская 2000: 14]. Отсюда следует, что возникновению эмоций всегда предшествует оценка, что, несомненно, сближает два выделенных адъективных значения.

Все отмеченные М.Ю. Сидоровой признаки противопоставлены по нескольким параметрам:

- 1) наблюдаемость/ненаблюдаемость;
- 2) субъективность/объективность – параметр, отделяющий наблюдаемые и информативные признаки от оценочных и эмоциональных;
- 3) критериальность/некритериальность – параметр, позволяющий выделить оценочные признаки среди субъективных;

4) каузативность/некаузативность (проективность/непроективность).

Последний из обозначенных параметров среди субъективных признаков позволяет выявить эмоционально-статусные и эмоционально-экспрессивные (*унылое лицо, печальная девушка*) как непроективные и оценочные и эмоционально-каузативные (*унылый пейзаж, печальные результаты*) как проективные [Сидорова 1994: 7-8]. Проективные значения проявляются «при проекции эмоциональных состояний на внешний мир или использовании названий эмоциональных признаков для характеристики внешних объектов, каузировавших эту эмоцию в личном субъекте» (*нивы печальные, он скучен* и т.д.) [Золотова 1998: 84-85]. Таким образом, согласно классификации М.Ю. Сидоровой, оценочные прилагательные обозначают ненаблюдаемые, субъективные, критериальные, а также проективные признаки.

Вопрос о семантике оценочных прилагательных и их роли в типологии качественных прилагательных волнует многих исследователей. Неслучайно Т.В. Маркелова отмечает «языковую и речевую «вездесущность» оценочных значений, реализуемую на разных языковых уровнях единицами, объединенными общей семантической ценностной доминантой *хорошо/нормально/плохо*» [Маркелова 1995: 73].

Если говорить о функционально-семантическом поле (ФСП) оценки (оценочные символы, объединенные оценочным смыслом в функционально-семантическое поле, реализуемое системой разноуровневых средств в их взаимодействии [Маркелова 1995]), то его центром будут являться оценочные прилагательные. При этом основой для развития в именах прилагательных оценочной семантики является упомянутая выше качественность как категориальная основа имен прилагательных в целом [Белова 2011].

Согласно типологии качественных прилагательных А.Н. Шрамма, оценочные прилагательные входят в разряд рациональных, однако обладают особой спецификой. Наше сознание сопоставляет воспринимаемые признаки оцениваемого объекта, сравнивает их с «эталоном», но выведенные подобным

образом оценочные признаки вообще не принадлежат предмету, они лишь «характеризуют его в том или ином плане» [Шрамм 1979: 22].

Н.Д. Арутюнова в работе «Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт» следующим образом определила специфику оценочных прилагательных в сопоставлении с дескриптивными. Если «понимание значения дескриптивных прилагательных опирается на семантическую компетенцию говорящих», то для понимания оценочных значений необходима прагматическая компетенция, поэтому уместнее говорить об интерпретации, а не о понимании значения оценочных прилагательных [Арутюнова 1988: 6]. Причем интерпретация оценки в большой степени зависит от внешних факторов, таких, как категории оцениваемых предметов, социальные нормы и другое.

Отсюда вытекает важное следствие, которое нельзя не учитывать при анализе оценочных прилагательных: если оставить в стороне мотивы, т.е. основания оценки, то оценочные предикаты «не оставляют места для семантического анализа» [Там же: 61]. Именно поэтому исследование семантики оценочных предикатов предполагает обязательное обращение к контексту их употребления.

Основываясь на анализе употребления оценочного прилагательного *good*, немецкий исследователь Фон-Вригт предлагает следующую классификацию оценочных прилагательных (цит. по: [Арутюнова 1988: 66]):

- 1) инструментальные (*хороший нож*);
- 2) технические, или оценки мастерства (*хороший специалист*);
- 3) оценки благоприятствования (*хороший для здоровья*) + производные от них этические оценки (*хороший поступок*);
- 4) утилитарные (*хороший совет, плохой план*);
- 5) медицинские (*хорошее сердце, плохая память*);
- 6) гедонистические (*хороший вкус, хорошая шутка, хороший обед*).

Однако Н.Д. Арутюнова предлагает расширенную классификацию оценочных прилагательных, поскольку во всех рассмотренных Фон-Вригтом

контекстах прилагательное GOOD можно заменить с легкостью на синонимы: HARMLESS, USEFUL и т.д. На самом же деле общую оценку заменить частной не всегда возможно, «особенно если оценка дается по совокупности свойств» [Там же: 71]. Поэтому Арутюнова в первую очередь вводит противопоставление общеоценочных (реализуются прилагательными ХОРОШИЙ, ПЛОХОЙ и их синонимами) и частнооценочных прилагательных (дают оценку одному из аспектов объекта с определенной точки зрения) [Там же: 75-76].

Классификация частнооценочных значений по характеру мотивации оценки выглядит следующим образом:

1. Сенсорные (прямо проистекают из физических или психических ощущений субъекта оценки и обычно не мотивируются, характеризуют в большей мере субъект оценки, нежели ее объект):

а) сенсорно-вкусовые (гедонистические): *вкусный, душистый*;

б) психологические: 1) интеллектуальные: *интересный*; 2) эмоциональные: *радостный, печальный*;

2. Сублимированные оценки (удовлетворение чувства прекрасного и нравственного чувства; оценка не безразлична к понятию архетипа, нормы):

а) эстетические: *красивый*;

б) этические: *добрый, аморальный*;

3. Рационалистические оценки (учитывается практическая деятельность и повседневный опыт человека):

а) утилитарные: *полезный, вредный*;

б) нормативные: *нормальный, неправильный*;

в) телеологические: *эффективный, неудачный*.

При употреблении общеоценочных предикатов речь идет не о «значении, а о понятии, которое ассоциируется со словом ХОРОШО применительно к данной категории объектов» [Там же: 77].

Вопрос семантики оценочных прилагательных пытался разрешить и А.Н. Шрамм, анализируя зафиксированные словарями значения прилагательного

ХОРОШИЙ (от 3 до 10 в разных словарях). Исследователь опирается на выделенный им ранее механизм вынесения оценочных суждений: субъект оценки выявляет различные свойства и признаки объекта оценки, сопоставляет их с имеющимся у него в сознании эстетическим идеалом для данного класса предметов (основание оценки) и выбирает оценочное слово из соответствующей шкалы оценок [Шрамм 1983: 70]. Большое количество выделенных ЛСВ прилагательного ХОРОШИЙ объясняется его широкой сочетаемостью практически со всеми наименованиями объектов окружающей действительности – абсолютно всем, чему «в нашем сознании сопутствует представление о стандарте» [Там же: 73]. Именно поэтому исследователь призывает учитывать обобщающий характер значения оценочного прилагательного, иначе можно легко спутать реальные «оттенки значения» и «формулировки тех качеств предметов, которые позволяют оценивать предмет как хороший» (т.е. основания оценки) [Там же: 76].

В качестве конкретного варианта разрешения вопроса о многозначности прилагательных вообще и оценочных прилагательных в частности А.Н. Шрамм предлагает учет сочетаемости ЛСВ как «важнейшего собственно языкового различительного показателя, необходимого и достаточного для выявления разных значений многозначного слова» [Шрамм 1979: 82]. Но, т.к. прилагательные одинаково сочетаются с именами существительными вне зависимости от значения, необходимо брать во внимание лишь однозначное совпадение значения прилагательного и семантической группы тех существительных, в сочетании с которыми оно реализуется [Там же: 84]. Также А.Н. Шрамм предлагает учитывать так называемый «контекст 2 степени», т.е. те определения, в ряду которых стоит ЛСВ.

Выводы.

1. Оценочные предикаты трудно включить в оппозиции по какому-либо дифференциальному признаку, поэтому они не поддаются изучению методом

компонентного анализа, разработанного структурной лингвистикой. В основе компонентного анализа лежит парадигматический подход к лексике, т.е. изучение не отдельно взятого слова в его определенном значении, а всего множества слов, парадигматически связанных с данным. Причем выявление семантической специфики той или иной единицы должно основываться на анализе сочетаемости слова и изучении границ субституции семантически близких единиц. Принципы парадигматического анализа лексики согласуются с концепцией изучения оценочных суждений, разработанной Дж. Муром, и применимы к анализу семантики оценочных предикатов.

2. Термин ПАРАДИГМА в работе понимается широко и как инструмент лингвистического описания приложим к семантическим множествам разного типа при условии наличия в них константы. Это может быть как интегральная сема в значениях членов парадигмы (основа для построения лексикографической и текстовой лексико-семантической парадигмы), так и оценочный предикат, группирующий вокруг себя наименования различных объектов оценки (текстовые парадигмы, являющиеся аналогом выделенных Л.О. Чернейко перцептивных парадигм художественного текста).

3. В оценочных предикатах отражены наши впечатления от тех явлений, с которыми мы сталкиваемся в повседневной жизни, поэтому их рассмотрение невозможно в отрыве от субъектно-объектной парадигмы. Рассмотрение акта оценки также включает в себя анализ основания оценки, проявляющегося в семантическом толковании оценочного предиката и тем самым ограничивающего его сочетаемость, и обращение к нормативу, укорененному в обществе и направляющему выбор того или иного оценочного предиката из ряда возможных. Также оценочные предикаты обладают текстопорождающим потенциалом, что объясняется наличием у них обязательной валентности на смысловое развертывание.

4. Оценочные прилагательные как одна из разновидностей оценочных предикатов обозначают признаки, которые не принадлежат самому предмету, а

лишь характеризуют его в том или ином плане. Широкая сочетаемость общеоценочных прилагательных объясняет разное количество их ЛСВ, представленное в различных толковых словарях русского языка.

Глава II. Лексикографический анализ прилагательного СТРАННЫЙ.

2.1. Анализ словарных дефиниций как основа изучения семантики и прагматики лексической единицы.

Опорным пунктом настоящего исследования является изучение дефиниций прилагательного СТРАННЫЙ в толковых словарях – основных «хранителях» той информации о мире, которой располагает русскоязычный культурный социум.

Исследование словарных статей опирается на следующие параметры. Во-первых, раскрытие того или иного понятия в словарных дефинициях имеет свои ограничения. Л.В. Щерба считал, что именно в словарях отражается обыденное языковое сознание, свойственное среднестатистическому носителю языка [Щерба 2013]. Но важен и тот факт, что словарь – это лексикон, то есть статическая система, не связанная напрямую с конкретными речевыми употреблениями в данный момент времени. Что касается иллюстративного материала словарей, то он большей частью составлен на основе текстов художественных произведений разных авторов, то есть представляет собой вырванные из контекста фрагменты без их соотнесения с мировоззрением автора. Также словари не фиксируют постоянные изменения, происходящие в живой речи со значениями слов и отражающиеся в их сочетаемости и употреблении. Наконец, в каждом конкретном словоупотреблении доминируют именно те смыслы, которые говорящий акцентирует в своем сообщении. При этом, выбирая какое-либо слово из лексико-семантического множества, автор поневоле вкладывает в него некие добавочные элементы смысла. Так, по словам Р. Якобсона, любое сообщение того или иного автора представляет собой «нечто, чего на этом языке при соответствующих условиях нельзя не сказать» [Якобсон 1985: 365-366]. Таким образом, для уточнения семантики исследуемой единицы языка необходимо не только провести ее детальный лексикографический анализ, но и рассмотреть ее функционирование в

идиолекте конкретного автора. Это позволит детализировать смыслы, которые говорящий вкладывает в данное слово, и объяснить выбор именно этого члена множества.

Во-вторых, важную роль в формировании смысла той или иной лексической единицы играют ее «семантические соседи», то есть слова, через которые толкуется в словаре исследуемая единица. В основе данного утверждения лежит точка зрения Ю.Н. Караулова, который отметил такое свойство словаря, как «семантическая непрерывность». Это означает, что в языке «нет и не может быть слов, изолированных в семантическом отношении» [Караулов 1976: 75]. Сходную версию касательно определения значения слова в рамках лексико-семантической системы языка выдвигает И.М. Кобозева [Кобозева 2000: 98]. Выделение «семантических соседей» исследуемого слова является непременным условием его детального лексикографического анализа, поскольку только сопоставление содержания слов в рамках лексической парадигмы вскрывает семантико-прагматическую специфику каждой единицы, взятой не изолированно, а как элемент системы языка.

Необходимо отметить принадлежность прилагательного СТРАННЫЙ к группе оценочных прилагательных, поэтому его нельзя рассматривать в отрыве от упомянутой ранее особой структуры, которая является выразителем оценочной модальности, «оценочной модальной рамки» в терминологии Е.М. Вольф [Вольф 2002: 12]. Особенно важным представляется основание оценки, так как именно оно проявляется в семантическом толковании и «ограничивает сочетаемость прилагательного» [Там же: 65].

2.1.1. Анализ словарных дефиниций прилагательного СТРАННЫЙ в толковых словарях современного русского языка.

Принимая во внимание выделенную ранее семантическую непрерывность словаря, рассмотрим дефиниции прилагательного СТРАННЫЙ в синхронии, на материале базовых толковых словарей: «Словарь современного русского

литературного языка» (БАС), «Словарь русского языка» (МАС), «Словарь русского языка» С.И. Ожегова, «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова. На первый взгляд дефиниции прилагательного СТРАННЫЙ в данных словарях схожи между собой, однако можно выявить более детальные смыслы, формирующие понятие «странный».

В «Словаре русского языка» С.И. Ожегова исследуемое прилагательное толкуется через прилагательные НЕОБЫЧНЫЙ, НЕПОНЯТНЫЙ: СТРАННЫЙ – необычный, непонятный, вызывающий недоумение. *Странный вид. Странный характер; НЕОБЫЧНЫЙ – не такой, как все, не похожий на обычное или привычное; НЕПОНЯТНЫЙ – 1) такой, что нельзя понять, неясный; 2) странный, загадочный.*

Исследуя толкования опорных слов первой дефиниции, приходим к выводу, что субъект оценки употребляет оценочное прилагательное СТРАННЫЙ, если сталкивается с а) ‘непривычным, не таким, как всегда’ (смысл А) или б) ‘непонятным, необъяснимым с точки зрения логики феноменом’ (смысл Б).

В словаре под редакцией Д.Н. Ушакова у прилагательного СТРАННЫЙ выделены два значения: 1) необычный, трудно объяснимый... 2) безл. в знач. сказ. – СТРАННО. *Непонятно, необъяснимо, удивительно.*

Использование слова СТРАННЫЙ в безличном предложении в роли сказуемого (в форме СТРАННО) соотносится с одним из ранее выделенных смыслов – ‘то, что для субъекта не поддается объяснению, лежит вне пределов его понимания’, проиллюстрированным примером из словаря: *Странно, что вы такого нелестного мнения об этой особе?* (А.П. Чехов).

В примерах на первое значение совершенно не разграничиваются оба смысла: *Бывают странные сны, а наяву страннее* (А.С. Грибоедов), т.е. загадочные и смутные сны, подлежащие толкованию лишь на интуитивном уровне, нечто непонятное, не поддающееся логическому объяснению – смысл Б; *По небу бродили обрывки туч, пышные, странных очертаний и красок* (М.

Горький), т.е. тучи имели необычную форму, отклоняющуюся от привычной формы облаков – смысл А.

В МАС слово СТРАННЫЙ толкуется через существительное НЕОБЫЧНОСТЬ как ‘вызывающий недоумение, удивление своей необычностью’, а НЕОБЫЧНОСТЬ – как свойство по прилагательному НЕОБЫЧНЫЙ, т.е. ‘не такой, как все, как у всех, отличный от других, особенный; непривычный, не такой, как всегда’.

Нельзя не заметить, что в словаре делается акцент лишь на одном из выделенных смыслов – ‘странный как непривычный, отклоняющийся от стандартного положения дел’ (смысл А). Однако в примерах на слово СТРАННЫЙ параметр ‘необычность’ вновь проявляется в двух различных смыслах. Необычной называют и погоду, которая не соответствует привычным ожиданиям, и чувство человека, которое невозможно логически объяснить: *Погода [в Лондоне] странная – декабрь, а тепло: вчера была гроза* (И.А. Гончаров); *Ольга Прохоровна проснулась со странным чувством, что кто-то стоит за дверью и терпеливо ждет, когда она проснется* (В.А. Каверин). Несомненно, такое сближение двух на первый взгляд различных смыслов должно иметь логическое основание и обоснование. Применяя метод установления ЛСИ (лексико-семантического инварианта), который заключается в анализе дефиниций базовых толковых словарей на предмет установления повторяющихся и уникальных сем [Чернейко 2004-2005], можно выделить инвариантный компонент значения, обуславливающий широкий контекст употребления прилагательного СТРАННЫЙ, – это ‘соответствие норме/отклонение от нормы’.

В любом обществе в каждую конкретную эпоху формировались определенные представления о неких прототипических параметрах, которые являются нормой. Если норма расценивалась со знаком плюс и не привлекала к себе внимания, то любое нарушение установленных обществом предписаний воспринималось отрицательно. Так, во все времена нормальными явлениями

считались те, которые можно было легко объяснить с точки зрения логики. Если же говорящий сталкивался с непонятным феноменом, то в действие вступал примерно следующий механизм: я не понимаю данное явление и не могу себе его объяснить → данный феномен представляет собой отклонение от нормы → я его не принимаю и оцениваю негативно. Практически тот же самый механизм применяется, когда говорящий сталкивается с чем-либо непривычным, не таким, как всегда. Именно инвариантный смысл 'отклонение от нормы' позволяет выделять в толковых словарях не два значения прилагательного СТРАННЫЙ, а одно. Если учесть, что в дефиниции оценочных прилагательных отражены мотивы оценки, то можно считать выделенные смыслы А и Б основаниями вынесения оценочного суждения.

В БАС представлено следующее определение слова СТРАННЫЙ: СТРАННЫЙ – необычный, непонятный, вызывающий недоумение // отличающийся необычными, непонятными, вызывающими недоумение привычками, взглядами, поступками, со странностями // свойственный человеку со странностями.

В этой словарной статье, как и в предыдущих, подчеркивается, что тот или иной объект расценивается как странный, если что-то в нем отклоняется от нормы: становится непонятным, необъяснимым, непривычным; причем оценка зачастую приобретает ярко выраженные отрицательные коннотации. Во многом это обусловлено толкованием через слово СТРАННОСТЬ, обозначающее свойство по прилагательному СТРАННЫЙ. Словарь дает следующее значение: СТРАННОСТЬ – необычность в поступках, привычках, взглядах. Однако употребление слова СТРАННОСТЬ всегда сопровождается отрицательными коннотациями. В сознании среднестатистического носителя русского языка выражение ЧЕЛОВЕК СО СТРАННОСТЯМИ воспринимается как своеобразный диагноз. Это оценка, которая дается окружением человека, обществом в целом. Необычность в поступках и поведении, непохожесть на

окружающих такого «человека со странностями» становится настолько яркой и очевидной, что сопровождается резко негативными оценочными суждениями.

Стоит отметить, что прилагательное СТРАННЫЙ, всегда выполняющее оценочную функцию, иногда не имеет ярко выраженных отрицательных коннотаций. Это демонстрируют примеры из БАС: *Ее находят что-то странной, Провинциальной и жеманной...* (А.С. Пушкин). *Я говорила, что ты странный, не такой, как другие* (Ю.С. Крымов). Если во втором примере присваивание оценки мотивируется лишь отличием поведения адресата оценки от общепринятых норм, то в первом примере явно прослеживается выделенный выше механизм: отклонение от норм поведения → не понимаю и не принимаю данное отклонение → оценка СТРАННЫЙ, в которую вкладывается отрицательный смысл.

2.1.2. Анализ словарных дефиниций прилагательного СТРАННЫЙ в исторических словарях.

Если обратиться к словообразовательной мотивации прилагательного СТРАННЫЙ, то в современном русском языке оно, согласно «Словообразовательному словарю русского языка» А.Н. Тихонова, является непроизводным и немотивированным. Между тем, бесспорно, что в истории развития языка это прилагательное – дериват существительного СТРАНА. В «Материалах для словаря древнерусского языка» И.И. Срезневского одним из значений старославянизма СТРАНА и его русского аналога СТОРОНА является ‘чужая страна, иноверный народ’ (отрицательные коннотации - ‘чужое, чуждое, неприемлемое’ – очевидны). В современном русском языке семантика и коннотации существительных СТРАНА и СТОРОНА разошлись. Согласно «Словарю русского языка» С.И. Ожегова, лексема СТРАНА не имеет отрицательных коннотаций, в отличие от слова СТОРОНА, которое означает ‘положение вне главных событий развития чего-либо’ (*смотреть со стороны, ср. по ту сторону* – ‘о том, что противостоит чему-нибудь как далекое,

чуждое'). Отрицательные коннотации подтверждаются дериватами существительного СТОРОНА: СТОРОНИТЬСЯ ('избегать, не желать встречаться, сталкиваться с кем-чем-нибудь'), СТОРОННИЙ ('посторонний, чужой). Однако образованное от существительного СТРАНА прилагательное СТРАННЫЙ наследует отрицательные коннотации слова СТОРОНА. Это подтверждается «Материалами для словаря древнерусского языка» И.И. Срезневского: СТРАННЫЙ – чужой, иной области; чуждый; удивительный, необыкновенный; непостижимый; отвратительный; зазорный.

В «Словаре живого великорусского языка» В.И. Даля, построенном по алфавитно-гнездовому принципу, также зафиксирована связь прилагательного СТРАННЫЙ с существительным СТРАНА (СТОРОНА, в знач. 'край, объем земель, местность, округа, область, земля, государство, часть света') и с лексемой СТРАННИК, дефиниция которой заслуживает особого внимания: СТРАННИК – более в знач. странный, захожий, человек с чужбины, проезжий, прохожий; гость, ищущий где-либо временного приюта; или обрекшийся на тунейдное странничество, под предлогом богомолья, бездомный проходимец, землепроход...

При этом интересующие нас слова СТРАННЫЙ и СТРАННИЙ имеют в своем толковании следующие единицы: СТОРОННИЙ, ПОСТОРОННИЙ, ПОБОЧНЫЙ, НЕЗДЕШНИЙ, НЕТУТОШНИЙ, ЧУЖОЙ, ИНОЗЕМНЫЙ.

Совмещая обе дефиниции, делаем вывод об отрицательных коннотациях прилагательного СТРАННЫЙ: 'странный как чужой и чуждый, другой, которого я не понимаю и не принимаю'. Это подтверждают примеры из словаря Даля: *Они странные, здесь незнамы, незахожи. Мы странных в дом пускать боимся.*

Прослеживая формирование новых производных значений у прилагательного СТРАННЫЙ, Даль включает в словарь значения, сходные с современными: СТРАННЫЙ – чудный, необычный, необыкновенный,

особенный, ... чужак, своеобразный, причудливый...; СТРАННОСТЬ – необычность. Он человек странный. За ним много странностей, чудачества.

Этимологическая информация о прилагательном СТРАННЫЙ в «Этимологическом словаре русского языка» М. Фасмера подтверждает сказанное выше: СТРАННЫЙ – от предыдущего → СТРАНА – заимств. из ц.-слав., вместо исконного СТОРОНА (сюда же СТРАННИК).

Из примеров и собственно словарных дефиниций следует, что странное воспринималось и воспринимается как чуждое и тем самым отклоняющееся от нормы, непривычное, то, что общество считает нестандартным, нетипичным, следовательно, неприемлемым.

2.2. Парадигматический подход к моделированию и описанию лексикографического семантического множества, организованного прилагательным СТРАННЫЙ.

Исследовав дефиниции прилагательного СТРАННЫЙ в толковых словарях с привлечением данных исторических и этимологических словарей, рассмотрим место данного слова в структуре языка в целом. Для этого необходимо сформировать лексикографическое семантическое множество, центром которого является прилагательное СТРАННЫЙ.

По словам Ю.Д. Апресяна, «словарь языка не является хаотическим нагромождением единиц. Он распадается на некоторое число «полей», объединяющих слова на основе их семантической общности» [Апресян 1962: 52]. Семантическое (лексико-семантическое) поле является центром научных интересов многих исследователей. Наиболее полно все взгляды на теорию поля в языке сформулировал Г.С. Щур, который отметил инвариантный принцип группировки отдельных элементов в пределах поля [Щур 1974: 206]. Следует отметить, что разные исследователи выделяют лексико-семантические поля по различным принципам: лексико-семантические группы, тематические группы, синонимические ряды и т.п. [Там же: 19]. Однако Ю.Н. Караулов подчеркивает,

что все подобные группы слов «близки по характеру к семантическому полю» [Караулов 1976: 35]. Принципиально лишь то, что между элементами поля существует семантическая связь и что элементы поля внутренне упорядочены (идея их «взаимоопределяемости» и даже «взаимозаменяемости») [Там же: 33].

Подход к изучению семантики прилагательного СТРАННЫЙ с использованием методики установления семантического поля обеспечивает а) уточнение его семантики, специфика которой устанавливается в сопоставлении с ближайшими «семантическими соседями»; б) представление об инвариантном компоненте значения, объединяющем элементы как его внутрисловной парадигмы (множество ЛСВ), так и межсловной (синонимическое множество). В то же время необходимо выделить отдельные смыслы, которые в сочетании с установленным инвариантным смыслом будут формировать каждое отдельное значение (ЛСВ) данного прилагательного. Семантическая специфика любого слова (прилагательного СТРАННЫЙ в том числе) не только направляет его сочетаемость, но и раскрывается через его функционирование в тексте: через сочетаемость и тест на субституцию – возможность/невозможность его замены другими членами множества.

Проблема составления лексикографического семантического поля разработана в концепции Ю.Н. Караулова, представленной в работе «Общая и русская идеография». Описывая соотношение лексики и словаря, Ю.Н. Караулов отмечает, что лексика, то есть «все слова данного языка, когда-либо в нем существовавшие...», является своего рода абстракцией, так как невозможно указать «такое место или время, где была бы сконцентрирована вся лексика одного какого либо языка». Словарь же выступает как «конкретная манифестация некоторой части лексики» [Караулов 1976: 69]. По мнению исследователя, для выявления семантических закономерностей удобнее отказаться от независимого рассмотрения семантического и словарного аспектов языка [Там же: 81]. С точки зрения Ю.Н. Караулова, в основе структурно-семантического описания лексики лежит движение от словарных

дефиниций к построению лексико-семантического поля. Центром подобного семантического множества может стать абсолютно любая единица, выступающая в роли вокабулы в том или ином словаре. При этом под семантической связью, охватывающей все единицы составляемого множества, понимается наличие одинаковых слов в словарных определениях толкового словаря. Процесс семантического перехода от слова к слову охватывает всю лексику. Установить закономерность данного процесса, выявить семантические связи между лексическими единицами – значит установить системный характер лексики.

На основе концепции Ю.Н. Караулова Л.О. Чернейко разработала частную методику составления лексикографических парадигм (ЛП). В основе данной методики лежит поэтапный переход от исходной лексической единицы, взятой в статусе вокабулы, к лексическим единицам метаязыка, то есть тем, что входят в словарную дефиницию на правах опорного слова [Чернейко 2009-2010]. Причем устанавливается семантическая связь слов той же части речи, что и исходная вокабула. Именно в принципе моделирования, с точки зрения Л.О. Чернейко, заключается отличие лексикографического семантического поля от ЛП: ЛП строится на семасиологическом основании (от слова к его ближайшим семантическим соседям той же частеречной принадлежности), а лексикографическое семантическое поле – на ономасиологическом (от идей к их лексической репрезентации словами разных частей речи) [Чернейко 2004-2005]. Стоит отметить, что ЛП является аналогом лексико-семантической группы (ЛСГ). Уход от общепринятого лингвистического термина в настоящей работе объясняется тем, что исследование опирается на частную методику, упомянутую выше, где речь идет именно о лексикографических парадигмах. К тому же, составление ЛП является неотъемлемой частью парадигматического анализа, который, как было сказано в п. 1.4, может быть применен к исследованию оценочных предикатов.

ЛП, организованная прилагательным СТРАННЫЙ, составляется на основе его дефиниций в базовых толковых словарях. В «Словаре русского языка» С.И. Ожегова в словарную дефиницию прилагательного входят слова НЕОБЫЧНЫЙ и НЕПОНЯТНЫЙ. Вышеупомянутая методика позволяет добавить к исходному ЛСП прилагательное ЗАГАДОЧНЫЙ. Круг замыкается, так как выделенные прилагательные толкуются друг через друга.

В «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова кроме уже выделенных прилагательных в дефиниции слова СТРАННЫЙ присутствуют прилагательные НЕОБЪЯСНИМЫЙ, УДИВИТЕЛЬНЫЙ. На втором этапе добавляем в составляемое семантическое множество прилагательное НЕПРИВЫЧНЫЙ. Через данные прилагательные слово СТРАННЫЙ толкуется также в «Словаре русского литературного языка» (МАС) и «Словаре современного русского литературного языка» (БАС). Поэтому можно предположить, что прилагательные СТРАННЫЙ, НЕОБЫЧНЫЙ, НЕПОНЯТНЫЙ, УДИВИТЕЛЬНЫЙ, НЕОБЪЯСНИМЫЙ, НЕПРИВЫЧНЫЙ, ЗАГАДОЧНЫЙ образуют основу составляемой ЛП.

Нельзя не заметить того факта, что во всех рассмотренных словарных дефинициях присутствует один и тот же смысловой элемент – ‘другой, не такой, как всегда, отклоняющийся от нормы в силу тех или иных причин (непривычности, непонятности, нелогичности)’. Именно данный инвариантный смысл (‘отклоняющийся от нормы’) является основополагающим в формировании ЛП, все компоненты которой имеют свои собственные дифференциальные признаки, направляющие их сочетаемость. Так, прилагательное СТРАННЫЙ обладает более широким объемом означаемого, чем такие его «семантические соседи», как НЕПРИВЫЧНЫЙ, НЕОБЫЧНЫЙ, НЕПОНЯТНЫЙ, НЕОБЪЯСНИМЫЙ. Это, как уже было сказано, связано с двумя выделенными смыслами, формирующими содержание понятия ‘странный’: А – ‘непривычный, не такой как всегда’ → ‘отклоняющийся от нормы’ → ‘странный’; Б – ‘непонятный, нелогичный, не подлежащий

рациональному объяснению' → 'отклоняющийся от нормы' → 'странный'. Остальные прилагательные однозначно соответствуют одному из выделенных смыслов: НЕПРИВЫЧНЫЙ, НЕОБЫЧНЫЙ (смысл А) и НЕОБЪЯСНИМЫЙ, НЕПОНЯТНЫЙ (смысл Б). Слово УДИВИТЕЛЬНЫЙ ближе по значению к прилагательному СТРАННЫЙ, так как основанием для подобной оценки является или необъяснимое, или непривычное явление действительности, нечто, что не вписывается в жизненный опыт субъекта оценки. Однако удивление – это иное ментальное состояние, чем то, которое обозначается прилагательным СТРАННЫЙ. По мысли древнегреческих философов, познание начинается с удивления. То есть, столкнувшись с явлением, вызывающим удивление, мы стремимся преодолеть свое непонимание, вписать пережитое в наш опыт. Если же говорящий наделяет что-либо оценкой СТРАННЫЙ, то он стремится намеренно отгородиться, отстраниться от этого. Отсюда отрицательные коннотации слова СТРАННЫЙ, которых лишено прилагательное УДИВИТЕЛЬНЫЙ (за исключением ироничного употребления: *Удивительная погода! Дождь как из ведра. Самое то для пикника!* – из разговора).

«Словарь синонимов русского языка» под редакцией А.П. Евгеньевой синонимом к слову СТРАННЫЙ дает прилагательное УДИВИТЕЛЬНЫЙ (в высшей степени странный, вызывающий чувство удивления), а также ЧУДНОЙ, ДИКОВИННЫЙ (с пометой *разг.*). Принадлежность к составляемой ЛП обуславливается все тем же выделенным ранее смыслом – 'отклоняющийся от нормы, непривычный настолько, что это вызывает чувство удивления, недоумения'. Это подтверждает и контекст, приведенный в словарной статье: *И я мало-помалу поняла, что осталась одна и живу у чужих людей. Сначала мне все казалось странным и чудным, все меня смущало: и новые лица, и новые обычаи, и комнаты старого княжеского дома* (Ф.М. Достоевский).

Также отметим отрицательные коннотации, которыми обладают оценочные прилагательные СТРАННЫЙ, ЧУДНОЙ: 'непривычный, не такой, как у меня' → 'чужой, враждебный, неприемлемый'.

В свою очередь прилагательное УДИВИТЕЛЬНЫЙ толкуется через такие единицы, как ИЗУМИТЕЛЬНЫЙ, ПОРАЗИТЕЛЬНЫЙ, ДИВНЫЙ, ЧУДНЫЙ, а также НЕОБЫКНОВЕННЫЙ и НЕОБЫЧАЙНЫЙ. Если первая группа прилагательных указывает на «более сильное чувство удивления, изумления, вызванное кем-либо/чем-либо», то прилагательные НЕОБЫКНОВЕННЫЙ и НЕОБЫЧАЙНЫЙ имеют следующее толкование: ‘отличающийся от всех других, из ряда вон выходящий, выделяющийся чем-либо’. Более того, данная словарная статья содержит отсылку к прилагательному СТРАННЫЙ, что свидетельствует о завершенности круга при составлении ЛП.

В «Словаре синонимов русского языка» З.Е. Александровой прилагательное СТРАННЫЙ кроме уже выделенных слов ЧУДНОЙ, НЕОБЫЧНЫЙ имеет синонимом прилагательное ЧУДАКОВАТЫЙ. На втором этапе рассмотрения словарных дефиниций в составляемую ЛП включаем прилагательные ОСОБЕННЫЙ, ДИКОВИННЫЙ, НЕОБЫКНОВЕННЫЙ. Прилагательное НЕОБЫКНОВЕННЫЙ в свою очередь имеет синонимы ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ, ЭКСТРАОРДИНАРНЫЙ (подчеркивается не только отклонение от нормы, но и очень большая степень развития того или иного признака).

Также в составяемое множество включается прилагательное СВОЕОБРАЗНЫЙ (синоним прилагательного ОСОБЕННЫЙ). В «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой представлены два значения данного прилагательного, из которых нас интересует первое: ‘отличный от других, непохожий на обычное, оригинальный’. Другие словари толкуют прилагательное СВОЕОБРАЗНЫЙ сходным образом, не фиксируя при этом активно развивающееся в последнее время значение ‘с некоторыми психическими отклонениями, полусумасшедший’ (пример из разговора: *Да, у него своеобразный характер, истерит и изводит всех на пустом месте*). Данное прилагательное, как и прилагательное СТРАННЫЙ, является своего

рода эвфемизмом для более резких оценочных суждений и употребляется тогда, когда говорящий не может высказать свое мнение напрямую или же хочет смягчить резкую оценку.

По словам Н.М. Мининой, «...в каждом лексико-семантическом поле выделимо ядро и расположенные вокруг него семантические и стилистические слои...» [Минина 1973: 36]. Конечно, говорить о ядре и периферии парадигмы нельзя, однако Л.О. Чернейко отмечает неравноправие членов парадигмы по отношению друг к другу. «Возглавляет парадигму беспризнаковая для нее единица, единица высокой степени абстракции», среди остальных членов парадигмы могут быть выделены разные степени противопоставленности беспризнаковой единице [Чернейко 1980: 24]. Так, можно предположить, что прилагательное СТРАННЫЙ является центром сформированной ЛП, которая получает соответствующее название – ЛП ‘СТРАННЫЙ’. Прилагательные ЗАГАДОЧНЫЙ, НЕОБЪЯСНИМЫЙ, НЕОБЫКНОВЕННЫЙ, НЕОБЫЧНЫЙ, НЕПОНЯТНЫЙ, НЕПРИВЫЧНЫЙ, ОСОБЕННЫЙ, УДИВИТЕЛЬНЫЙ, часто повторяющиеся в рассматриваемых дефинициях, стоят ближе всего к прилагательному СТРАННЫЙ, тогда как прилагательные ДИВНЫЙ, ДИКОВИННЫЙ, ИЗУМИТЕЛЬНЫЙ, НЕБЫВАЛЬНЫЙ, НЕОБЫЧАЙНЫЙ, ОРИГИНАЛЬНЫЙ, ОСОБЛИВЫЙ, ПОРАЗИТЕЛЬНЫЙ, СВОЕОБРАЗНЫЙ, ЧУДАКОВАТЫЙ, ЧУДНОЙ, ЧУДНЫЙ, ЭКСТРАОРДИНАРНЫЙ, ЭКСЦЕНТРИЧНЫЙ находятся как бы на периферии множества.

Итак, анализ материалов толковых словарей и словарей синонимов русского языка позволяет составить ЛП с инвариантным значением ‘отклоняющийся от нормы’. В процессе формирования парадигмы выяснилось, что объем означаемого прилагательного СТРАННЫЙ значительно шире того содержания, которое стоит за большинством его «семантических соседей»: это ‘отклоняющийся от нормы не только в силу необычности и непривычности, но и в силу нерациональности, нелогичности, необъяснимости, непонятности того или иного явления действительности’. Именно поэтому прилагательное

СТРАННЫЙ стало своеобразным центром, объединяющим семантически смежные с ним слова, или возглавляющим синонимический ряд словом-доминантой. Его синонимы, совпадая с ним как центром-доминантой по инвариантной семе, существенно отличаются от него и различаются между собой по семам дифференциальным. Семантическое различие поддерживается и тем, что многие члены множества имеют статус производного слова, значение которого опирается на значение производящей базы, например, НЕОБЪЯСНИМЫЙ – ‘тот, который нельзя объяснить’; НЕПРИВЫЧНЫЙ – ‘тот, к которому не привыкли’. По данным словообразовательных словарей, прилагательное СТРАННЫЙ в современном русском языке не оценивается как производное, поскольку между ним и производящим словом произошел семантический разрыв, а значит, не обладает той мотивацией (внутренней формой), которая могла бы задавать семантический вектор его значения.

Также словари показывают стилистическую дифференциацию членов множества, что можно представить в виде таблицы:

Члены множества	Стилистическая дифференциация		
	Нейтральное	Разговорное, сниженное	Книжное, высокое
ДИВНЫЙ			+
ДИКОВИННЫЙ		+	
ЗАГАДОЧНЫЙ	+		
ИЗУМИТЕЛЬНЫЙ	+		
НЕБЫВАЛЫЙ	+		
НЕОБЪЯСНИМЫЙ	+		
НЕОБЫКНОВЕННЫЙ	+		
НЕОБЫЧАЙНЫЙ	+		
НЕОБЫЧНЫЙ	+		
НЕПОНЯТНЫЙ	+		
ОРИГИНАЛЬНЫЙ	+		

ОСОБЕННЫЙ	+		
ОСОБЛИВЫЙ		+	
ПОРАЗИТЕЛЬНЫЙ	+		
СВОЕОБРАЗНЫЙ	+		
СТРАННЫЙ	+		
УДИВИТЕЛЬНЫЙ	+		
ЧУДАКОВАТЫЙ		+	
ЧУДНОЙ		+	
ЧУДНЫЙ			+
ЭКСТРАОРДИНАРНЫЙ			+
ЭКЦЕНТРИЧНЫЙ			+

Важно отметить, что у слова СТРАННЫЙ есть одна семантико-прагматическая особенность: в этом прилагательном (и это тоже своего рода лексикографический инвариант) присутствует не зафиксированная словарями сема, в которой заложена информация об отношении субъекта оценочного суждения: а) эксплицитно – к параметру объекта оценки, на который она направлена (ему непонятно поведение, речи другого и т.п.); б) имплицитно – к носителю этого параметра, т.е. адресату оценочного суждения. И это отношение – неприятие.

Наиболее полно ЛП с инвариантным значением ‘отклоняющийся от нормы’ представлена в «Словаре синонимов и сходных по смыслу выражений» Н. Абрамова. Так, прилагательное СТРАННЫЙ имеет синонимы НЕОБЫКНОВЕННЫЙ, УДИВИТЕЛЬНЫЙ, ЧУДНЫЙ. Рассматривая данные лексические единицы как вокабулы, включаем в ЛП следующие единицы: НЕОБЫЧАЙНЫЙ, НЕБЫВАЛЫЙ, ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ, ОСОБЕННЫЙ, ОСОБЛИВЫЙ, СВОЕОБРАЗНЫЙ, ОРИГИНАЛЬНЫЙ, ЭКСТРАОРДИНАРНЫЙ, ЭКЦЕНТРИЧНЫЙ; ДИВНЫЙ, ДИКОВИННЫЙ, ИЗУМИТЕЛЬНЫЙ, ПОРАЗИТЕЛЬНЫЙ; НЕПОНЯТНЫЙ.

Выводы.

1. В результате лексикографического анализа прилагательного СТРАННЫЙ была сформирована ЛП 'СТРАННЫЙ', а также установлен инвариантный компонент значения, объединяющий все члены множества, – 'отклоняющийся от нормы'.

2. Лексикографический анализ позволил выявить дифференциальные семы, которыми различаются члены лексикографической парадигмы и в которых профилированы два основания оценки, определяющие выбор оценочного прилагательного в каждом конкретном случае: 'отклоняющийся от нормы в силу непонятности, нелогичности' и 'отклоняющийся от нормы в силу необычности, непривычности'.

3. Установлена структура ЛП 'СТРАННЫЙ': с одной стороны, прилагательные ЗАГАДОЧНЫЙ, НЕОБЪЯСНИМЫЙ, НЕОБЫКНОВЕННЫЙ, НЕОБЫЧНЫЙ, НЕПОНЯТНЫЙ, НЕПРИВЫЧНЫЙ, ОСОБЕННЫЙ, УДИВИТЕЛЬНЫЙ, которые стоят ближе всего к прилагательному СТРАННЫЙ; с другой стороны, ДИВНЫЙ, ДИКОВИННЫЙ, ИЗУМИТЕЛЬНЫЙ, НЕБЫВАЛЬНЫЙ, НЕОБЫЧАЙНЫЙ, ОРИГИНАЛЬНЫЙ, ОСОБЛИВЫЙ, ПОРАЗИТЕЛЬНЫЙ, СВОЕОБРАЗНЫЙ, ЧУДАКОВАТЫЙ, ЧУДНОЙ, ЧУДНЫЙ, ЭКСТРАОРДИНАРНЫЙ, ЭКСЦЕНТРИЧНЫЙ, находящиеся на периферии множества.

4. Установлено соответствие между значением и внутренней формой некоторых членов множества, поскольку они дублируют обозначение того состояния сознания, которое передается глаголом; этого нельзя сказать о прилагательном СТРАННЫЙ, которое в современном русском языке является непроизводным и немотивированным, а значит, внутренней формой не обладает.

5. С опорой на словари отмечена стилистическая дифференциация членов множества, а также установлено, что экстенционал стилистически нейтрального

прилагательного СТРАННЫЙ значительно шире того содержания, которое стоит за другими членами множества, – это ‘отклоняющийся от нормы или в силу необычности и непривычности, или в силу нелогичности, непонятности и необъяснимости того или иного явления действительности’. Кроме того, в стилистически нейтральном прилагательном СТРАННЫЙ присутствует не зафиксированная словарями сема, в которой заложена информация об отношении субъекта оценочного суждения: а) эксплицитно – к параметру объекта оценки, на который она направлена (ему непонятно поведение, речи другого и т.п.); б) имплицитно – к носителю этого параметра, т.е. адресату оценочного суждения. И это отношение – неприятие.

Глава III. Функционирование прилагательного СТРАННЫЙ в текстах разной стилевой и жанровой принадлежности в современном русском языке.

3.1. Сферы функционирования русского языка: понятие функционального стиля.

Нельзя говорить о функционировании в современном русском языке прилагательного СТРАННЫЙ и организованной им аксиологической парадигмы, опираясь лишь на данные словарей. Необходима проекция результатов контекстного анализа данного прилагательного и его «семантических соседей» в текстах разных стилей и жанров на установленные лексикографические данные.

Следует отметить, что в русском языке нет единой системы разграничения жанров и сфер функционирования письменных и устных текстов. Так, Ю.Н. Караулов выделял 8 сфер (форм) бытования русского языка: 1) мертвый язык памятников письменности; 2) диалектный язык; 3) письменный язык литературы, прессы, государственной документации; 4) повседневный разговорный язык и просторечие; 5) научно-технический и профессиональный язык; 6) русский язык в машинной (электронно-вычислительной) среде; 7) неисконная русская речь; 8) язык русского зарубежья [Караулов 1991: 7-9].

В то же время другие исследователи, в частности авторы коммуникативной грамматики, отмечают неравноценность выделенных Карауловым форм. По их мнению, нецелесообразно говорить о неисконной и эмигрантской русской речи как об отдельной сфере функционирования, поскольку она является результатом взаимодействия двух языковых сфер, а носители подобной разновидности русского языка – либо не дошедшие до полноценного владения языком, либо ушедшие от него [Золотова 1998: 10]. Владение диалектами не входит в языковую компетенцию носителей языка, при этом необходимо отметить коммуникативно-замкнутую природу диалекта и

ориентированность на адресата из своей среды, что характерно также для научно-технических и профессиональных языков [Там же: 11]. Несправедливым считают создатели коммуникативной грамматики отнесение незвучащей речи, например, художественных текстов XIX века, к мертвым формам существования языка. Ведь нельзя провести границу между живыми и мертвыми формами языка по рубежу XIX-XX веков. Все зависит от языковой компетенции читателя, а уровень этой компетенции «с детства формируется под влиянием русской классики. Чем живее, активнее для носителей языка эта часть языкового мира, тем выше уровень языковой личности, тем глубже осмысление языка в его статике и динамике» [Там же: 12]. Поэтому исследователи предлагают считать художественный текст особой формой существования языка. В языке можно выделить также его устно-разговорную разновидность, которой пользуются носители языка в обиходно-бытовой сфере [Там же: 15]. Причем авторы коммуникативной грамматики называют устно-разговорную и книжно-письменную формы речи двумя полюсами в пространстве общелитературного русского языка.

Функционирование прилагательного СТРАННЫЙ рассматривается нами в следующих общепринятых функциональных стилях речи (ФС), зафиксированных в Лингвистическом энциклопедическом словаре в статье «Функциональный стиль»: 1) научный (в том числе научно-популярный) и производственно-технический; 2) официально-деловой; 3) газетно-публицистический; 4) разговорный; 5) язык художественной литературы. Необходимо отметить, что по поводу статуса языка художественной литературы существуют разногласия: одни исследователи считают его соотносимым с национальным языком в целом, «включая территориальные и социальные диалекты» [ЛЭС 1990]. Мы же рассматриваем язык художественной литературы как отдельный функциональный стиль вслед за М.Н. Кожиной [Кожина 2008] и другими исследователями.

3.2. Понятие речевого жанра.

Рассматривая поведение прилагательного СТРАННЫЙ в текстах разной стилевой принадлежности, нельзя не обращать внимание на функционирование исследуемой единицы в текстах разных жанров в пределах того или иного ФС. Речевой жанр (РЖ) – относительно устойчивый тематический, композиционный и стилистический тип высказываний (текстов) [Стилистический энциклопедический словарь русского языка]. Как отмечает О.Е. Фролова, в лингвистике речевому жанру уделяется гораздо меньшее внимание, чем в литературоведении; более того, «исследователи при анализе текста оперируют несколькими терминами: *жанр, сорт текста, тип текста, дискурс*» [Фролова 2007: 37].

По мысли М.М. Бахтина, «мы научаемся отливать нашу речь в жанровые формы, и, слыша чужую речь, мы уже с первых слов угадываем ее жанр» [Бахтин 1979: 257]. Неслучайно многие исследователи, например, В.В. Виноградов, работали с РЖ без отдельных разъяснений и комментариев, воспринимая данное лингвистическое явление как само собой разумеющееся. Бахтин же впервые уделил должное внимание РЖ, выделив среди них первичные («типичнейшие» РЖ: вопрос, приказ, просьба и т.д.) и вторичные (в состав которых, помимо прочего, входят литературные жанры) [Бахтин 1979]. В качестве основных характеристик РЖ Бахтин выделял следующие признаки:

- 1) единство тематического содержания, стиля и композиционного построения текстов в пределах одного жанра;
- 2) единство субъекта высказывания, принадлежащего определенному жанру;
- 3) ответная реакция слушателя, которая предполагается тем или иным жанром;
- 4) соотнесенность каждого жанра с определенной сферой человеческой деятельности [Бахтин 1996].

На основании теории речевых жанров М.М. Бахтина Т.В. Шмелева разработала свою классификацию РЖ [Шмелева 1990, 1997]. Все многообразие РЖ, как первичных, так и вторичных, Шмелева сводит к 4 типам, выделенным в зависимости от коммуникативной цели высказывания:

- 1) информативные РЖ (действия в мире информации);
- 2) оценочные РЖ (локализация в «черно-белом мире оценок» вокруг полюсов «хорошо» и «плохо»);
- 3) императивные РЖ (устремленность в мир реальных действий);
- 4) ритуальные РЖ (приветствия, прощания и т.п.) [Шмелева 1990: 25].

Помимо коммуникативной цели, Т.В. Шмелева говорит о других жанрообразующих признаках, таких, как образ автора, образ адресата, диктум, формальная организация и др.

Значительные коррективы в теорию РЖ Бахтина внес А.Д. Степанов. Так, тематическое, стилистическое и композиционное единство «свойственно отдельным «вторичным» - риторическим, литературным и научным жанрам ..., но отсутствует у огромного большинства первичных жанров» [Степанов 2005: 8]. С точки зрения Степанова, тезис о единстве субъекта высказывания исключает из числа РЖ все виды диалога и многое другое, а соотнесенность РЖ с определенной сферой жизни свойственно опять-таки некоторым вторичным, но никак не первичным жанрам [Там же]. Поэтому исследователь вслед за Т.В. Шмелевой признает главным признаком каждого РЖ его коммуникативную цель и в зависимости от этого разделяет все жанры на «информативные (цели сообщения), фатические (цели общения), императивные (цели воздействия), аффективные (цели убеждения собеседника) и экспрессивные (цели воздействия)» [Там же: 9].

Жанровая принадлежность текста представляется особо важной при его анализе, поскольку, по мнению В.Е. Ветловской, «отнесение произведения к какому-либо жанру уже и предполагает отчасти ответ на вопрос о его художественной природе» [Ветловская 1977: 3].

3.3. Функционирование прилагательного СТРАННЫЙ в текстах разных жанров по данным Национального корпуса русского языка.

Опорным пунктом изучения функционирования прилагательного СТРАННЫЙ в текстах разных временных срезов и разных РЖ могут стать данные Национального корпуса русского языка, где собраны все типы устных и письменных текстов, представленных в языке середины XVIII – начала XXI века (художественные тексты разных жанров, а также научные, публицистические, обиходно-бытовые и т.д.). Для анализа принимались во внимание данные основного корпуса, куда входят прозаические письменные тексты, а также газетного, мультимедийного корпусов и корпуса устной речи. Тексты, представленные в основном корпусе, можно разделить на два массива: ранние тексты (XVIII – середина XX века) и современные тексты (середина XX – начало XXI века). Поиск контекстов употребления прилагательного СТРАННЫЙ в Национальном корпусе был ограничен временным диапазоном (с 1950 по 2015 год – массив «Современные тексты») и подкорпусом «Нехудожественные тексты». Последнее объясняется тем, что для исследования функционирования той или иной единицы в художественном тексте недостаточно отрывочных контекстов из корпуса. Необходимо вникнуть в произведение, вместе с автором посмотреть на происходящее с разных точек зрения, определить векторы его отношения к персонажам и ту роль, которую играет исследуемая лексическая единица в создании художественных образов. Именно поэтому рассмотренные в работе художественные тексты были проанализированы методом сплошной выборки, а результаты поиска в Национальном корпусе использовались лишь для установления статистических данных и в процессе сочетаемостного анализа слова в художественном тексте.

Поиск в основном корпусе выдает следующую статистику употребления прилагательного СТРАННЫЙ в нехудожественных текстах, созданных с 1950 по 2015 год (найдено 46144 документа общим объемом 74349924 слова):

Сфера употребления	Общее количество документов	Общее количество словоформ	Количество документов со словом СТРАННЫЙ	Количество употреблений прилагательного СТРАННЫЙ
Обиходно-бытовая	652	713 372	58	161
Официально-деловая	1122	1 861 398	6	7
Производственно-техническая	725	1 861 398	31	32
Публицистика	36209	53 088 202	3933	9 556
Учебно-научная	5085	13 019 068	385	1013
Электронная коммуникация	547	2 860 072	188	608

Из анализа данной таблицы можно сделать следующие выводы:

1) оценочное прилагательное СТРАННЫЙ совсем не встречается в деловой документации, поскольку субъективные оценки в целом не характерны для текстов данного жанра; 7 употреблений данного прилагательного приходится на официальные публичные выступления, где наличие субъективной оценки объяснимо устным характером речи, что привносит больше субъективности в суждения говорящего;

2) достаточно редко прилагательное СТРАННЫЙ представлено в текстах производственно-технической направленности (научные журналы наподобие «Наука и жизнь», «Химия и жизнь» и т.д.), поскольку точные технические науки стремятся к объективному знанию и, по возможности, к объективным оценкам, а в прилагательном СТРАННЫЙ оценка отягощена негативными коннотациями;

3) в отличие от текстов производственно-технической направленности, в учебно-научной литературе (учебники, энциклопедии и т. д.) прилагательное СТРАННЫЙ встречается чаще; также оно распространено в публицистических текстах и разговорной речи;

4) если принимать во внимание разное количество текстов и соответственно разный объем словоформ, представленных в каждой из сфер, то

можно заметить, что прилагательное СТРАННЫЙ наиболее часто встречается в сфере электронной коммуникации (608 контекстов на 188 документов).

Анализ распределения оценочных суждений с прилагательным СТРАННЫЙ по годам (частота на миллион словоформ) показывает, что их количество резко возросло в период с 1958 по 1965 год (практически совпадает со временем либерализации режима в период «хрущёвской оттепели»), далее наблюдается постепенное снижение частоты употребления данного прилагательного вплоть до 1986 года. В 1990-ых годах количество оценочных суждений, организованных данной лексической единицей, постепенно возрастает. Причем самый пик приходится на 2000 и 2010 годы. В последнее десятилетие частота употребления прилагательного СТРАННЫЙ остается достаточно высокой по сравнению с предыдущими периодами.

Анализ функционирования прилагательного СТРАННЫЙ в текстах разной стилевой и жанровой принадлежности проводился с опорой как на данные Национального корпуса русского языка, так и на контексты, полученные методом сплошной выборки из научных, публицистических и художественных текстов. Контекстный анализ прилагательного СТРАННЫЙ в текстах разных жанров и сопоставление полученных данных с установленной ранее лексикографической информацией позволяют сформулировать следующие исследовательские задачи:

- 1) уточнение лексикографических дефиниций прилагательного СТРАННЫЙ, представленных в толковых словарях и словарях синонимов;
- 2) формирование аксиологической парадигмы 'СТРАННЫЙ' и выявление роли исследуемого прилагательного в современной речевой действительности;
- 3) объяснение колебаний частоты употребления прилагательного СТРАННЫЙ в зависимости от временного периода, отмеченных при анализе данных Национального корпуса русского языка.

3.4. Прилагательное СТРАННЫЙ в научной речи.

3.4.1. Функционирование прилагательного СТРАННЫЙ в научно-популярных журналах и учебных пособиях.

Как было отмечено при анализе данных Национального корпуса русского языка, прилагательное СТРАННЫЙ встречается в учебной и научно-популярной литературе гораздо чаще, нежели в производственно-технических текстах. Это не случайно, поскольку одна из основных задач авторов энциклопедий, учебников и научно-популярных журналов – увлечь читателя, заставить его проявить интерес к той или иной научной проблеме.

Описания многих научных объектов и теорий основываются на приеме остраннения, впервые упомянутом В. Шкловским в его работе «Искусство как прием» [Шкловский 1990]. Л.О. Чернейко в своей статье «Сознание как объект художественного осмысления в повести А. Белого “Котик Летаев”» отмечает, что по ошибке данный термин был напечатан в работе Шкловского с одной буквой Н и именно в таком виде вошел в литературоведение, хотя слово ОСТРАННЕНИЕ явно образовано от прилагательного СТРАННЫЙ: остраннять значит смотреть на объект как на нечто странное, непривычное, преподносить его как что-то незнакомое, ранее не виденное [Чернейко 1996: 45]. Именно такой смысл заложен в соответствующем литературоведческом термине и именно так понимал его мотивацию А. Белый: логически объяснимое явление предстает перед глазами неискушенных читателей как нечто необъяснимое, фантастическое, «странное». Ряд исследователей считают прием остраннения «общим приемом словесного искусства» [Новиков 2001: 70], при котором «объект восприятия предстает перед взглядом субъекта речи как *нечто* незнакомое (о человеке) или визуально неотчетливое (о предмете, пространстве) и определяется с помощью описания» [Халикова 2004: 94].

Авторы научно-познавательных журналов типа «Geo», «National Geographic», «Вокруг света» и т.п. преследуют цель увлечь читателя, склонить его к погружению в научные проблемы, именно поэтому они прибегают и к

приему остраннения, и к оценочным суждениям с прилагательным СТРАННЫЙ для характеристики непривычного мира, где много всего непознанного и таинственного: *Чувствую внутри какой-то странный мистический страх, когда я ныряю в коричневые воды, – ведь ни с одной рекой мира не связано такое количество мифов, как с Амазонкой* (National Geographic. Бразилия: путешествие в Амазонию. Сентябрь – октябрь 2013); *Через несколько метров мы увидели еще одно дерево, которое в любом другом месте, кроме Сокотры, победило бы на конкурсе самых странных растений* (National Geographic. Драконова кровь Сокотры. Июнь 2012); *Здесь она мне показала растущее на красных камнях странное растение – дорстению гигантскую, обладающую стволom луковицеобразной формы* (Там же); *«Когда минувешь Лапу Дога, берегись динозавров», - сказал кто-то в темноте. Странную фразу произнес спелеолог Джонатан Симс* (National Geographic. Путешествие в затерянный мир. Январь 2011); *Где прячется от нас Клеопатра? Странный вопрос, ведь следы этой женщины повсюду – стоит только оглядеться. Ее имя увековечили игровые автоматы, настольные игры, салоны красоты, экзотические танцовщицы* (National Geographic. Клеопатра. Июль 2011).

То же самое касается научной литературы, рассчитанной на более или менее широкий круг читателей. Перед описанием того или иного научного процесса или гипотезы автор стремится показать необычность и новизну исследуемого, погрузить читателя в новый неизведанный мир: *Эта книга... – нечто вроде заметок путешественника, побывавшего в удивительной стране элементарных частиц материи, где перед ними открылся странный мир неожиданных идей и представлений физики нашего века* (НКРЯ: В.Н. Комаров. «Тайны пространства и времени». 1995-2000); *Стало быть, уже в 1956 году он считал вполне законным очень странный физический объект – Вселенную. По тем временам это был крайне экзотический объект для работающего физика* (НКРЯ: Г. Горелик. Андрей Сахаров // «Наука и свобода». 2004); *Изобретатель*

микроскопа голландец Антони ван Левенгук лет триста назад, рассматривая в свой оптический прибор водяные растения, заметил, что на них «сидят» странные существа со множеством длинных бугристых рогов на головном конце (НКРЯ: Ю. Фролов. Лернейское чудо // «Наука и жизнь». 2008).

3.4.2. Употребление прилагательного СТРАННЫЙ в рамках эвфемистической речевой стратегии в научных текстах.

В научной литературе по гуманитарным дисциплинам (психология, философия, филология, социология и др.) прилагательное СТРАННЫЙ выступает с ярко выраженными отрицательными коннотациями и обозначает в основном то, что подвергается осуждению со стороны автора или же не совпадает с его точкой зрения. Выбор именно этого оценочного прилагательного из ряда других объясняется научной этикой: в случае расхождения с мнением того или иного ученого автор научного труда не может выразить свое несогласие в резкой форме. На помощь приходит прилагательное СТРАННЫЙ, позволяющее в мягкой и корректной форме выразить свое мнение, не выливая негатив на страницы научных изданий и не компрометируя точку зрения других ученых: *В «Началах философии» у Декарта есть очень странный тезис относительно мышления. Он гласит, что наше ... мышление строится таким образом, что даже если начала окажутся неверными, то следствия и выводы, полученные на основе этих начал, будут всегда истинными* (НКРЯ: М. Мамардашвили. «Картезианские размышления». 1981-1993); *Нашу общественную жизнь характеризуют и такие явления, как разрушение прежних жизненных устоев, отсутствие внятных целей, ... вопиющая социальная несправедливость, ... странный симбиоз правоохранительных органов и преступного мира, ... что остро переживается основной частью населения* (НКРЯ: А. Юревич. Динамика психологического состояния современного российского общества // «Вестник РАН», 2009); *В результате из семи статей закона содержательную ценность представляют только две:*

третья ... и пятая... Но даже в них присутствуют странные формулировки, отражающие, по-видимому, подавленные и скрытые юридической обработкой желания депутатов. Тёмные места (НКРЯ: Максим Кронгауз. Родная речь как юридическая проблема // «Отечественные записки», 2003).

Отрицательные коннотации, стоящие за прилагательным СТРАННЫЙ, все же проявляются, в частности, через его сочетаемость с синонимами: *Советская психология существовала в странных, противоестественных условиях (НКРЯ: А.Л. Венгер. Д.Б. Эльконин и сегодняшняя российская психология // «Вопросы психологии», 2004).*

Таким образом, прилагательное СТРАННЫЙ в научной речи часто указывает на эвфемистическую речевую стратегию (термин Л.Н. Саакян), выбранную говорящим, целью которой является уход от отрицательных коннотаций, уменьшение риска коммуникативной неудачи [Саакян 2011: 42]. Поэтому прилагательное СТРАННЫЙ можно считать средством иллокутивного смягчения высказывания, эвфемизмом.

Итак, употребление прилагательного СТРАННЫЙ помогает авторам учебной и научно-популярной литературы 1) заинтересовать читателя, показать «скучный» мир науки со стороны, представить его таинственным, полным загадок; 2) в рамках научной этики выразить несогласие с мнением других учёных, дать корректную, но вместе с тем однозначную оценку отрицательным явлениям, с которыми они сталкиваются.

3.5. Прилагательное СТРАННЫЙ в публицистических текстах.

3.5.1. Анализ функционирования прилагательного СТРАННЫЙ в современных массовых изданиях (на примере журналов «Огонёк» и «Cosmopolitan»).

По мысли А.Н. Кожина, О.А. Крыловой, В.В. Одинцова, «требование осуществления воздействия на массового читателя (слушателя) создает такую специфическую особенность газетно-публицистического стиля, как его

эмоционально-экспрессивный характер ...» [Кожин, Крылова, Одинцов 1982: 110]. Именно поэтому особая роль прилагательного СТРАННЫЙ в современной нам речевой действительности и отличие данной единицы от семантически смежных оценочных прилагательных как нельзя лучше демонстрируется в публицистике и языке СМИ.

Анализ материалов общественно-политического и литературно-художественного еженедельного журнала «Огонёк» (сплошная выборка: №4 за 1961 год, №4 за 1970 год, № 34 за 1979 год, № 4 за 1991 год, № 17-18 за 1994 год, № 32 за 2008 год, №16 за 2014 год) позволяет понять особенности функционирования прилагательного СТРАННЫЙ в советский и российский периоды русской истории.

1961 год – время после «оттепели», начало «холодной войны», когда на страну постепенно опускался «железный занавес», и один из номеров журнала (№4 за 1961 год) посвящен своеобразному «противостоянию» двух сверхдержав: «могучего» СССР, идущего на все для обеспечения достойной жизни граждан, и «буржуазной», «гнилой» Америки, где люди буквально «умирают в трущобах» и не могут ручаться за собственную безопасность. Заметки, посвященные американскому образу жизни, насыщены отрицательными оценочными суждениями, причем достаточно бескомпромиссными: *ужасная перенаселенность, ужасная атмосфера, адское сооружение* и т. п. Менее резкое оценочное суждение, организованное прилагательным СТРАННЫЙ, в журнале встречается 1 раз – в статье об ужасных условиях жизни людей в Нью-Йорке, где «странным» назван принятый в 1957 году закон о квартплате, позволяющий хозяевам по своему усмотрению повышать плату за сдаваемое в аренду жилье. Что касается заметок про Советский Союз, то там часто встречаются своеобразные антонимы прилагательного СТРАННЫЙ – слова, обозначающие полное соответствие общепринятым нормам – ОБЫКНОВЕННЫЙ, ОБЫЧНЫЙ: *Сами же дома обыкновенные, типовые; Все в этот день было обычным. Трезвонили*

телефоны, приходили посетители...; Мы строим не храмы, а обычные дома для самых обычных людей – тружеников нашей страны. Это свидетельствует о том, что соответствие норме в то время расценивалось не просто как нечто положительное, но даже близкое к идеалу, к которому стремились верящие в светлое будущее жители СССР. Странное как неприемлемое и отталкивающее приписывалось Западу. Однако авторы заметок об Америке предпочитают более бескомпромиссные отрицательные оценки, нежели прилагательное СТРАННЫЙ, как, например, УЖАСНЫЙ и АБСУРДНЫЙ.

В №4 за 1970 год прилагательное СТРАННЫЙ встречается 6 раз: один – в статье памяти А.И. Герцена, где цитируются его слова. Остальные 5 – в рассказе о Великой Отечественной войне, где речь шла о «странном» учителе немецкого языка в селе, бесследно исчезнувшем накануне наступления фашистских войск: *Эрхард? Странная фамилия...; Тогда кто-то из соседей вспомнил странную причуду учителя: не любил фотографироваться, суеверный был, что ли; Фотографию, конечно, милиция нашла. В школьной анкете. Но лейтенант милиции тем не менее счел нужным подробно записать свидетельства соседей о странной причуде учителя немецкого языка...*

По отношению к пропавшему учителю оценочное прилагательное СТРАННЫЙ неслучайно употребляется достаточно последовательно: с виду благонадежный Эрхард оказывается фашистским разведчиком, заброшенным в тыл к русским. Впоследствии на территории Германии он жестоко отнесся к советским военнопленным, не пощадив даже своей бывшей жены Анны. Именно прилагательное СТРАННЫЙ, обладающее отрицательными коннотациями и приносящее коннотацию неприятия объекта оценки, как нельзя лучше передаёт отношение автора рассказа к Эрхарду: немец не просто выделялся из толпы – чем-то тревожным веяло от его поступков и привычек.

В остальных заметках номера 4 за 1970 год слово СТРАННЫЙ не встречается. Если же необходимо было передать смысл ‘не такой, как всегда, отклоняющийся от нормы’, то использовались другие оценочные

прилагательные, без отрицательных коннотаций, например, НЕОЖИДАННЫЙ: *Уже в этом факте было что-то неожиданное, т.к. господин Шривастава весьма редко встречался с журналистами, тем более иностранными.*

В номере 34 за 1979 год находим всего один контекст с прилагательным СТРАННЫЙ, слова же семантически смежные с ним вовсе не встречаются. Единственное употребление данного прилагательного приходится на статью о Мещерском заповеднике, где звучит призыв прекратить губительные работы по мелиорации недалеко от лесов. Описание проселочных дорог рядом с заповедной зоной, больше похожих на землю после атомной бомбежки, производит угнетающее впечатление; именно в данном контексте мы встречаем прилагательное СТРАННЫЙ: *С обеих сторон тянулись голые, унылые поля, кое-где оживляемые темными полосами каналов. В беспорядке по полям этим чернели какие-то странные не то машины, не то сооружения. «Мелиораторы», - с горечью сказал тогда один из сотрудников.*

Прилагательное СТРАННЫЙ редко встречается в журналах 1970 и 1979 года выпуска, что объясняется достаточно просто: это период «развитого социализма», или, как называли эпоху в публицистике, «период застоя», когда абсолютно все как в обыденной, так и в культурной жизни населения расценивалось с точки зрения коммунистической морали. По формальным показателям уровень жизни в стране был стабильным, советское общество двигалось к «светлому будущему», а все жестокое, аморальное прятали под покровом «относительного материального благополучия и массового безразличия» [Сахаров 1990: 175]. В тот период государственная идеология не допускала мысли о существовании чего-либо «инакого», и сформированное тогда диссидентское движение стало средой для проявления инакомыслия.

В №4 за 1991 год прилагательное СТРАННЫЙ встречается по-прежнему редко (всего 2 контекста: *Как ни странно, самую активную поддержку могут оказать рядовые члены КПСС. Именно вашим именем, именем рядовых коммунистов, будут прикрываться все эти кровавые преступления; Мне*

странно слышать, что тот или этот был коммунистом... Врагами могут быть и коммунисты), чему можно предложить следующее объяснение: в период развала СССР и в перестроечное время событиям давалась более резкая оценка с явно выраженными отрицательными коннотациями – УЖАСНЫЙ, СТРАШНЫЙ, НЕЛЕПЫЙ. Необходимо отметить, что в 1990-е годы активно развивается тенденция свободного и широкого употребления оценочной лексики (в том числе наделенной отрицательными коннотациями) в периодической печати. М.В. Панов в статье о стиле современной ему периодики противопоставляет «стилистическую диету» газет 1970-х годов (стилистическая однотонность, канцелярит и т.д.) и стилевое разнообразие публицистических текстов 1980-х годов [Панов 1988: 4]. Ориентированность на злободневные проблемы, откровенный разговор с читателем, которыми всё более пронизаны газетные тексты 1980-90-х годов, способствуют широкому распространению в них оценочной лексики, в том числе оценочных суждений, организованных прилагательным СТРАННЫЙ.

Это можно заметить на примере №17-18 за 1994 год: на этот сдвоенный номер приходится 19 контекстов с прилагательным СТРАННЫЙ. Так, странным считают недавно развалившийся СССР – великую империю, идеалы которой рухнули вместе с мечтой о светлом будущем. Причем странным кажется нелогичное объединение разноконфессиональных, иногда даже враждебно настроенных друг к другу народов: *Нет, СССР был странной империей. Нелогичной. Как был нелогичным и союз народов*. Странными авторы статьи считают также и тех людей, которые выступали за восстановление Советского Союза: *Давайте вспомним то место, куда зовут нас странные наши патриоты*. В последнем контексте нельзя не заметить корректно выраженной неприязни к сторонникам старого строя, что подтверждается ироничным употреблением слова ПАТРИОТЫ.

Авторы другой статьи осуждают явно сфабрикованный процесс против издателя эротической газеты «Еще». В данной заметке прилагательное

СТРАННЫЙ употреблено два раза, а также встречается семантически смежное с ним прилагательное НЕЛЕПЫЙ: *Дело газеты «Еще» для стороннего наблюдателя может показаться, мягко говоря, странным; Такая непреклонность суда казалась странной: в то время как по амнистии выходят на свободу закоренелые преступники, ... суд выносит столь суровый вердикт по отношению к человеку, который до этого, отправляясь в командировки и служебные поездки, исправно просил у суда разрешения, будучи господином законопослушным; Кто знаком с нелепым делом газеты «Еще», ... Обращает на себя внимание употребленное вместе с прилагательным СТРАННЫЙ выражение МЯГКО ГОВОРЯ, подчеркивающее желание автора несколько смягчить данную оценку, сделать ее более корректной. Однако далее сфабрикованное дело оценивается через прилагательное НЕЛЕПЫЙ, которое обладает явными отрицательными коннотациями.*

В том же номере редакция журнала открывает новую рубрику под говорящим названием «Странности». Читателей журнала призывают вместе собирать «Коллекцию странностей», которая представляет собой рассказы о разнообразных отклоняющихся от нормы фактах и событиях, в избытке встречающихся в постперестроечные 90-е годы: *Происходит ускорение привыкания. Оно становится почти мгновенным. И поэтому исчезает удивление... Но... Вдруг встречаешься с чем-то, с какой-нибудь мелочью, которая неожиданно останавливает некоей... странностью. Невозможностью заранее предположить это.* Авторы статьи подчеркивают повсеместность «странного» в изменившейся со времен распада Советского Союза действительности. Причем странное воспринимается как нечто не вписывающееся в жизненный опыт среднестатистического человека, как то, что задевает, озадачивает и вызывает чувство неприятия, отторжения, а иногда и осуждения. Неслучайно авторы заметки вместо слов СТРАННЫЙ и СТРАННОСТЬ используют время от времени слова ГЛУПЫЙ и ГЛУПОСТЬ: *Ельцин побывал в Испании. И встретился там с медиками, которые три года*

назад сделали ему операцию на позвоночнике. Однако на сей раз они даже не осмотрели своего бывшего пациента. Глупость? Глупость, конечно. Это еще раз доказывает, что СТРАННЫЙ – достаточно корректно и мягко выраженная отрицательная оценка.

Рассказ о странностях в данной заметке продолжается повествованием о прилюдном кормлении домашней собаки на улице, о необычной судьбе девушки нетрадиционной ориентации и надписи «Почетный геолог» на осветительном плафоне: *На нем [осветительном плафоне] выжжена надпись «Почетный геолог»... Странность; У входа в метро на Савеловском вокзале трое: женщина, девочка и собачка на поводке. Пока ничего странного. Но вот троица останавливается... и прямо посреди толпы начинают... кормить собаку. Вы такое когда-нибудь видели? Я – нет... Снова странность.*

Пределы понятия странного будто бы расширяются, выводя нас за рамки жизненного опыта обычного человека. Именно поэтому странное во многом определяет нашу жизнь: это нечто не вписывающееся в наши стандарты, что-то, чего мы не понимаем и не принимаем, а значит, сильно хотим изменить, чтобы подогнать под существующие каноны и нормы: *И однажды я подумал: а вот если бы удалось собрать все-все странности и разом увидеть их, то... То что? Не объяснят ли они мир лучше и объемнее, чем все другие его толкования? Во всяком случае это было бы не скучное разглядывание.*

Именно такой мир рисуется и в данной статье, и во всем номере 1994 года в целом: мир странный, непривычный, отошедший от ранее бытовавших норм, но не создавший пока своих собственных идеалов, мир, в котором все вместе и каждый в отдельности хотят что-то изменить, сделать более привычным, логичным и понятным – мир 1990-х годов.

В журнале «Огонёк» за 2008 год (№ 32) находим 21 контекст на употребление прилагательного СТРАННЫЙ, например, такие: *Сегодня в России и мире я вижу какие-то странные, высушенные опусы, которые почему-то называются авангардом, но, думаю, к авангарду они не имеют отношения (из*

критической заметки о переменах в российском театре за последние годы); *«Это очень странно!» - с негодованием выдохнул я. «Ничего странного, - успокоительно сказала Марайка. – Платежи из России доходят до нас в течение двух-трех недель»* (заметка обозревателя «Диалог цивилизаций» о непростом соотношении русской и иностранных бюрократических систем); *По странному совпадению, возглавляют этот фонд совсем не чужие видному сотруднику Росприроднадзора люди: его жена Людмила стала «председателем президиума» (так в официальных документах!), а его юрисконсультант (представлявший интересы Митволя в судах) Михаил Мажирин – президентом* (заметка с грифом «Скандал» о незаконном предприятии, организованном российским чиновником); *Одна наша учительница с заключительного концерта в лагере пришла расстроенная: «Наши дети...» - дальше она очень плохо сказала. Потому что они странно одеваются (ох уж эти мешковатые штаны!)* («Плавай, сынок, и кури...» - заметка о безответственном отношении родителей к детям-подросткам).

Данные контексты охватывают самые разные сферы общественной жизни: образование и культуру, здравоохранение, экономику и финансы, юриспруденцию и многое другое. Однако во всех контекстах употребление оценочного прилагательного СТРАННЫЙ свидетельствует о разной степени возмущения субъекта оценки: от ядовитой иронии в адрес продажных чиновников до открыто выраженного негодования по поводу издержек бюрократической системы.

В № 16 за 2014 год обнаруживается 14 контекстов с прилагательным СТРАННЫЙ. Оценочные суждения, организованные данной лексической единицей, менее резкие (часто употребляется выражение КАК НИ СТРАННО), однако в каждом из них скрыты отрицательные коннотации, например: *Учитывая такой потенциал, странно оставаться импортозависимой страной, однако пока – по целому ряду продуктов – это так* (об ориентации российской экономики более на импорт, нежели на экспорт); *Поэтому-то и не убирают*

старые знаки на отремонтированных дорогах, чтобы ловить несчастных водителей, о чем так возмущался генерал-лейтенант Кирьянов. И сидят в засаде, как партизаны, на тихих безлюдных дорогах с плохой разметкой и странными знаками... (о неправомерных методах работы сотрудников дорожной инспекции); В целом у нас со свободой происходят какие-то запутанные процессы. Странно видеть, что люди, которые помнят времена, когда свобода была существенно ограничена, ратуют за то, чтобы многие ограничения вернулись. В воздухе в последний год висит какая-то тревога. Люди ... многого не могут себе объяснить.

Последний контекст еще яснее показывает, что прилагательное СТРАННЫЙ достаточно точно отражает особенности нашего времени: большинству происходящих сейчас явлений трудно дать резко отрицательную оценку – ПЛОХОЙ, УЖАСНЫЙ и т.д. На помощь приходит прилагательное СТРАННЫЙ, передающее внутреннее напряжение, тревогу, желание отгородиться и дистанцироваться от происходящего.

Стремление к политкорректному, еще более осторожному выражению собственного мнения влечет за собой замену прилагательного СТРАННЫЙ синонимами, в частности, ироничным употреблением прилагательного УДИВИТЕЛЬНЫЙ, например: *Однако данные Росстата сообщают нам нечто удивительное... Эту продукцию не из воздуха же берут, значит налицо – массовый теневой оборот земель.*

Таким образом, наличие прилагательного СТРАННЫЙ и его «семантических соседей» в официальной речи последних нескольких лет вполне соотносится с духом времени – с настроем на гласность, открытым отстаиванием собственного мнения, пусть даже идущего вразрез с государственной идеологией. Если же охватить вниманием все сферы употребления интересующей нас лексической единицы, то вырисовываются актуальные проблемы современности. Станным называют все то, что волнует наших современников, вызывает у нас тревогу. Из проанализированных

контекстов журнала «Огонек» можно сделать общий вывод, что прилагательное СТРАННЫЙ является своеобразной лакмусовой бумажкой, высвечивающей состояние общества в тот или иной период времени.

В большинстве модных журналов типа «Cosmopolitan» СТРАННЫЙ приравнивается к оценочным прилагательным ПЛОХОЙ, УЖАСНЫЙ, ОТВРАТИТЕЛЬНЫЙ, БЕЗВКУСНЫЙ, практически полностью заменяя их, и становится своеобразным клеймом в мире моды: *Странный наряд Лив Тайлер: модели и актрисе Лив Тайлер можно простить и плащ, и неудачную позу, но не обувь! Кажется, красотка совсем забыла о том, что на дворе зима* («Cosmopolitan», январь 2012г.); *Самые странные вечерние платья селебритиз, принарядившихся на балы по случаю инаугурации Барака Обамы. Энн Хэтуэй предпочла классический красный, но у ее платья был странный шлейф - спереди. Наверняка он мешал актрисе гулять по залам во время бала. Вызывающе броское и очень открытое платье надела на тот же Inaugural Purple Ball Дэниэль Безутти. Разрез едва ли не доставал до пояса* («Cosmopolitan», январь 2009г.); *Ума лишь признала, что в курсе странной реакции общества на ее макияж. «Я знаю, что выглядела странно, — сказала актриса, — Как я понимаю, мой макияж никому не понравился»* («Cosmopolitan», февраль 2015г.); *Странные танцы и дурные манеры в клипе Quest Pistols* («Cosmopolitan», октябрь 2014г.).

Истинный смысл того, что стоит за прилагательным СТРАННЫЙ, раскрывается в электронной версии журнала, где к каждой статье можно оставить комментарий. Так, в мире моды расценили как безвкусный наряд Ким Кардашьян и по традиции обозначили это прилагательным СТРАННЫЙ. Комментарии же представляют собой гораздо более резкую оценку: *Звездные фото дня: пицца, щенки и Ким Кардашьян в странной одежде...* Комментарии к фото: *Ким, у тебя отвратительный вкус. Ничего нелепее не видела* (форум «Cosmopolitan», февраль 2015г.).

При анализе контекстов из модных журналов можно заметить еще одну тенденцию: прилагательное СТРАННЫЙ будто бы находит на оценочной шкале вполне определенное место. Так, есть нечто, что расценивается как прекрасное, хорошее, нормальное, есть плохое и отвратительное, а есть странное. Позиция между нормальным и плохим, как бы не совсем плохое: *Странные подарки от мужчин: о том, почему мужчины могут подарить нам книгу о редких животных Вологодской области, какими романтичными бывают лесорубы, как писать стихи на разделочной доске... Не совсем ужасный подарок, просто странный...* («Cosmopolitan», декабрь 2010г.).

Именно такую позицию – и до нормального не дотягивают, и плохим не назовешь – занимают на страницах женских журналов незадачливые кавалеры, которых часто именуют СТРАННЫМИ: *Откуда они берутся, странные мужчины?! Или как я в очередной раз встретила муму...* (заголовок статьи о чрезмерно молчаливом кавалере в «Cosmopolitan», декабрь 2014г.); *Плохое свидание, или несколько слов о странных мужчинах. В последнее время у меня редко случаются плохие свидания. Нет, странных мужчин вокруг меньше не стало, и мне на них по-прежнему везет, но я научилась на корню рубить ненужные связи. Если не получается придумать достойный повод распрощаться с незадачливым кавалером, ухожу без повода* (автор заметки подчеркивает сходство в обозначениях ПЛОХОЙ и СТРАННЫЙ: странный мужчина – тот, свидание с кем будет плохим, он не подходит для дальнейших отношений; «Cosmopolitan», июль 2014г.).

Прилагательное СТРАННЫЙ выступает в роли эвфемизма и приходит на выручку в тех случаях, когда говорить о чем-либо в резко негативном ключе считается дурным тоном. Например, это относится к разговорам о работе: *Самые странные вопросы при приеме на работу...* (заголовок статьи в «Cosmopolitan», апрель 2013г.); *При этом практически на каждом задавали вопросы, которые просто ставили в тупик своей неуместностью. В общем,*

самые странные («Cosmopolitan», апрель 2013г.); *Наши странные начальники* (заголовок статьи в «Cosmopolitan», декабрь 2010г.).

Итак, прилагательное СТРАННЫЙ в современных массовых изданиях довольно широко распространено и является одним из наиболее приемлемых способов корректно выразить свое мнение, пусть даже резко отрицательное.

3.5.2. Сюжетно-композиционная роль прилагательного СТРАННЫЙ в публицистике (на примере публицистических текстов Захара Прилепина).

Рассмотрим функционирование прилагательного СТРАННЫЙ в современных нам публицистических текстах. Так, слово СТРАННЫЙ достаточно часто встречается не только в художественных произведениях современного российского писателя Захара Прилепина, но и в его публицистике. Это нельзя назвать случайным, поскольку, как было упомянуто ранее, употребление данного прилагательного указывает на отношение говорящего (субъекта оценки) к актуальным общественным проблемам той или иной эпохи. Если наши современники многое сейчас считают странным, это говорит о состоянии всеобщего недовольства, господствующем в обществе, резко отрицательном настрое людей по отношению к власти и государственной идеологии, что можно подтвердить анализом одного из самых объемных публицистических произведений Захара Прилепина «К нам едет Пересвет: отчет за нулевые» - своеобразного резюме ушедших в небытие двухтысячных годов, с которыми каждый связывал самые светлые надежды на будущее. В произведении насчитывается 44 оценочных суждения, организованных прилагательным СТРАННЫЙ и его синтаксическими дериватами. При этом Прилепин сразу же задает особый тон своему рассуждению – грустный взгляд на безвозвратно потерянное время и в то же время обличительный возглас в адрес тех, кто мог бы изменить что-то к лучшему, но не нашел в себе сил для этого: *Кого-то начало «нулевых» обнадеживало; сразу скажу, что меня — нет; Осталось лишь добавить, что каким бы печальным ни виделось мне будущее*

России, это, к сожалению, никак не отменяло моего веселого и злого настроения.

Оценку СТРАННЫЙ Прилепин использует тогда, когда его мнение резко расходится с мнением других, когда он не просто не согласен с чем-либо, но и не приемлет этого. Являясь «политкорректным эвфемизмом» резко отрицательных оценочных прилагательных, слово СТРАННЫЙ позволяет выразить несогласие, иногда негодование по поводу чего-либо, практически не задев адресата оценочного суждения, смягчить резкость оценки: *Я мог бы привести Толстой, явно имеющей о русском фольклоре весьма странные представления, сотни пословиц и поговорок, воспевающих ум и труд. Но надо ли ей это? У нее уже есть «свое мнение»* (ироничные элементы полемики с Татьяной Толстой, с мнением которой Прилепин явно не согласен, однако резких отрицательных оценок не дает); *Критики власти часто утверждают, что российские политические элиты — порождение фантазии Гоголя и Салтыкова-Щедрина. Сложно не согласиться с этим, видя тяжелые розовые лица и слушая деревянные речи странных людей из телевизора, персонифицирующих нашу власть* (в данном контексте отражается негативное отношение Прилепина к представителям властных структур, появляющимся на экранах ТВ, хотя оценка несколько смягчается употреблением прилагательного СТРАННЫЙ); *Тем не менее с недавнего времени у нас появилась странная профессия: счетчики демократии. «Вот стало меньше демократии, вот — стало больше»* (данное употребление прилагательного СТРАННЫЙ отражает негативное отношение автора к тем политикам, которые лишь впустую говорят о демократии и правах человека, не подкрепляя свои слова делами); *Сегодня часто говорят: «Я выбираю не революцию, а эволюцию». Или так еще: «Мир должен развиваться не революционно, а эволюционно». Я слышал эти странные, малопонятные мне слова из уст самых разных людей, и, что греха таить, объединяет их чаще всего одно: они довольны своей жизнью* (в оценке СТРАННЫЙ кроется не только смысл ‘непонятный, нелогичный’, но и явно

выраженные отрицательные коннотации: громкие слова о пути развития мира и нашей страны из уст вполне обеспеченных людей, которых все устраивает, звучат довольно удручающе для автора); *Поколение, рожденное за время неумного реформаторства (ну, скажем, начиная с восьмидесят пятого, а то и раньше, по начало девяностых), являет собой во многих наглядных образцах удивительный гибрид старческого безволия и детской, почти не обидной подлости. Эти странные молодые люди ничего не желают менять (упоминание о «гибриде» безволия и подлости само по себе обеспечивает негативную оценку целого поколения молодых людей, что подчеркивается употреблением оценочного прилагательного СТРАННЫЙ).*

Многое в современной действительности настолько расходится с привычными взглядами Прилепина, что это искренне его поражает, кажется странным и неприемлемым. Именно странной, если не сказать больше, представляется автору социальная реклама, вызывающая агрессию, хотя в норме она должна пробуждать в человеке сострадание и желание помочь ближнему: *Странно, подумал я (кстати, многодетный отец), странно — социальная реклама вызывает агрессию.*

Странной Прилепин называет ситуацию, когда сотрудники ГИБДД выявляют свою продажность, незаконно и в нарушение установленного порядка оформляя кому-то документы на вождение. За этой оценкой стоит резкое неприятие автором ситуации, хоть и скрытое под маской иронии: *Странное совпадение: за минуту до закрытия у всей очереди на глазах в помещение заходил некий сотрудник ГИБДД, неся в руках бумаги, очень схожие с теми, что были в руках и у меня, и у всех остальных.*

Что-то из окружающего всех нас откровенно пугает Прилепина, как, например, странный и страшный сон накачанных наркотиками детей. Как автор, так и читатель охвачены недоумением – как такое вообще может быть: *Недавно приехал в Москву, счастливый, на желанную встречу с друзьями, на добрый*

отдых, — и зашел в метро, и увидел, как несут двоих детей на плечах родители, и дети явно опоены чем-то и спят каким-то странным, полуживым сном.

С нескрываемой иронией автор говорит о том, как вершатся «великие дела» в высших кругах. Каждый из этих случаев странный – вполне понятный своим вопиющим нарушением правовых норм и законов, но прямо об этом сказать нельзя. Можно лишь констатировать факт. Странный факт: *Говорят, что Тимченко через оффшорную компанию настолько хорошо продает российскую нефть, что стал миллиардером, а затем почему-то обменял российское гражданство на финское. Не странно ли?; Во-вторых, меня заинтересовал скандал в компании «Транснефть» — почти год назад Счетная палата обнаружила там миллиардные растраты, Путин и Медведев лично взяли дело под контроль — но вот уж осень на дворе, а нет ни уголовного дела, ни подозреваемых. Тожe ведь странно?*

Все чаще мы вынуждены подстраиваться под те условия, которые диктует нам эпоха, часто загоняя себя в вынужденные рамки. Прилепин называет этот механизм СТРАННЫМ СТЕЧЕНИЕМ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ, но за подобной оценкой стоит именно неприятие диктатуры времени: *По странному стечению обстоятельств в тот же день через тот же город проезжал поезд, где один вагон был занят парой взводов из состава спецбатальона «Caucasus-East»: они направлялись в портовый город St. Petersburg, разрулить одну сложную ситуацию, связанную с очередным переделом собственности; По странному стечению обстоятельств последние полгода я в муках занимаюсь строительством дома и обустройством близлежащих территорий, включая посадку деревьев.*

Странными называет Прилепин не только отдельные явления окружающей действительности, но и наш мир в целом, нашу эпоху: *Когда я читаю сыновьям книгу, где нарисован Пересвет с копьем в груди, я знаю, что времена не изменились. Пересвет приехал к нам, и копье у него по-прежнему в груди. Он переедет и наши странные дни.*

Прилагательное СТРАННЫЙ не случайно является столь значимым для Прилепина, поскольку оно, как было упомянуто выше, означает ‘отклоняющийся от нормы в силу тех или иных причин (непонятности, непривычности)’. Чтобы назвать что-либо странным, необходимо соотнести референт суждения с понятием нормы и соответствующей оценочной шкалой. Однако, по мнению Прилепина, само понятие нормы разрушается в наши дни, оценочные шкалы, на которые мы пытаемся спроецировать все окружающее нас, оказываются размытыми. Практически все кажется не соответствующим норме, а значит, странным: *В России произошла странная трансформация самого понятия «нормальное», «норма» (привет писателю Сорокину). Нормальное не вписывается в систему ценностей, оттого что — ни ценностей, ни системы. Я говорю о дегероизации.*

Действительно, норма разрушается у нас на глазах. Так, патриотизм всегда воспринимался как нечто святое, как то чувство, которое должно храниться в сердце каждого. Однако во что превращаются сегодняшние активные «патриоты»? Это граничит скорее с нацизмом, нежели со светлым чувством любви к родине: *Патриоты всегда подозрительны. Странное дело: русские люди, живущие на русской земле, исповедующие русские взгляды, непрерывно ощущают себя словно бы в окружении. Все вокруг предано, продано, попрано и поругано.*

Норма разрушается, и это видно в изменении отношения к истине, подлинности, правде – теперь в этих общественных основах уже мало кто нуждается: *Подлинность, которая, безусловно, является главным содержанием и кровеносной системой красоты, стала несколько непристойной, стыдной, странной.*

Странные люди рядом, их странные и часто страшные поступки, странная и неуютная действительность, странной кажется даже природа вокруг – это отражение состояния автора, который не может смириться с несправедливостью того, что его окружает, не может принять мир, где нет ни ценностей, ни нормы:

В течение одного дня этого странного, сухого, медленного августа сразу из десяти федеральных изданий я узнал, что каким-то не совсем внятном образом повлиял на тех молодых людей, что устроили взрыв на Черкизовском рынке в Москве (несправедливые и абсурдные обвинения в адрес Прилепина, якобы он спровоцировал своим творчеством теракты в Москве); Наряду с холодной зимой, большими и белыми, а потом — серыми снегами, непролазной весенней грязью, половодьем, при котором реки рискуют забыть, где их русла, странным, комариным летом и волшебной золотой осенью — наряду со всем этим у нас поэты падают в пролеты и проруби, пьют из горла, играют в карты, обманывают женщин, стреляют в людей, и чаще всего эти люди — они сами.

Странный мир, окружающий Захара Прилепина, со всей точностью отображен в еще одном его публицистическом произведении «Именины сердца: разговор с русской литературой», где насчитывается 32 оценочных суждения, организованных прилагательным СТРАННЫЙ и его синтаксическими дериватами. Данное произведение – в прямом смысле слова разговор, а именно интервью с известными писателями наших дней – теми, кто по духу близок автору. Это люди, которые, по мнению Прилепина, задали «тональность резкого и последовательного отношения к тем смутным временам, что снизошли на нашу землю» [Прилепин 2014]. Причем слово СТРАННЫЙ звучит из уст не только самого Прилепина, но его собеседников. И странное в их понимании обозначает несколько иное. Так, известный русский прозаик Александр Проханов рассуждает о выходе России из кризиса и говорит о смутном предчувствии того, что зарождается некая «Пятая Империя», новые настроения и новые идеи: *На мой взгляд, в России после долгих лет наконец наметился некий важный государственный субъект. Среди катастрофы, среди упадка, среди деградации, среди ужасных тенденций возникло нечто новое, загадочно-странное. На смену четырем возникавшим здесь Империям (первая — Киевская Русь, вторая — Московское царство, третья — Петровско-Романовская, четвертая — Сталинский проект) — стала возникать Пятая. В нашем*

Вифлееме родился таинственный пятый младенец, еще никем не виданный; О его рождении оповестили волхвы. В разных углах нашего мира возникло странное возбуждение, предчувствие. Это новое для Проханова не просто странное, а загадочно-странное – такое, которое хочется постигнуть, а не оттолкнуться от него, нечто невыразимое словами, но на подсознательном уровне понятное и слишком явно ощущаемое.

Алексей Варламов в разговоре с Прилепиным употребляет прилагательное СТРАННЫЙ в метафорическом контексте, говоря об Александре Грине и подчеркивая тем самым его чужеродность по отношению к русской литературной традиции: *Грин, напротив, фигура очень трагическая и несчастная. Жизнетворчество наоборот. Станный росток на русской почве, человек, свою жизнь сознательно сжегший, но так, что многие погрелись и греются у этого огня.*

Станным является для Прилепина и его собеседников новое слово в литературе. Причем под оценкой СТРАННЫЙ подразумевается не что-то неприемлемое, а скорее нечто непривычное: *«Дневник неудачника», — сказал я ему, выглядит как компиляция фрагментов, не вошедших в «Эдичку». Зачем вы сделали такую странную книгу? Эдуард Вениаминович ответил: «Как написалась, так и написалась»; Он наследует русской классической литературе, но при этом молодость Гуцко провел на Кавказе, и известная кавказская природная щедрость обогатила прозу его такими красками и цветами, которых мы, дети тихих и прозрачных русских равнин, даже не знали. Этот странный синтез дал вполне нового героя: не рефлексирующего маленького человека, но человека мужественного, по крайней мере, выдерживающего лицо — и очень рефлексирующего при этом; У меня странное несоответствие образа поэта Максима Амелина, которого я читал и знаю очень давно, и человека Максима Амелина. Мы все люди филологические, филологией испорченные до глубины души, посему отлично помним, что, скажем, Блок был похож на свои стихи, и Маяковский был похож, и сотни*

иных... А Амелин не похож; Вообще я сейчас скажу странную вещь, но разделение на прозу и поэзию не кажется мне существенным; Вы с Евдокимовым странные дети русской литературы — на первый взгляд эдакие европейцы.

Однако сам Прилепин смотрит на современную нам литературу сквозь ту же призму странного мира – неуютного, несправедливого, мира, где старое развалилось, а новое пока еще не создано. В своем отзыве на творчество Романа Сенчина он снова вспоминает про «странные дни»: *Я просто отвечаю: оттого, что он не пытается умничать и говорит о том, что знает. Уже достоинство в наши странные дни.*

Таким образом, употребление прилагательного СТРАННЫЙ в публицистических текстах и в СМИ дает представление о состоянии общества и его отношении к действительности в тот или иной период времени. Именно данным прилагательным можно наиболее точно обозначить то неприемлемое, несправедливое и нелогичное, что происходит сейчас, не опасаясь при этом быть обвиненными в излишней грубости, резкости суждений. Это еще раз подчеркивает важную роль прилагательного СТРАННЫЙ во всех сферах современной русской речи. Можно также считать, что данное слово постепенно становится синонимом прилагательных, обозначающих отрицательную оценку: ПЛОХОЙ, УЖАСНЫЙ и т.д. Однако СТРАННЫЙ – оценка корректная, смягченная.

3.6. Прилагательное СТРАННЫЙ в разговорном стиле речи.

В обиходно-бытовой речи оценочное прилагательное СТРАННЫЙ достаточно часто употребляется для обозначения негативного отношения говорящего к тому или иному объекту окружающего мира. В качестве анализируемого материала было выбрано 60 контекстов употребления данного прилагательного из Национального корпуса русского языка (в том числе записи отрывков телепередач) и записано 54 отрывка из бытовых разговоров.

Чаще всего прилагательное СТРАННЫЙ употребляется в разговоре, когда говорящий не согласен с мнением, поступками или же образом жизни собеседника или третьего лица. Нечто не вписывающееся в его личный опыт он неодобрительно называет странным. Часто при этом говорящий пытается показать, как правильно, научить: *Ты в каком-то странном месте давление измеряешь... Надо выше...* (из разговора; с недовольством и желанием научить, как правильно; 04.04.2014); *Нет, ну странные вы люди! Денег нет, а кредит уже третий берете!* (разговор на повышенных тонах двух родственниц; 08.05.2015); *Странна, мать... Пустую сковородку накрыла, чтобы не остыла...* (обращение матери к дочери, полное иронии; 25.04.2015); *Ну/ вообще́ это странно / вы могли́ с вашим знанием / с вашим воспитанием / с вашим интеллектом и так далее / предположим / работать в каком-то аналитическом центре. А вы пошли́ работать полицейским* (НКРЯ: В. Мельтев, К. Прошутинская. Беседа К. Прошутинской с А. Мельтевым в программе «Мужчина и женщина», РТР // Архив Хельсинкского университета, 2001); *И мы́ когда́ пришли́ а... с подру́гой / ээ... ду́маю / «Да что́ ж интере́сно ребя́та веду́т себя́ странно / они́ нас приглаша́ли на ве́чер и сто́ят в сторо́нке / как бу́дто бы они́ нас не зна́ют»* (НКРЯ: Белёвское поле. Д/ф из цикла «Письма из провинции» (ТК «Культура») // ТК «Культура», 2007).

Употребление прилагательного СТРАННЫЙ несколько отличается в речи детей тем, что именно дети не наделяют высказывания, организованные данной лексической единицей, отрицательным смыслом. При этом механизм вынесения оценочных суждений примерно таков: дети, стремясь познать окружающий мир, обращают внимание на что-то, что до сих пор было за пределами накопленного ими опыта. При этом дети не отгораживаются от неизведанного, а, наоборот, стремятся объяснить себе то, что они не понимают. В отличие от детей, взрослые разграничивают удивительное (нечто, что их заинтересовало и они стремятся постигнуть это) и странное (то, что они не понимают и не принимают). Отсутствие отрицательного смысла в употреблении детьми

прилагательного СТРАННЫЙ можно проследить в разговорах Ксении (5 лет) с ее бабушкой: *Что, одна пуговица такая, а другие все отличаются? Странно... ну очень странно...* (Ксению поражает отклонение от общепринятой нормы, поскольку на одежде обычно используются пуговицы одного типа); - *Ксюш, там есть еще тряпка?* - *Нет, больше нет... Странно как-то, да?* - *Что странного?* - *Ну, я тебе сказала, что нет больше тряпки.... Ну, конечно, ничего странного нет, но все-таки странненько немного!* (Явно видна разница точек зрения бабушки, для которой и сам вопрос и ответ на него находятся в рамках нормы, и ребенка, который пока не может объяснить бабушке выбор оценочного слова. Возможно, Ксения ожидала найти тряпку, и ее отсутствие кажется ребенку странным. Или же ей странен сам разговор и формулировки мыслей. Видя, что бабушка занимает противоположную точку зрения, она сначала отказывается от своей оценки, а затем подает ее в более корректной, но окказиональной форме СТРАННЕНЬКО НЕМНОГО); - *Бабушка, а почему кукла не сидит?* - *Ну, ножки у нее так сделаны.* - *Хм, странненько как-то...* (Нормой для ребенка является кукла, которую можно посадить, соответственно отклоняющуюся от нормы куклу она расценивает как странную); - *Что, опять кушать захотел?* - *Бабушка, как ты странно с котом говоришь...* (В представлении Ксении разговаривать подобным образом можно только с людьми, поэтому общение бабушки с котом кажется ей странным). Обращает на себя внимание то, что Ксения использует уменьшительно-ласкательную форму предикатива СТРАННЕНЬКО. Возможно, эти она хочет смягчить категоричность оценки, – ребенку отклонение от нормы кажется не отталкивающим и неприемлемым, а интересным, удивительным, достойным внимания.

Чаще всего прилагательное СТРАННЫЙ употребляется в разговорной речи в явно отрицательных оценочных суждениях, когда говорящий открыто не одобряет объект оценки: *Очень любопытный и, мягко говоря, странный случай имел место в Краснодарском крае. Здесь правоохранительными органами*

предотвращена попытка незаконного освобождения из колонии строгого режима четырёх особо опасных заключённых. Комментарии пока скупы... По словам начальника краевого ГУВД Сергея Кучерука, для этого группа преступников заранее изготовила поддельные документы о помиловании и освобождении заключённых (ТВ, 26.06.2014); А тебе не кажется, что он немножко... как бы это... странный? Он все время говорит и говорит... (разговор двух подруг о новом общем знакомом, 29.03.2014); Виктор Сергеевич, об этих странных, мягко говоря, поступках пока знает очень ограниченный круг лиц, мы сами во всем разберемся (30.01.2015); Ого... странная какая доверчивость... это он всем деньги дает под честное слово или только избранным? (12.10.2014); Странный такой препод... ему иначе как с одиннадцатого раза еще никто не сдал... (разговор двух студенток о преподавателе, 15.12.2014).

Анализируя представленные контексты, можно сделать вывод, что говорящие явно осуждают адресата или же объект оценки. Однако в силу тех или иных причин прямая негативная оценка невозможна. Часто это объясняется уровнем воспитания оценивающего субъекта, который стремится как можно более корректно выразить свое негодование. Поэтому отрицательные оценки типа ПЛОХОЙ, УЖАСНЫЙ и т. п. заменяются на своеобразный эвфемизм – прилагательное СТРАННЫЙ. Частое сочетание исследуемой единицы с выражением МЯГКО ГОВОРЯ, указывает на то, что употребление прилагательного СТРАННЫЙ является довольно корректным способом осуждения.

Нередко объектом оценки становится сам оценивающий субъект, его состояние – непривычное, необъяснимое и тем самым доставляющее неудобство говорящему, который обычно испытывает трудности с точным словесным обозначением происходящего. В подобных актах саморефлексии прилагательное СТРАННЫЙ отражает восприятие себя как другого, взгляд на себя со стороны, причем всегда под знаком неприятия: Состояние у меня

сегодня какое-то странное... Видеть никого не хочу. Даже читать не хочется (из разговора; 24.06.2015); У меня бывает какое-то странное состояние сознания или даже не могу сказать сознания!.. Короче, я его описать-то с трудом могу, но попробую (из разговора со старшим коллегой-наставником; 30.01.2015); Не знаю я, как правильно объяснить. По улице иду, все слышу, но как-то отвлеченно. У меня какое-то странное ощущение себя. И я могу что-то ужасное сделать. Как мне себя контролировать? (общение на психологическом форуме; 27.07.2015).

Прилагательное СТРАННЫЙ в разговорной речи употребляется, когда непроверенность фактов не позволяет делать категоричные выводы и целиком отрицательно оценивать ситуацию. Так, в произошедшем в июле 2015 года в Екатеринбурге случае, когда в парке женщина выгуливала пятилетнюю девочку на поводке, многое было непонятно и еще не расследовано. В телевизионных репортажах, вышедших сразу же после публикации скандального ролика в Интернет-сети, самым распространенным определением для происшедшего случая стало прилагательное СТРАННЫЙ. Репортеры и свидетели происшедшего старались не давать категорических оценок типа УЖАСАЮЩИЙ, ВОПИЮЩИЙ, однако негативными коннотациями было насыщено каждое высказывание: *Девочка агрессивная, но не сказать, чтобы ненормальная, а вот бабушка странноватая, и разговоры у нее странные. Очень неприятно все это выглядит* (показания свидетеля – ТВ 24.07.2015); *Странная игра... Пусть полиция разбирается* (показания свидетеля – ТВ 24.07.2015; налицо не только отрицательная оценка происходящего со стороны свидетеля, но и его желание отстраниться от этого); *Гулял в парке и встретил там странную пару. Наблюдал за ними минут 10, и все это время ребенок бегал на четырех конечностях* (показания свидетеля – ТВ 25.07.2015); *В Интернет-блогах состоялось оживленное обсуждения странной видеозаписи* (репортаж – ТВ 25.07.2015).

Как видно из контекстов, свидетели данного случая старались не брать на себя ответственность за резкую оценку происходящего, выражая свое неодобрение прилагательным СТРАННЫЙ, а также формами, выражающими неполноту признака, типа СТРАННОВАТЫЙ.

То, что в разговорной речи прилагательное СТРАННЫЙ выражает в основном отрицательное отношение к происходящему, а значит, входит в ту же оценочную шкалу, что и общеоценочные прилагательные ПЛОХОЙ, УЖАСНЫЙ и т.д., подчеркивается и следующим контекстом: *Ты выглядишь хуже, чем странно. Ты выглядишь ужасно, ты, видно, равнодушна к Антону и задаешь ему какие-то нелепые вопросы* (из разговора двух подруг, 03.06.2014).

Таким образом, прилагательное СТРАННЫЙ занимает на данной оценочной шкале позицию левее (ближе к норме, эталону), чем позиции прилагательных ПЛОХОЙ, УЖАСНЫЙ. Это корректное выражение нетерпимости субъекта оценки по отношению к объекту оценки. Именно так можно объяснить столь частое употребление исследуемого прилагательного в обиходно-бытовой речи: это один из немногих способов выразить открыто свое мнение, при этом не обидев собеседника. Очень часто произнесение оценочного суждения, организованного прилагательным СТРАННЫЙ, сопровождается особой «закрытой» позой (скрещенные на груди руки, наклон головы вниз), символизирующей желание субъекта оценки отстраниться от того, что он считает неприемлемым [Психология жестов 2015], и особой интонационной конструкцией, выражающей неодобрение, иногда иронию.

Выявить роль прилагательного СТРАННЫЙ в современном русском языке помогает исследование примеров его употребления в письменной обиходно-бытовой речи, а именно – в блогах, социальных сетях и тому подобных источниках. В данных контекстах прилагательное СТРАННЫЙ по-прежнему выражает отрицательный смысл: странный – не такой, как все – человек не вписывается в общественную жизнь, его сторонятся. При этом, если говорящий наделяет кого-либо подобной негативной оценкой, это

совсем не значит, что адресат оценки чувствует отрицательный смысл, вложенный в оценивающие слова. В современном обществе «странным» быть модно. Ведь если человека сторонятся, то это лишний раз подчеркивает его исключительность, непохожесть на «ординарных», «банальных» обывателей. Поэтому современная Интернет-культура учит воспринимать кажущуюся странность как нечто положительное: *Если вас считают странным, возможно, это не ваша проблема* (статус из социальных сетей – 14.12.2014); *В последнее время стала замечать, что странные люди - это одни из самых интересных людей, которые меня окружают. Меня не напрягает молчание с ними рядом, меня не парит то, что думают о нас окружающие нас люди. У каждого понятие "странные люди" воспринимается по-разному. Я к этому могу добавить лишь одно, для меня странные люди - те, у кого неординарное мышление и интересный подход к жизни* (из блогов – 21.01.2015); *Я заметила, что сейчас модно быть странным. Поэтому каждый человек старается странность подчеркнуть и выставить всем на обозрение, мол, посмотрите, я такой псих, я такой странный, не такой, как все... То же самое сейчас модно быть творческим, философским... А это глупо, потому что человек и так индивидуален и другого такого нет* (из блогов – 14.12.2014).

Иногда странность, которая приравнивается к индивидуальности и исключительности, становится едва ли не главным положительным качеством личности: *Странность. Странность - есть мое любимое слово. Странности абсолютно никогда не могут быть однообразны, они интересны, человек может быть странным в большой степени и вести себя **СОВСЕМ** не как "обычные" люди, так сказать, а может иметь свои маленькие, интересные странности, что делают его куда более особенным, чем ловля мух и их поедание. Странные люди - интересные люди. Их мысли, их вкусы, их слова. Странный человек не боится. А главное интересные и странные (черт, странное слово в этом контексте) люди индивидуальны, индивидуальны не своей там внешностью, чем-то таким поверхностным, а собой внутренним,*

собой настоящим. Это чудесно. Говорить об этом я могу бесконечно. А и не буду продолжать. Я люблю быть странным. Я даже здесь пишу, чтобы учиться, а не "высказывать свое мнение" Фи, мнение. А учиться - чему? А не скажу. Я странный! (из блогов – 25.01.2015).

Однако в последнее время звучит все больше голосов о том, что восприятие странного в человеке как чего-то положительного – всего лишь дань моде, нечто надуманное. На самом же деле странность по-прежнему отталкивает людей. Странным нельзя стать, поскольку это не внутреннее психологическое состояние субъекта, а его ментальное состояние, возникающее у него как у оценивающего субъекта по отношению к адресату оценки: *Согласна с Soli. Все сейчас стараются быть философами, возвышенными, "немножко сумасшедшими". Думают, это хорошо выделяет их из толпы. Нет. Просто это еще одна толпа. Толпа "оригинальненьких". На детишек еще можно не обращать внимания, но когда под возвышенных и странных косят взрослые, это убого и смешно. Действительно странные люди не хотят быть странными (из блогов – 21.01.2015).*

Если обобщить все факты употребления прилагательного СТРАННЫЙ и его дериватов, то странность воспринимается как своего рода клеймо на человеке. Если кто-то расценивается окружающими как странный, это становится проблемой для него самого, что еще раз доказывает, что в подобную оценку всегда вкладывается отрицательный смысл: *Сама всю жизнь ношу клеймо "странной". У меня стандартная внешность, обычные увлечения, тихая и незаметная жизнь. Я не ношу кактусы на голове и не выхожу в астрал. И тем не менее... На меня постоянно обращают внимание фрики и неформалы, даже когда я выгляжу, как махровый цивил, а "нормальные" люди - напротив, сторонятся (из блогов – 22.02.2015); Здравствуйтесь! Решил обратиться к вам за помощью. Проблема в том, что у меня постоянно начинается депрессия от того, что начинаю считать себя ненормальным, странным, в буквальном смысле начинаю тормозить во всём. Это не только я так предположил, есть*

так же и мнение со стороны окружающих, и таких людей много, для которых я очень странный. Иногда смотрю на свои поступки, даже смешно становится и одновременно стыдно за самого себя, 27 лет, а веду себя как ребенок малолетний... (из блогов – 22.02.2015).

В обиходно-бытовой речи, как письменной, так и устной, исследуемое прилагательное часто выступает в конструкции КАК НИ СТРАННО. Рассмотрим функционирование этой синтагмы на конкретных примерах: *Но вот / как ни странно / в Казани она менее популярна / чем в других городах / в Москве её песни больше слушают и больше поют* (НКРЯ: А. Филатов. Радиопрограмма «Полнолуние», посвященная малоизвестной певице; декабрь 2004 г.; в норме предполагается, что певица родом из Казани должна быть популярна у себя на родине, однако это не так); *Так что / нет / н... Кризис-то / я думаю / полезен / как это ни странно* (НКРЯ: Д. Морозов, Е. Лихачева. Интервью в радиопередаче «Они сделали это», январь 2009; привычным является представление о кризисе как о чем-то негативном, что отрицательно сказывается на всех сферах жизни; однако в данном контексте говорится о пользе кризиса); *Да / в детском доме / как ни странно / безопасно для там восьмидесяти процентов / тебя не кантуют / тебе не суют вечно книжку в зубы / читай «Гарри Поттера»* (НКРЯ: Д. Морозов, Е. Лихачева. Интервью в радиопередаче «Они сделали это»; март 2009; в обществе сложилось представление о детских домах как о небезопасном для жизни и здоровья воспитанников месте, где творится произвол); *Хотя в Москве / как ни странно / именно приезжие восточные девушки меня удивляют своей «невосточной» раскрепощенностью* (Радиоинтервью с танцовщицей // Из коллекции НКРЯ, 2006; в социуме сложилось представление о скромности и благовоспитанности восточных девушек, однако эта точка зрения развенчивается в интервью); *Самое интересное, что я свидетелем стала, вот уже пятнадцать лет в браке, я стала свидетелем еще создания двух таких семей, и, как ни странно, они живут прекрасно. Либо – замуж, либо – ты не член нашей семьи* (Ток-шоу

«Частная жизнь» на телеканале «Россия» // Из коллекции НКРЯ, 2006); *Всегда творческая интеллигенция больше всего говорит о деньгах / как это ни странно* (НКРЯ: А. Оноприенко. Эволюционные тупики социосистемы. Разговор на дискуссионной площадке сообщества «Терра аналитика», 2013).

Оценочные суждения, организованные конструкцией КАК НИ СТРАННО, дают представление о норме, укоренившейся в социуме. При вынесении подобного рода оценки работает примерно следующий алгоритм: ‘странно, что X вместо привычного, ожидаемого Y’. Так, странно говорить о безопасности воспитанников детского дома, когда в социуме сложилось представление о творящемся там беспределе. Поэтому нормой является негативное отношение в социуме к детским домам. Употребляя конструкцию КАК НИ СТРАННО, субъект оценки выносит неожиданные для слушателей суждения, противоречащие сложившемуся у них мнению.

3.7. Прилагательное СТРАННЫЙ в современной художественной литературе.

В современной художественной литературе слово СТРАННЫЙ тоже достаточно широко представлено. Частота употребления данного прилагательного и его «семантических соседей» в сборнике популярного писателя Захара Прилепина «Ботинки, полные горячей водкой» такова: в 7 из 11 рассказов сборника можно найти 23 оценочных суждения, организованных данными лексическими единицами (в среднем по 2-3 контекста на рассказ). Что же странного видит повествователь и рассказчик Прилепина в современной нам действительности?

Герои пацанских рассказов Прилепина – с виду суровые, brutальные люди, жесткие и иногда даже жестокие, многое повидавшие на своем веку, но не утратившие живости и чувства жизни. Они способны поглядеть на мир как бы со стороны и увидеть необычное в самых обыденных и уже приевшихся вещах. Более того, герои Прилепина склонны к остранненному самонаблюдению, когда

персонаж сам описывает свое временное состояние, осознает и обозначает испытываемое им чувство [Халикова 2004: 104]. Так, герой рассказа «Жилка» - оппозиционер, занимающийся «революцией» и несправедливо обвиняемый спецслужбами в террористической деятельности. Предчувствуя очередную погоню, он садится в троллейбус и бесцельно едет все дальше от дома: *Некоторое время я ехал в странном оцепении, почти не напуганный... Я начал разглядывать пассажиров, они были удивительно далеки от меня, словно мы неумолимо разъезжались в разные стороны.*

Странное состояние главного героя неслучайно: словно каменная стена возвышается между ним и всем остальным миром. Чуждыми кажутся люди вокруг, герой замечает каждую мелочь рядом с собой, но чувствует свою отдалённость от жизни, отрешённость от чего-то важного, что происходит здесь и сейчас. Его не понимают и не принимают, он иной, не такой, как все, и не может жить обычной жизнью, он чужд для всех: *За окном проносились авто, в каждом из которых сидела душа чуждая, как метеорит. Как много в мире чужого тепла, о которое не согреться.*

Ощущение отчуждения, взаимного непонимания усиливается употреблением однокоренных прилагательному СТРАННЫЙ слов в описании отношений главного героя с его женой: *Нам становилось тесно, душно, дурно. ... я обнимал ее, - но она отстранялась во сне... Я помню это ночное чувство: когда себя не помнящий человек чуждается тебя, оставляя только ощущение отстранённого тепла.*

Главный герой рассказа «Бабушка, осы, арбуз» вспоминает о родной деревне с особым сердечным теплом, как о чём-то самом важном в жизни: совместная работа на огороде, весёлое поедание сочного арбуза, спокойная улыбка бабушки. Совсем по-другому воспринимает герой родные места спустя несколько лет, когда приезжает туда с женой: опустевшая деревня, серость, «неведомой травой» поросшие огороды. Уже не по-родственному спокойно, а с затаённой душевной болью оглядывает рассказчик деревню: *Мы въехали на*

белой «Волге» в деревню, мы двигались в поднятой нами пыли, странные и непривычные здесь, словно на Луне.

Прилагательное СТРАННЫЙ многое раскрывает в мировосприятии героя: он чувствует себя чужим и абсолютно ненужным, оторванным от всего родного и милого его сердцу. Он сам чужд людям вокруг, и окружающие чужды ему.

Употребление оценочного прилагательного СТРАННЫЙ в текстах Прилепина часто свидетельствует не только об особом мировосприятии героя, но и о его неприязненном отношении к тем или иным событиям или же лицам. Так, странным кажется герою рассказа «Убийца и его маленький друг» лицо одного его знакомого по кличке Гном: *У Гнома тоже бороды не было, зато наблюдались усики, тонкие, офицерские. И вообще все на лице его было маленьким, словно у странной, мужской, усатой куклы.*

Неприязню, отторжением и какой-то необъяснимой тревогой веет от этого описания обычного на первый взгляд бойца спецназа. Гном казался мягче и добрее своего друга Серёги по кличке Примат, без малейшего сожаления убивавшего как людей, так и животных. Однако после гибели Примата в бою Гном совершает бесчеловечный поступок: грабит беременную жену Серёги. В этом вся его подлая сущность, вскользь отмеченная рассказчиком в самом начале повествования.

В романе Захара Прилепина «Черная обезьяна» читатель знакомится со сбивчивым, но бесконечным внутренним монологом журналиста, который заинтересовался необычной проблемой – детьми-убийцами. Его мир можно назвать каким угодно, но только не обычным, не привычным. Казалось бы, он должен стать примерным семьянином, образцовым отцом двоих детей, спешащим сделать блистательную карьеру на журналистском поприще. Но все, что его окружает, пустое, наносное, до безобразия глупое и ненастоящее: отвратительный своей бесконечностью хохот начальника, воспоминания, стремительно проносящиеся в его воспаленном мозгу, странные и страшные истории, рассказываемые ему окружающими людьми – полупризрачными,

чужими и далекими. То ли миф, то ли реальность окружает прилепинского героя. И на протяжении всего повествования он так и не может ответить ни себе, ни другим на самый важный вопрос: а он-то кто такой? Как его имя? Откуда он пришел и куда идет?

Прилагательное СТРАННЫЙ и его дериваты встречаются в романе не так часто – всего 27 раз, однако играют важную роль в понимании нами того мира, который окружает главного героя. Вот он на улице – один, без дома, без малейшего понимания происходящего и желания к кому-либо идти или кому-то звонить – один в абсурдном мире, который постоянно выталкивает его, намекает, что ему и там, и тут не место. Глубоко внутри назревает ощущение, никак не желающее преобразоваться в четко выраженную мысль – странное ощущение: *Внутри пульсировало странное ощущение, что я кого-то должен найти и разгадать.*

В полном душевном смятении, понимая, что привычного жизненного круга уже нет, а что-то новое и правильное он еще не нащупал, герой бежит в ванную, чтобы водой смыть все нарастающую мерзость дня. В голове засели звуки, которые произносят его дети, изучающие азбуку. Он снова в своем мире – всем чуждом и даже ему самому непонятном: *Потрогал лицо — вдруг почувствовал, что губы улыбаются, но какой-то странной улыбкой, будто бы я начал говорить «Ы», но забыл, как произносится этот звук. Даже на самого себя герой смотрит как бы со стороны, как будто чужое тело соединилось с непонятным ему разумом. Словно разбирая себя на кусочки и расценивая то одно, то другое как странное, он не чувствует целостности ни в себе, ни в мире: Он мне никакой не родственник, — странным от искривления лицевых мышц голосом начал говорить я, но главный меня не слушал.*

После того как героя избили на привокзальной площади, он на удивление отстраненно смотрит на себя, с почти научным беспристрастием фиксирует свое состояние и не отдает себе отчета, что на самом деле произошло. Или не хочет осознать происходящее. Мы сталкиваемся здесь с упомянутым ранее и очень

распространенным в художественной литературе приемом остраннения – главный герой словно препарировывает свое собственное тело, еще более погружая себя в абсурдно-странный мир: *В испуге я косил единственным глазом на то, что извлекается из ноздри, и пугался увидеть второй глаз, который постепенно на этих странных нитях я неожиданно вытащу из черепа.*

Занимаясь делом детей-убийц и предчувствуя нечто нехорошее в дальнейшем своем расследовании, он не называет эту историю страшной, ужасной, тошнотворной или аморальной. Этого и так достаточно в окружающем героя мире. Для него эта история прежде всего странная: *Через последний пост — четыре отлично вооруженных человека в камуфляже, широкая автоматически открывающаяся дверь — вышли в странное, пахнущее мылом помещение, похожее на огромный вагон, но без окон (место, где содержались дети и где, как подозревал главный герой, над ними проводились опыты); Тем более что некоторые из них глухонемые, а те, что в голосе, — разговаривают какой-то странной речью, будто птичьей, только некоторые слова похожи на человеческие; Внизу мелким синим шрифтом была набраны новости, там я и вычитал о странном убийстве в городе Велемире. Неизвестные за ночь вырезали целый подъезд трехэтажного дома (зверское массовое убийство, совершенное, по свидетельству очевидцев, недоростками – практически детьми); Русый ходил по странной окружности — словно обходя ямы.*

Бродя по улицам, подгоняемый воспаленным сознанием, герой везде и всюду чувствует себя чужим. Перед ним никак не складывается целостная и размеренная жизнь, нет никакой цели в его беспорядочном блуждании по миру. А раз нет целого, его внимание сосредотачивается на малом – и каждая деталь, неприметная для глаза обычного, занятого человека, кажется странной прилепинскому герою, и ощущение этой странности для него невыносимо: *В халате все профессора смотрятся странно, особенно высокие. Если у них голые ноги под халатом — совсем невыносимо, но у этого были брюки, синеватого такого цвета, как обычно у врачей в больницах; Платон Анатольевич сел как-*

то странно: на табуреточку у подоконника, оставив пустым кресло возле стола — на котором сидеть по праву должен был он, а не я; Дверь действительно была открыта. Странно, но показалось, что она нарочно так сделала. Всех призывая... в свидетели; В темноте странно отсвечивал экран телевизора. Заглянув в него, можно было увидеть угол комнаты, стопку книг, ногу, только никак не разобрать — левую или правую.

Таков герой Прилепина – живущий в странном, разрушенном, абсурдном мире, странный другим и прежде всего самому себе. Как выразился в своем интервью современный критик, филолог и поэт Дмитрий Бак, это «человек нового мировоззрения», трагическая фигура, уже оправившаяся от «травм советского времени», но не сумевшая обрести счастье и полноту ощущения жизни [Бак 2015].

В одном из самых известных романов Захара Прилепина «Патологии» - правдивом повествовании о чеченской войне – еще меньше оценочных суждений, организованных прилагательным СТРАННЫЙ и его дериватами, всего 13. Война, описанная глазами русского наемника Егора Ташевского, предстает перед нами омерзительной, бесчеловечной, невозможной. По мнению писателя и публициста Дмитрия Быкова, Прилепин потому и описал все происходящее в Чечне «с таким омерзением», что «нормальным состоянием для него является как раз счастье, здоровье, любовь, всяческая полноценность» [Быков 2015]. Если это для Ташевского и говорящего его устами Прилепина нормальность, то все остальное – патологии – бесчеловечные, абсурдные, тошнотворно-ненормальные. Страшные, а не странные. Но и странному тоже есть место в мире Егора Ташевского: это происходит в самые опасные моменты боя или же, наоборот, тогда, когда герой в кратковременные передышки между перестрелками вдруг погружается в собственный мир, где реальность перемешивается с воспоминаниями детства и его довоенного быта. В такие моменты Егор смотрит на мир остранными глазами, намеренно отчуждая действительность вокруг себя. И это позволяет ему будто бы наблюдать за

театральной постановкой, к которой он имеет отношение только как зритель. Все кругом – странное, чужое, никоим образом его не затрагивающее: Странно, - думаю я, засыпая, - вот мы, пятьдесят душ лежим, спим в каком-то доме, на пустыре, посреди чужого города. Совсем одни; Вдоль дороги встречаются дома, состоящие из одной лицевой стены, за которой ничего нет, - просто стена с оконными проемами. Странно, что эти стены не падают на дорогу от сквозняков; «Странно, - думал я, - Вася, который чуть не взорвался и к тому же остаётся здесь, успокаивает Старичкова, который вечером будет у жены под мышками руки греть... или Старичков не женат?»; Я улыбаюсь, и думаю одновременно, что, - как это странно, - вот Стёпу убили, а Плохиш все придуряет, и мы улыбаемся, и вот меня тоже убьют, и будет то же самое... Ну не будут же все рыдать, сжимая береты в руках; Он взгляделся сквозь пыль в меня, и я почувствовал его сумасшедший взгляд. - Это ты? - странно спросил он, впрочем, звучание вопросительного знака после «ты», затуманилось, и вопрос словно канул в воду.

Нечто странное, невыразимое и необъяснимое, но страшно тревожащее душу поднимается в душе Ташевского уже тогда, когда он не находит в себе сил мириться с кровавыми видениями войны, абсурдной бесчеловечностью, всеми теми «патологиями», без которых не обходится ни одна война. Странное просыпается в нем тогда, когда замолкает надежда и нет смысла обращаться к рассудку. Тогда он замирает и всматривается в странный мир, вслушивается в странную, на войне непривычную и тем самым пугающую тишину: Тяжелый дождь, стегаящий по воде, тысячи тяжелых капель, - вижу, странно близко вижу; Чувствую внутри мутный страх, странную душевную духоту, словно всё сдавлено в грудной клетке; В городе слышна постоянная стрельба. Тем более странно и тошно от тишины в школе и вокруг неё. И ещё - от наступающей мутной и сырой темноты.

В романе «Санькя», повествующем о деятельности экстремистской антиправительственной группировки «Союз созидателей», находим 34

оценочных суждения, организованных прилагательным СТРАННЫЙ и его синтаксическими дериватами. Что же кажется странным главному герою – члену партии Саше Тишину? Прежде всего, они сами – «союзники», не сумевшие прогнуться под пошлый и жестокий мир, своими действиями пытающиеся подорвать ненавистный режим. Они странны для окружающих: неслучайно многие знакомые Саши не понимают агрессивности «союзников», равно как и конечной цели их борьбы. Но странны они и друг для друга, вроде бы все в одной партии, а каждый из них кажется бесконечно далеким, каким-то отстраненным Саньке: *Костенко, да, сидел в тюрьме, под следствием, его взяли за покупку оружия, всего нескольких автоматов, а они, его свора, его паства, его ватага, — они стояли нервными рядами, лица в черных повязках, лбы потные, глаза озверелые. Непонятные, странные, юные, собранные по одному со всей страны, объединенные неизвестно чем, какой-то метиной, зарубкой, поставленной при рождении; — Меня отпустили, — сказала Яна странным тоном, и Саша загнулся на вопросе о том, как и кто отпустил, — по ее тону вдруг стало ясно, что ни о чем спрашивать не стоит; Саша иногда думал о Костенко, пытался понять этого странного, агрессивного, очень умного человека; Вспомнил лицо Яны — с тем странным, напряженным, внимательным выражением женщины, прислушивающейся к своим ощущениям...*

Саша не может понять, каков этот мир «союзников», это общее дело, которым соединены самые разные люди. Он одновременно и понимает, и не понимает, что он делает и к чему его это приведет. Поэтому даже собственные мысли, обычные, свойственные всем людям душевные терзания кажутся ему странно-бездушными: *Может, она спит с Матвеем? — подумал Саша. Но мысль получилась странно отстраненной, бездушной.*

В кризисной ситуации – во время облавы, допроса – Санька кажется странным сам себе. Смотря на себя со стороны, он ощущает нечто особенное: ему не больно, не страшно, а именно странно. Странно, потому что так не

должно быть, а это с ним тем не менее происходит: *Саша уже не разбирал голосов. Зато понял, что густая вода — это его кровь из носа. Хотя, странно, боли пока не чувствовалось; Чувствовал странную мусть и тяготу внутри — и при этом было твердое знание, что ничего не избежать: он, Саша, всё сделает, до конца; Саше казалось, что он бежит впереди всех. В горле странно клокотало.*

Выход за пределами этой странной действительности тоже не найти: Саша чувствует, что он отличается от всех, боится выглядеть странным, так как ощущает враждебность, чуждость окружающего мира. И все время будто бы бежит от реальности: *Саша стоял на платформе, чувствуя необычную тяжесть сумки — казалось, что любой, взявший ее в руки, сразу поймет, что там нечто странное помещено, запретное; Странный у меня будет вид, если я закажу водки и стакан воды. Надо что-нибудь еще...*

А все потому, что Саша современный мир – странный и чуждый ему – не понимает, не понимает извечную несправедливость, лживость, лицемерие людей: *Везде были люди, всюду жили люди, и Саша всегда находил с ними общий язык, хотя порой не понимал их. Впрочем, «не понимал» — не совсем верно. Ему казались странными, или глупыми, или неуместными, а чаще всего — пошлыми мотивации многих человеческих поступков.*

Саньке стыдно за странный мир, за глупость странных людей: *Среди всего этого медленного и почти завершившегося распада ребенок выглядел странно, стыдно, неуместно.*

Прилагательное СТРАННЫЙ стоит в текстах Прилепина в одном ряду с прилагательными ЧУЖОЙ, ЧУЖДЫЙ, НЕЛЕПЫЙ, ГЛУПЫЙ, ПОШЛЫЙ, что в сочетании с высокой частотой употребления данных лексических единиц говорит о значимости смысла ‘странный, не такой, как все, чуждый и неприемлемый’ для автора. Герои Прилепина чувствуют себя одинокими и неприкаянными в окружающем их мире, они странны и чужды для окружающих, и весь мир странен, чужд, нелогичен и глуп для них. Таким

образом, прилагательному СТРАННЫЙ и смежным с ним единицам принадлежит особая роль в построении художественных произведений Захара Прилепина.

Рассмотрим функционирование прилагательного СТРАННЫЙ и его синтаксических дериватов в современной литературе на примере текстов других жанров. Достаточно часто прилагательное СТРАННЫЙ встречается в детективах, где оно играет важную сюжетно-композиционную роль. Так, в современном детективе Г. Романовой «Любовь окрыляет» находим 44 контекста с прилагательным СТРАННЫЙ или же наречием СТРАННО. В ведении расследования по делу об убийстве женщины следователь Глеб Карпов постоянно задает себе вопрос: «Что странного вижу я в той или иной ситуации?». Именно странное – не такое, как всегда, непонятное, непривычное и не укладывающееся в логическое развитие событий – становится своеобразным двигателем следственного дела. Странное поведение, поступки, слова действующих лиц, странное несоответствие фактов являются единственными зацепками в сложном деле: *Еще одно издание намекало на то, что убитые состояли в преступном сговоре с грабителями, больно уж странно себя вели. А убили их почему? Так, от лишних свидетелей и лишних ртов избавились бандиты (странное поведение жертв преступления указывает Карпову на неожиданный поворот в следствии); Карпов как раз подошел к подъезду и нос к носу столкнулся с молодым мужиком, вынырнувшим из подъездных дверей. Тот повел себя как-то странно. Дернулся куда-то вбок, будто Карпов на него нападать собрался. Отпрыгнул потом и резко повернулся к нему лицом (Карпов на интуитивном уровне фиксирует странное поведение случайного встречного, что впоследствии помогает ему найти первого подозреваемого); Так, минуточку! А ведь видел его один человек точно. Тот самый молодой мужик, с которым он нос к носу столкнулся в дверях подъездных. Он еще повел себя очень странно, будто напугался встречи с Глебом. Лица Карпов его рассмотреть не мог...; - Когда я в первый раз приехал и заходил в подъезд, со*

мною нос к носу столкнулся какой-то чудаки. Он перепугался так сильно, что отпрянул так вот, - Глеб изобразил реакцию парня. – Потом странно так улыбнулся, хотя в темноте особо не разглядишь. Извинился, сказал, что обозначился и ... - И все? - Да, и ушел. Но чего-то он испугался (впоследствии вспоминая «странную» встречу, Карпов подмечает все больше деталей, которые помогают ему напасть на след убийцы); Странная все же девушка, - решил Карпов, возвращаясь к машине минут 20 спустя. - Странная и неосторожная. Как вообще ей могла прийти в голову мысль – бежать именно здесь?! Ни единой души вокруг, ни единой! (необычное, нехарактерное для подобной ситуации поведение девушки приводит Карпова к мысли, что она не случайно оказалась в эпицентре событий); Фамилия, имя и отчество мужчины семьдесят второго года рождения ему ничего не сказали, адрес тоже был неизвестен, окраина какая-то, но Витя смотрел очень странно на него, очень. Будто заранее жалел его или что-то в этом роде (странное поведение свидетеля позволяет следователю уловить ложь в его показаниях); Вспомнив о Симакове, Карпов задумался. Следовало или нет показывать ему состряпанные Алексеем портреты странной группы, занимавшейся все лето странными тренировками на пустыре в районе летнего театра? (впервые на след настоящих убийц Карпов выходит, когда подмечает «странных» людей в «странной» обстановке); - Рамзин Гришка, который год разыскиваемый правоохранительными органами, представлялся своим бабам всегда одинаково: Жоржем! Не находишь это совпадение странным, а?; Карпов снова разозлился на гостя. Странную какую-то позицию тот занял. То со странным блеском в глазах сообщает, что Гена до увольнения работал инкассатором в банке и был уволен за служебное несоответствие, то снова на его защиту становится. Как это расценивать? (несоответствия в показаниях очевидца помогают Карпову в очередной раз уличить лжесвидетельствование).

Как мы видим из приведенных контекстов, чаще всего обращение к «странному» происходит у Глеба во время внутренних монологов, когда он

пытается разложить по полочкам все увиденное и узнанное им за последнее время. При этом наблюдается следующая ситуация в интерпретации оценочных суждений, организованных прилагательным СТРАННЫЙ: если мы, наделяя что-то оценкой СТРАННЫЙ, стремимся, как было упомянуто выше, отгородиться от этого, отстраниться, то следовательно, наоборот, погружается в отгалкивающие странности, ведь, раскрывая преступление, он входит в иной, непривычный мир, где странности являются скорее нормой.

Иногда Глеб Карпов интуитивно чувствует, что что-то не так, непривычно, это странное состояние, невыразимое словами, для него является показателем некоторого продвижения в деле: *Казалось ему или в самом деле мужик что-то знал? Как хочешь, так и назови странное чувство, теребящее Карпова. Будто щекотал кто-то в темечке всякий раз, как он Степану Васильевичу в глаза заглядывал; Снова поднял на нее глаза и снова почувствовал странный, тревожащий интерес к этой женщине.*

Подобным образом строит расследование помощник Карпова следователь Симаков. Собирая воедино все кажущиеся ему странными, непонятные факты, он будто пытается собрать кусочки мозаики: *Светлана Карпова эффектной внешностью и вызывающими манерами не отличалась. И странным выбором Рамзина казался Симакову. То всегда любил ярких баб. Таких, например, как... Как покойная Нина Сошкина, которая с непонятной целью наведлась в вечер убийства к своей бывшей соседке. И после ее визита соседка эта была найдена с пробитым черепом мертвой у себя дома. Не странно ли? Странно, и даже очень. И Симаков всячески пытался соединить все эти разные истории в одну. Во время допроса свидетелей Симаков намеренно просит их вспомнить что-либо странное, понимая, что просто пересказом событий таинственное дело не распутаешь: - Так вот, как только Светлана усаживалась в машину, на которой ее встречали, причем это не их семьи была машина, я уже говорила... та трогалась с места, то таксист со своим пассажиром тут же ехал следом... Странно... - И сколько раз вы наблюдали подобную странность? -*

Подобную странность я наблюдала 4 раза, - ответила начальница отдела; Только там странность одна имелась... - нехотя, все через не хочу вспоминал Стас. – За рулем той тачки постоянно водители менялись.

Высокая частота употребления оценочных суждений, организованных прилагательным СТРАННЫЙ и наречием СТРАННО, и их особая сюжетно-композиционная роль наблюдается и в других современных детективах: Т. Полякова «Трижды до восхода солнца» - 15 контекстов; Ф. Незнанский «Вкус денег» - 21 контекст; П. Дашкова «Никто не заплачет» - 10 контекстов; Д. Калинина «Танец вокруг живота» - 27 контекстов; Д. Корецкий «По следу черта» - 20 контекстов; Т. Устинова «Неразрезанные страницы» - 19 контекстов. Сотрудники правоохранительных органов отталкиваются в расследовании преступлений от чего-то, что не укладывается в их сознании, непривычно и нелогично, т.е. странно: - *Кто снабдил? Если наши власти действительно решили убрать неудобного человека, выбор исполнителя довольно странный. Почему же, - не согласилась я. – Девушка вызывает куда меньше подозрений, чем мужчина. - Такое поручают профессионалам (Т. Полякова «Трижды до восхода солнца»); - Странный интерес к подобному типу, как считаешь? Зачем девушке, богатой наследнице и супруге преуспевающего бизнесмена, мог понадобиться телефон хронического неудачника, недавно вернувшегося из мест не столь отдаленных? (Т. Полякова «Трижды до восхода солнца»); - Один вопрос можно? – попросил Денис. – Вам, девушки, убитый ничего странного не рассказывал? Может, не сегодня. - Да что он может рассказать, кроме пошлого анекдота да сальных комплиментов? – чуть ли не в один голос возмутились горничная и официантка (Ф. Незнанский «Вкус денег»); - Знакомый голос по телефону. Голос Волгина. Зачем он звонил Игорю? - Нет, тут как раз ничего странного нет. Возможно, даже Игорь опекал меня не только по собственной инициативе, но и по настоянию Волгина. Странность не в том. Странно, что коммерческий директор, а Игорь именовал себя именно коммерческим директором, руководит бригадой настоящих боевиков... (Ф.*

Незнанский «Вкус денег»); - *Да, - признался Головкин, - я тоже все время думаю, зачем он заходил в туристическую фирму? Ведь не от киллера прятался. Почему его там именно кончили? Вообще-то с этим Курбатовым очень странно* (П. Дашкова «Никто не заплачет»); *Сыщик запер замок. «Странно, - подумал он. – Мы никогда не находили трупов на свалке. Хотя... Место вполне подходящее»* (Д. Корецкий «По следу черта»); *Она ушла в глубину квартиры и оттуда приглушенно сказала: - Нет, странным это. Не вяжется. Вор – значит вор. Откуда у него оружие и ... навыки?* (Т. Устинова «Неразрезанные страницы»).

Стоит отметить, что непричастные к расследованию лица часто не понимают особого интереса следователей к странностям, осуждают их, ведь для нормальных, обычных людей странное неприемлемо, это то, от чего хочется отгородиться, отстраниться: - *Что за бред вы несете, капитан?! Над вашими «версиями» и так все смеются – и в следственном комитете, и в прокуратуре, даже до ГУВД дошло, как вы предлагали осмотреть труп загрызенной другим псом собаки! ... И как отвезли собаку в морг, и добивались вскрытия и судебно-медицинской экспертизы! И про дурацкие вопросы, которые вы задаете свидетелям: что странного и необычного здесь произошло!* (Д. Корецкий «По следу черта»).

Убийство или же любое другое преступление само по себе нарушает привычный ход вещей, поэтому «странности», которых сторонятся обычные люди, становятся самым обычным рабочим материалом в руках следователей, своеобразной нормой в этом особом мире: *Про Черта вроде бы все и слышали, но ничего конкретного сказать не могли. Это очень странно, обычно так не бывает... В истории Черта вообще много странностей. Как, впрочем, и в любом серьезном уголовном деле, тем более нераскрытом, а особенно связанном с убийствами. Некоторые странности искусный в криминалистике специалист вполне способен объяснить* (Д. Корецкий «По следу черта»); - *Здравствуйте, Иван Михайлович! – почтительно подошел к*

следователю Дятлов. – Какие-нибудь странности в деле есть? Тот вздохнул. – Насильственное прерывание жизни и есть самая большая странность в подлунном мире (Д. Корецкий «По следу черта»).

Мир, который создают авторы детективов, буквально соткан из странного. Странное ведет к истине не только сыщиков, но и самих читателей. В нашем сознании странное есть нечто отталкивающее, неприемлемое, чего мы не понимаем и не принимаем. Поэтому автор часто дает читателю своеобразные подсказки, наделяя преступников оценкой СТРАННЫЙ еще до выяснения истинного положения дел: - *Врачи уверены, что завтра она уже придет в норму. И мы наконец узнаем имя преступника! И Леся радостно посмотрела на дядю Колю, ожидая увидеть ответную радость. Но тот выглядел как-то странно задумчиво* (Д. Калинина «Танец вокруг живота»: странная реакция дяди Коли, с виду добропорядочного гражданина, помогавшего следствию, помогает распознать в нем убийцу); *За стойкой на своем месте снова сидел Мустафа. И он посмотрел на девушек весьма странно и продолжал пялиться все время...* (Д. Калинина «Танец вокруг живота»: странный знакомый девушек оказался впоследствии наркокурьером); *Официантка кафе описала маленького, худощавого молодого человека, который сидел один все это время, пока за соседним столиком обильно обедали и пили коньяк двое посетителей, позже погибших от взрыва: - Лицо у него было странное. Знаете, такое... сосредоточенное, и не съел он ничего* (П. Дашкова «Никто не заплачет»: странный молодой человек впоследствии окажется главой преступной группировки).

Заинтересованные в расследовании не случайно обращаются к «странному» - непонятному, непривычному, нелогичному – в процессе раскрытия преступлений. Подмечая нечто, что кажется нам странным в окружающих нас людях и мире в целом, мы намеренно разрушаем привычный мир нормы, где все происходит изо дня в день по заведенному образцу, где все кажется правильным и приемлемым. Разрушая эту привычную

действительность, мы расширяем горизонты нашего познания, активизируем стремление постигать неизведанное, доходим до правды, которая иногда скрыта от нас под завесой обыденности и привычности. Эта мысль во многом перекликается с мнением одного из обозревателей общественно-политического и литературно-художественного журнала «Огонек» (№17-18 за 1994 год): *И однажды я подумал: а вот если бы удалось собрать все-все странности и разом увидеть их, то... То что? Не объяснят ли они мир лучше и объемнее, чем все другие его толкования? Во всяком случае это было бы не скучное разглядывание.* Именно странное выводит нас за рамки привычного, накопленного годами и поколениями опыта. Когда мы задаем себе вопросы «Что странного в данном явлении?» и «Почему мне кажется это странным?», именно тогда мы начинаем видеть самую суть окружающей нас действительности, вырвавшись из оков привычности.

Особую сюжетно-композиционную роль прилагательное СТРАННЫЙ играет также в фантастических произведениях (в том числе фэнтези), где оно встречается довольно часто. Так, в фэнтезийном романе Ю. Никитина «Святой Грааль» находим 49 контекстов употребления оценочных суждений, организованных прилагательным СТРАННЫЙ и наречием СТРАННО, а также существительным СТРАННОСТЬ, что отнюдь не является случайным. Автор создает вселенную, населенную самыми разными существами, зачастую враждующими друг с другом, принадлежащими разным мирам – странными как друг для друга, так и для читателя. Странность эта проявляется во внешности персонажей (не каждый из них обладает привычной человеческой внешностью), в образе их жизни, жилищах, оружии, предметах обихода: *Олег принес из второй комнаты колчан, быстро проверил стрелы, забросил за спину. Томас с отчаянием на лице смотрел, как этот странный паломник очень профессионально поправил перевязь, вытащил из-под лавки двуручный меч; - Этих – что, все-таки в прошлом солдаты нашей славной армии, а вон бегут похуже!.. Клянусь Святым Граалем, твой странный паломник их тоже*

возьмет под крыло; Монах сделал молниеносное движение руками, встал в странную боевую стойку; Еще издали, с высоты седла, ему казалось что-то странным во всей линии бритоголовых, теперь же он понял наконец, что голова жилистого монаха с лицом умелого, беспощадного кулачного бойца едва ему по грудь, а тонкие руки с сухими кулаками выглядят вовсе хворостинками; Вот тут монахи вашего монастыря нас встретили по странному ритуалу, но даже сэр калика, хоть и язычник, понимает, что в чужой монастырь со своим уставом не прут; Ломая кусты, на поляну выметнулись странные жуткие звери: огромные, лохматые, чешуйчатые; Будет зваться Диким Полем, потом – Руиной, а пока что просто Степь. Котел, из которого век за веком уже несчетные тысячелетия выплескиваются странные народы, которым несть числа; - Мы вошли в землю одного странного племени. Своих отличают только по запахам. Даже муравьи пошли странные: если наверху все одинаково поджарые, прокаленные солнцем, быстрые и злые, то здесь двигались медленно, сами помельче, от них пахло чуть иначе.

Мир, в котором борются все против всех за право обладать святыней, буквально пропитан ненавистью, излишней подозрительностью. СТРАННЫЙ в романе – синоним не только слов УЖАСНЫЙ, СТРАШНЫЙ, но и слов ОПАСНЫЙ, ПОДОЗРИТЕЛЬНЫЙ: У тебя совсем иная дорога, как и в жизни. К тому же, ты что-то скрываешь... Я чую странность. Большую странность. И непонятную опасность, что связана с тобой; Они сидели на краю причала, свесив ноги, калика качал ногой. Лицо калики странное, мрачное, хотя уже прибыл в свой город!; Над ним стоял, опершись на одну ногу, странный человек, от которого Томаса бросило в дрожь, заморозило кровь в жилах.

В мире, в который погружается читатель, почти нет места дружбе и доверию. Странны все для всех: А еще его отважный друг, тоже калика, объяснил, как-то странно, жалостливо отводя глаза, что только они – люди, остальные – долюди. А есть и те, которые вышли из зверей в люди. Таких

немного, потому что для большинства – странные, непонятые. Так что богатыри, мудрецы, пророки, герои – все странные.

Прилагательное СТРАННЫЙ и его дериваты являются ключевыми в тексте романа и играют в нем важную сюжетно-композиционную роль. Именно с помощью данной лексической единицы автор смог погрузить читателя в принципиально иную реальность. Постоянно тревожась за персонажей, живущих во враждебном, «странном» мире, читатель на протяжении всего романа пребывает в напряжении, ожидая все новых и новых сюжетных поворотов.

Сделанные выводы применимы и к другим фантастическим и фэнтезийным произведениям, где также довольно часто встречаются прилагательное СТРАННЫЙ и его синтаксические дериваты. Так, в фантастическом боевике А. Лазарчука «Все способны держать оружие» находим 19 контекстов с прилагательным СТРАННЫЙ, а в фантастическом романе В. Головачева «Реликт» (том 1) насчитывается 63 соответствующих контекста.

В романе «Реликт» странными предстают как неизведанная планета, на которую высадились главные герои, так и новейшие изобретения, с помощью которых они исследуют космос. Станным кажется весь фантастический мир – мир будущего, непривычный для нас смелыми идеями и новыми формами: *На шестой день звезда показалась в видимом диапазоне электромагнитных волн. Это была странная звезда с неровной пульсацией гравитационного поля; Экраны внешнего обзора показали им, как странный крест добывал робота; Пелингатор привел нас сюда, - задумчиво сказал он. – Но это не земная машина. Странно...; Растения странных форм, то в виде огромной шапки пушистых голубых нитей, то в виде множества шаров из спутанной «шерсти» синего или фиолетового цвета, росли не густо, но благодаря размерам создавали впечатление непроходимой чащи. Они уже спустились в странную долину, имеющую форму ботинка, нормального человеческого ботинка, только ненормальных размеров; Над Городом стояло алое сияние, перечеркнутое*

черным дымным столбом, странную метель гнал ветер из Города, пока Грехов не понял, что это летят паутины. Неизведанный мир новой планеты чужд астронавтам, на каждом шагу их подстерегает опасность. Этот мир притягивает, но в то же время и отталкивает исследователей, кажется им страшным и полным опасностей. Прилагательное СТРАННЫЙ играет важную сюжетно-композиционную роль в романе, ведь оно обозначает что-то, что мы не только не понимаем, но и не принимаем: *Из странного разлома вдруг плюнула еще одна струя, вздымаясь на неведомую высоту. Приемник перестал греть, и в шелестящей тишине они вдруг услышали... плач ребенка! Это было странно и чудовищно! Откуда в Городе мог оказаться ребенок?!; Жутко было смотреть на гримасы странного существа, не имевшего речевого аппарата в общепринятом смысле слова, но пытавшегося говорить на земном языке.*

Именно со столкновения героев со странным и страшным начинается действие романа А. Лазарчука «Все способны держать оружие», где повествуется о нападении зомби на город. Изменения в привычной жизни горожан, отклонения от нормального положения дел вызывают неприязнь и напряжение у главных героев: - *Слушай. Не выходи оттуда, понятно? Здесь вчера что-то произошло... странное. Я перезвоню или приеду... В общем, держись поближе к полиции;* - *Так... - капитан нагнулся над ним и тут же выпрямился. – Все страньше и страньше. На пути к бункеру нам попало шесть мертвецов; Они маршировали в странной позе, одной рукой давая отмашку, а другую держа у плеча, и я долго не мог понять, что к чему.*

В фантастическом романе Ю. Никитина «Имаго» находим подзаголовок «Странные романы». Слово СТРАННЫЙ не случайно вынесено в название жанра: автор рисует перед нами мир, который не только сильно отличается от того, в котором мы живем, но и отталкивает нас, - мир, в котором Россия подчинена НАТО. Насчитываем 18 контекстов, организованных прилагательным СТРАННЫЙ и его синтаксическими дериватами. Странный в романе – это непривычный, неприемлемый, страшный: *Похоже, пока я*

раздумывал, рефлексы решили за меня, я обнаружил себя шагающим по тротуару параллельно факельной молодежи. Странно, совершенно нет машин, чья-то могучая волосатая рука сумела направить автомобильные потоки по другим улицам; Я быстро перевел ствол на дверь в комнату. Странно, никто не выскочил, не закричал, и тут только я уловил, что оттуда доносится грохот ударников, объемный звук заполняет всю комнату; - Нет, - сказал я внезапно, - пойдём посмотрим вблизи. Я чувствую, что сейчас что-то происходит комическое. Что в этом месте собрались странные, нечеловеческие силы... И что на этом месте будет памятник, что переживет и этот город, и язык; Один из десантников рассвирепел, взял автомат на изготовку и прицелился в толпу. Странно, толпа не рассыпалась в панике, там заорали еще громче.

Герои романа находятся в постоянном напряжении, они ощущают, что мир вокруг изменился, отторгает их. Станный мир вокруг объясняет чувства, зарождающиеся внутри, - нечто, что нельзя объяснить, выразить словами: - *Знаешь, как-то странно... Вдруг ощутила, что хоть все идет хорошо, но почему-то мимо... Чего-то стало не хватать.*

Таким образом, прилагательное СТРАННЫЙ и его дериваты играют важную сюжетно-композиционную роль в фантастических произведениях. С одной стороны, контексты, организованные данным прилагательным, позволяют создать атмосферу загадочности, заставляют читателя выйти за рамки обыденного в своем ожидании. С другой стороны, мир, созданный авторами фантастических произведений, отличается от привычного. Он, как правило, чужд героям романов, таит в себе массу опасностей. Именно поэтому все в окружающей действительности кажется персонажам странным – непривычным, отталкивающим, непонятным и пугающим своей необъяснимостью.

Выводы.

1. Прилагательное СТРАННЫЙ является общеоценочным, поскольку может выступать в качестве предиката для любого имени и объединяет оценкой

разные по своему онтологическому статусу явления действительности, а также вступает в синонимические отношения с общеоценочными прилагательными в текстах разных жанров.

2. Прилагательное СТРАННЫЙ не употребляется в официально-деловом стиле речи, а также в текстах производственно-технической направленности, поскольку субъективные оценки не характерны для текстов данной стилевой принадлежности. Употребление исследуемой единицы в научно-популярной и учебной литературе позволяет автору заинтересовать читателя неизведанным или логически необъяснимым, а иногда и представить обыкновенные вещи как нечто необычное.

3. В публицистических текстах количество оценочных суждений, организованных прилагательным СТРАННЫЙ, колеблется в зависимости от временного периода, что выявляет взаимосвязь исследуемой единицы с идеологией, определяющей «дух времени». Поэтому прилагательное СТРАННЫЙ можно считать своеобразной «лакмусовой бумажкой» общественного мнения, помогающей выразить отрицательное отношение к объекту или адресату оценки, избегая резко оценочных суждений. В обиходно-бытовой речи прилагательное СТРАННЫЙ, являясь более мягким эквивалентом таких «жестких» оценочных прилагательных, как ОТВРАТИТЕЛЬНЫЙ, АБСУРДНЫЙ, УЖАСНЫЙ и др., также выступает в роли эвфемизма. Употребление исследуемой единицы в научных текстах, сопровождаемое отрицательными коннотациями, согласуется с принципами научной этики: невозможность резких оценочных суждений в научной сфере предполагает обращение к прилагательному СТРАННЫЙ как более мягкой, корректной оценке.

4. Прилагательное СТРАННЫЙ играет особую сюжетно-композиционную роль в современной художественной литературе. Находясь в одном синонимическом ряду с прилагательными ЧУЖОЙ, ЧУЖДЫЙ, НЕЛЕПЫЙ, оно помогает понять как состояние субъекта оценки, так и его отношение к

окружающему миру (ощущение всеобщей отчужденности, нелогичности происходящего и, как следствие, неприятие окружающей действительности). Поэтому можно сказать, что прилагательное СТРАННЫЙ обозначает особое ментальное состояние субъекта речи, при котором он, сталкиваясь с непривычностью, необычностью, непонятностью объекта оценки, стремится отгородиться, дистанцироваться от него, выражая при этом свое неприятие адресата оценочного суждения. Важная сюжетно-композиционная роль прилагательного СТРАННЫЙ в художественном тексте становится очевидной при анализе: 1) детективов, где исследуемая единица является своеобразным сюжетным двигателем (обращение к странному – не такому, как всегда, или необъяснимому – выводит нас за рамки привычного, помогая выявить суть происходящего); 2) современной фантастики, где автор при помощи прилагательного СТРАННЫЙ создает иную реальность, погружая читателя в загадочную атмосферу.

5. Функционирование исследуемой единицы в конструкции КАК НИ СТРАННО позволяет составить представление о стандартах, стереотипах и норме, укоренившихся в обществе, по алгоритму: ‘странно, что X вместо привычно ожидаемого Y’.

Глава IV. Роль прилагательного СТРАННЫЙ в художественном мире писателя (на материале произведений Ф.М. Достоевского).

4.1. Особенности художественного текста.

XX век – время отказа от «сосюрковского замыкания лингвистики исключительно на языке» [Борисова, Мартемьянов 1999: 7]. Идеи В. фон Гумбольдта [Гумбольдт 1984], Т. ван Дейка [ван Дейк 1989] о прочной связи языка с окружающим нас миром, положили начало развитию когнитивной лингвистики, которая ориентирует исследователей на изучение внеязыковой информации, основывающейся на «общих знаниях говорящего и слушающего о традициях, речевом этикете, культурных коннотациях» и т.д. [Борисова, Мартемьянов 1999: 7]. Обращение к такого рода прагматической информации обусловлено асимметрией языкового знака. По мысли С.О. Карцевского, «знак и значение не покрывают друг друга полностью» [Карцевский 1965: 85]. Одно и то же означающее может передавать в разных контекстах разные смыслы. Верно и обратное: одно и то же означаемое может быть представлено разными означающими. «Обозначающее стремится обладать иными функциями, нежели его собственная; обозначаемое стремится к тому, чтобы выразить себя иными средствами, нежели его собственный знак. Они асимметричны...» [Там же: 93]. Означающее является «условным, немотивированным материальным объектом», поставленным в соответствие означаемому либо случайно, либо на основе каких-то ассоциаций [Кривоносов 2012: 51]. Однако произвольности связи формы и содержания сопутствует ее обусловленность обществом: «никто не может менять слова по своему вкусу, пока этот акт не будет принят обществом» [Там же: 52]. «Анализируя и интерпретируя художественный текст, мы фактически осуществляем переход от его линейного пространства к нелинейному – семантическому», от контекста к подтексту [Богатырева 2006: 64]. Но если в плане означающего художественный текст представляет собой герметичное целое, то означаемое художественного текста не является

постоянной материальной величиной. По мысли В.А. Звегинцева, «мы извлекаем из отдельного высказывания значительно больше информации, чем содержится в нем как в языковом образовании» [Звегинцев 1976: 206]. «Единицы языка и речи трансформируются произведением в единицы восприятия – образы» [Халикова 2004: 16]. Это восходит к мысли В.В. Виноградова о двуплановости слова в художественном тексте, поскольку по внешней форме слово совпадает с соответствующей единицей русского национального языка и опирается на его значение, однако обращено и «к тому миру художественной действительности, который создается или воссоздается в художественном произведении» [Виноградов 1981: 251]. Можно сказать, что асимметрия языкового знака в речи приводит к своего рода асимметрии художественного текста, которую по-разному обозначают в своих трудах разные исследователи. Так, Ю.М. Лотман писал об особом языке художественной литературы – «вторичной знаковой системе», которая надстраивается над первичным языком [Лотман 1970: 30]. В.И. Тюпа данные вторичные знаки именовал мотивами и считал, что «в тексте, понимаемом как система мотивов, художественной значимостью обладают не сами слова и синтаксические конструкции, но их коммуникативные функции» [Тюпа 2002: 7]. Именно поэтому при анализе художественного текста первостепенную важность получают следующие вопросы: кто и в какой ситуации говорит? К кому он обращается? Какие слова подбирает и что за ними стоит? Завершая свою мысль, В.И. Тюпа пишет: «Художественные тексты обращены к нашему сознанию не прямо, ... а через посредство нашего внутреннего зрения, нашего внутреннего слуха и нашего ... осмысливания художественных произведений» [Там же: 8].

Художественный текст занимает особое место среди текстов других жанров. С точки зрения Л.О. Чернейко, признаки художественного текста в отличие от текстов нехудожественных не ограничиваются цельностью и связностью [Чернейко 1999: 442]. Будучи «результатом творческой перекомбинации реального мира» [Смирнова 2005: 350], художественный текст

авторереферентен, поскольку его референт «находится внутри текста, а не вне его», т.е. как актуальное означаемое выстраивается в сознании читателя [Чернейко 1999: 442]. Читатели и слушатели сами извлекают из художественного текста смыслы, которые автор выразил, хотел выразить или выразил, возможно, сам того не желая. Это напрямую соотносится с мыслью У. Эко о произведениях искусства, которые представляют собой «принципиально неоднозначное сообщение, множественность означаемых, которые сосуществуют в одном означающем» [Эко 2004: 5]. Исходя из этого, У. Эко вводит понятие «открытости произведения», которая рассматривается как «принципиальная неоднозначность художественного сообщения, характерная для любого произведения в любое время» [Там же: 9].

Однако выявление семантических потенций художественного текста и моделирование смыслопорождающих структур не может быть совершенно хаотичным процессом. Нельзя безоговорочно принять мысль А. Жолковского и Ю. Щеглова, которые считают, что «каждый читатель волен воспроизводить текст, как ему угодно, и вчитывать в него любые смысловые оттенки в соответствии со своими вкусами» [Жолковский, Щеглов 1971: 26]. Важно опираться на анализ конкретных текстовых элементов, которые обуславливают смысловые потенции текста.

Одним из основных параметров художественного текста считается связность. Как элементы текста неразрывно связаны между собой, так и скрытые смыслы не существуют отдельно, изолированно, они также тесно взаимодействуют друг с другом. Французский лингвист Р. Барт, говоря о множественности смыслов, имел в виду «не множественность смысловых толкований, а сосуществование в тексте сразу нескольких смыслов, одновременно усматриваемых читателями» [Барт 1989: 47].

Анализ тех элементов текста, которые содержат имплицитные смыслы, дает возможность исследователям моделировать мироощущение автора, проникать в поэтический мир, в котором живут его персонажи. Естественно,

невозможно полностью реконструировать первичный авторский замысел. Не стоит также выдумывать все новые и новые скрытые смыслы без опоры на конкретные языковые данные. Об анализе художественного текста замечательно писал Х.-Г. Гадамер: «Диапазон осмысления не может ограничиваться тем, что автор изначально имел в виду, ни кругозором человека, которому текст изначально был адресован» [Гадамер 1991: 85].

По мысли Л.О. Чернейко, «текст базируется на синтагматических связях лексических единиц в виде их грамматических словоформ. При этом каждая из единиц синтагмы связана парадигматическими связями с другими единицами языка, из которых говорящий (автор текста) выбрал данную, и многие единицы текста парадигматически связаны друг с другом» [Чернейко 1999: 446]. Именно сочетаемость языковой единицы – единственная реальность, данная в руки лингвисту, и только по сочетаемости возможно моделировать ее семантику и прагматику. Таким образом, отправным моментом выявления смыслов слова в речи являются как контексты его употребления, так и парадигматические связи с другими единицами системы.

Для моделирования смысла воспринимаемого текста используются прежде всего частотные слова, анализу которых придавал особое значение А. Белый. С точки зрения поэта, мировоззрение автора раскрывается именно в сумме всех слов, которые он использует для характеристики какого-либо явления [Белый 2001: 481]. Однако мало частого повторения той или иной лексической единицы в пределах художественного текста: важно также, чтобы смысл, стоящий за данными словами, был значим для автора. В лингвистике такие слова получили название ключевых, но наряду с этим общепринятым термином употребляется ряд других: смысловые ядра [Лурия 1979], опорные элементы [Одинцов 1980] и т.д. Именно они являются особо значимыми как с точки зрения текстопорождения, так и с точки зрения смысловосприятия. «Смысловая нагруженность отдельного слова ... предопределяется текстом как целым», поэтому ключевыми словами справедливо считать те знаки, которые по

своему объему и свойствам приближаются к целому тексту [Лукин 1999: 84-85]. Так, по мнению Л.В. Сахарного, набор ключевых слов того или иного художественного произведения играет роль «текста-примитива», своеобразной модели содержания исходного текста [Сахарный 1991]. Исследование сочетаемости ключевых слов и их отношений с другими языковыми единицами внутри художественного текста становится отправной точкой моделирования картины мира автора и системы его ценностей, поскольку именно так можно понять, «что знает о мире сам язык и чего не знают его носители, но на основании чего они мыслят о мире» [Чернейко 2003 (б): 196].

Частое повторение ключевых для автора слов, а также их «семантических соседей» в тексте свидетельствует о принципе лейтмотивного построения повествования [Гаспаров 1994]. «Имеется в виду такой принцип, при котором некоторый мотив, раз возникнув, повторяется затем множество раз, выступая при этом каждый раз в новом варианте, новых очертаниях и во все новых сочетаниях с другими мотивами» [Там же: 62]. Б. Гаспаров отмечает, что процесс построения подобной лейтмотивной структуры неоднозначен. «Автор сознательно строит какую-то центральную часть структуры; тем самым он как бы запускает ассоциативную «машину», которая начинает работать, генерируя связи, не только отсутствовавшие в первоначальном замысле, но эксплицитно, на поверхности сознания, быть может, вообще не осознанные автором» [Там же]. Это свидетельствует о том, что анализ употребления той или иной частотной лексической единицы не только раскрывает ее особую сюжетно-композиционную роль в построении повествования, но и предоставляет информацию о личности автора, его художественном пространстве. Таким образом, определение организующей роли тех или иных частотных единиц в формировании сюжета произведения и раскрытии авторского замысла подразумевает решение следующих исследовательских задач:

- анализ сочетаемости исследуемой единицы с учетом того, с чьей точки зрения ведется повествование (это позволяет выявить векторы отношения

автора к своим персонажам и тем самым определить сюжетно-композиционную роль данной единицы в построении текста);

- анализ парадигматических связей исследуемой единицы в пределах того или иного художественного текста, что становится отправной точкой в моделировании мировосприятия художника и системы его ценностей.

По мысли Ю.Н. Караулова, «авторский мир не дан в произведении непосредственно, в явном виде, он скрыт в тексте, и аналитик может его выявить, используя специальные приемы» [Караулов 2014(в): 13]. Одним из таких методов Караулов считает исследование контекстов употребления частотных, значимых для автора слов и доказывает это через анализ функционирования слова БЛИЗКИЙ в текстах Достоевского.

Что касается прилагательного СТРАННЫЙ, то его присутствие в разножанровых текстах одного и того же писателя часто является знаковым для раскрытия авторского мировоззрения. Так, высокая частота употребления оценочных суждений, организованных данным прилагательным и единицами, смежными с ним, не только свидетельствует об особом отношении автора к персонажам, населяющим его художественный мир, но и многое говорит о его жизненном пути и творчестве в целом.

4.2. «Странный Тургенев»: роль прилагательного СТРАННЫЙ в оценке мировоззрения писателя.

О ключевой роли прилагательного СТРАННЫЙ в творчестве тех или иных авторов говорят труды исследователей художественной литературы, в частности, работа В.Н. Топорова «Странный Тургенев». Что же позволяет исследователю всю жизнь и все творчество великого писателя подвести под определение СТРАННЫЙ и что стоит за данной оценкой?

Опираясь на упомянутые выше размышления Е.М. Вольф об особой модальной рамке, в которую вписано каждое оценочное суждение, зададимся прежде всего вопросом, кто является субъектом рассматриваемых оценочных

суждений, т.е. с чьей точки зрения Тургенев видится как странный. Ответ нам подсказывает завышенное употребление данного прилагательного в тексте работы, что представляет собой один из видов цитирования, отсылку к чужому мнению. Странным Тургенев предстал перед всеми теми, кто его окружал (Топоров ссылается на многочисленные свидетельства современников писателя, в том числе людей, хорошо его знавших), а также перед исследователями его творчества и читателями. Неслучайно в своих размышлениях автор опирается на анализ фрагментов конкретных произведений Тургенева. Причем в центре его внимания не только примеры функционирования в тургеневских текстах прилагательного СТРАННЫЙ и слов той же оценочной парадигмы. Топоров рассматривает в первую очередь лейтмотивы, красной нитью проходящие через творчество Тургенева: морская тематика, сновидения и т.п. В подобных фрагментах, по мнению исследователя, можно увидеть некий «тайный слой», стоящий за тургеневскими текстами [Топоров 1998: 103]: выражение его подсознания, чего-то тайного и трудно объяснимого, недоступного для всех, непонятного, а потому производящего неоднозначное впечатление и, как следствие, раскрывающего Тургенева во всей его полноте.

По сути, В.Н. Топоров предлагает метод, действенный для характеристики авторского мировосприятия [Там же: 5]:

- А) выбор ключевых слов (слово СТРАННЫЙ и его дериваты, по мнению Топорова, составляют у Тургенева «отмеченный элемент языка, встречающийся достаточно часто, нередко в ключевых местах текста» (как и у Достоевского), своего рода «оценочный квантор»);
- Б) рассмотрение функционирования ключевых слов в текстах писателя: анализ сочетаемости, парадигматических связей слов в тексте (проанализировать формы проявления «странного» как в жизни автора, так и в его произведениях, особенно в персонажах, которым Тургенев «сужал» свои странности);
- В) определения основания для выбора именно данных слов (понять характер, структуру этого «странного» и мотивы, которые его вызывают).

Через язык тургеневских произведений, через речь его персонажей, в которой напрямую отражается мировоззренческая установка автора, мы видим состояние его души в целом. Именно потому Топоров и дает такое всеобъемлющее название своим размышлениям – «Странный Тургенев».

Интересен тот факт, что Топоров возводит слово СТРАННЫЙ к его историческим корням – странный как сторонний, чужой: странное – «парадоксальное бытие «в стороне», «в сторонности-странности», которое определяет и объясняет состояние души в ее кризисные моменты и ее проекцию в пространстве текста» [Там же]. Как было отмечено в п. 2.1.2, именно этимология прилагательного СТРАННЫЙ во многом объясняет его отрицательные коннотации – ‘странный как чуждый, которого я не понимаю и не принимаю’.

В.Н. Топоров выбирает для отражения душевного состояния писателя именно прилагательное СТРАННЫЙ неслучайно: СТРАННЫЙ для исследователя – синоним ТЕМНОГО, НОЧНОГО, своеобразный эвфемизм к данным прилагательным [Там же: 11]. В метафорическом употреблении этих слов, отражающем «темное», врожденное начало Тургенева, скрывается жизненная драма писателя: странности на грани с самодурством со стороны матери Тургенева, странное отношение к религии и Богу, странности в воспитании детей в семье (феминизация мальчиков, бессмысленные физические наказания), непростые отношения с родителями и многое другое. Странности, сопровождавшие Тургенева с самого детства, подмечали и другие исследователи творчества писателя: «Среди многочисленных педагогов, без разбора приглашаемых матерью, попадались престранные люди, включая по крайней мере одного профессионального седельника» [Набоков 2015]. В противовес этому «темному», врожденному началу проявляется начало «дневное», благоприобретенное, на фоне которого еще большее неприятие вызывают «странности» Тургенева.

Странное в Тургеневе – это его состояние души и его трагедия, безнадежное одиночество. Но, по мысли Топорова, писатель и сам многое делал, чтобы остаться непонятым [Топоров 1994: 7]. Не разобравшийся до конца в себе и ставивший невидимые барьеры между собой и окружающими, Тургенев совершал самые что ни на есть нелепые поступки, ставящие под удар его отношения с друзьями: «остается только развести руками и ограничиться диагнозом странные поступки, странное поведение» [Там же: 26]. Кстати, само употребление слова ДИАГНОЗ в данном контексте неслучайно: странности в поведении, образе жизни, мыслях действительно воспринимаются как серьезное отклонение от нормы, граничащее с психическим заболеванием. Этим также объясняются отрицательные коннотации, свойственные прилагательному СТРАННЫЙ.

Более того, Тургенев сам себя позиционировал как неординарную, странную личность, считая грехом стремление «быть, как все» [Там же: 29]. Это соотносится с инвариантным смыслом, свойственным всем прилагательным, смежным со словом СТРАННЫЙ, – ‘отклоняющийся от нормы’.

Обобщая все сказанное, можно сделать вывод, что воспитание и обстоятельства жизни Тургенева определили «странное» состояние его души: он чувствовал себя отстраненным от других, был странным для них, чужд, он чужак, которого не понимают и, как следствие, отвергают. Отсюда своеобразное резюме Н.А. Герцен, которое приводит в своих размышлениях Топоров: «Его неврастенические выходы, «странности» действовали на нее [Н.А. Герцен] нехорошо. «Странный Тургенев!» - и находила в нем нечто холодное, нежилое. А при всем том: «Человек он хороший» [Там же: 33].

«Странное» состояние души Тургенева оставило отпечаток и на его произведениях. Так, В. Набоков в своих лекциях, посвященных творчеству Тургенева, говорит об особом стиле писателя, своеобразной творческой нестабильности, избирательности, в норме не свойственной профессиональным писателям: «Но в целом стиль его производит странное впечатление

отрывочности, именно оттого, что некоторые куски, авторские любимцы, отделялись тщательнее, чем другие» [Набоков 2015].

Как уже было сказано, в своем анализе Топоров опирается в меньшей степени на функционирование той или иной лексической единицы в текстах Тургенева. В центре его внимания – лейтмотивный анализ творчества писателя, те образы, которые проходят через всё его творчество. Топоров полагает, что «... сны Тургенева – одно из ценнейших свидетельств «архетипического», которым располагает русская культура» [Там же: 124], и делает вывод об особом сновидческом даре Тургенева, т.е. способности творчески пережить сон, пропустить через свое сознание и выразить в слове. Исходя из того, что сны писателя представляют собой «бесценный источник для знакомства с тем, что называют «темным» или «странным» Тургеневым» [Там же: 180], мы рассмотрим именно функционирование прилагательного СТРАННЫЙ и его «семантических соседей» в «сновидческих» фрагментах произведений Тургенева.

Согласно данным Национального корпуса русского языка, чаще в текстах Тургенева в качестве определения к существительному СОН выступают прилагательные ЧУДНЫЙ, УДИВИТЕЛЬНЫЙ, НЕОБЫЧНЫЙ: *Раз мне такой чудный сон приснился!* (Героиня рассказа «Живые мощи» Лукерья говорит о непонятном и необычном сне как о чем-то естественном и органичном, выбирая при этом оценочное прилагательное ЧУДНЫЙ, обладающее, в отличие от прилагательного СТРАННЫЙ, ярко выраженными положительными коннотациями. Это подчеркивает гармоничные отношения героини с окружающим ее миром); *Будто я этак сижу у себя в Покровском под окном – гляжу – а на дворе все утки ходят, и у каждой на затылке хохол. Филипп-кучер телегу подмазывает – а Федюшка мне трубки не несет. Удивительный, приятный сон!* (Вздыхает) *Эх-эх! Когда-то Господь Бог приведет увидеть все это опять...* (Герой сцены «Вечер в Сорренте» Аваков с наслаждением и

затаенной грустью вспоминает необычный, но приятный сон о родной земле, используя при этом прилагательное УДИВИТЕЛЬНЫЙ).

Если же тургеневским героям снится нечто отталкивающее, вызывающее негативные эмоции, существительное СОН последовательно сочетается с прилагательным СТРАННЫЙ, иногда в сочетании с другими оценочными прилагательными, обладающими отрицательными коннотациями: *Странный и страшный сон мне приснился в эту самую ночь. Мне чудилось, что я захожу в низкую темную комнату. Отец стоит с хлыстом в руке и топает ногами; в углу прижалась Зинаида, и не на руке, а на лбу у ней красная черта...* («Первая любовь»); *Странный ей привиделся сон... она плывет в лодке по Царицынскому пруду с какими-то незнакомыми людьми. Они молчат и сидят неподвижно, никто не гребет... Елене не страшно, но скучно...* (Тревожный сон Елены из романа «Накануне», обернувшийся в настоящий кошмар, является предвестником смерти Инсарова).

Эпизод из рассказа Тургенева «Разговор на большой дороге» интересен распределением оценочных прилагательных, относящихся к одному и тому же референту, в диалоге двух персонажей. Аркадий Артемьевич Михрюткин взволнованно рассказывает кучеру Ефрему свой непонятный и неприятный сон. В итоге завязывается разговор о снах, и Ефрем делится своим сновидением: Михрюткин. *Меня это беспокоит.* – Ефрем. *Помилуйте, Аркадий Артемьич, зачем вы изволите беспокоиться? С кем этого не бывает? Вот я на днях имел сон, вот уж точно удивительный сон, просто непонятный; вижу я...* Далее Ефрем рассказывает таинственный сон о превращениях гнавшегося за ним теленка сначала в его жену, которая «злобственно» смотрела на него, а затем в русалку, которая собиралась его съесть. Хотя конец сна явно фантастический и производит неприятное и страшное впечатление, Ефрем рассказывает о сне довольно спокойно, употребляя в своей речи оценочные прилагательные УДИВИТЕЛЬНЫЙ и НЕПОНЯТНЫЙ: *Тут уж я просто не выдержал, закричал, благим матом закричал... Так вот какие бывают удивительные сны!*

Обращает на себя внимание то, что для напряженного, испуганного Михрюткина этот сон кажется предвестником несчастья, чем-то неприятным, поэтому он употребляет другое оценочное прилагательное – СТРАННЫЙ: *Да; странный сон. Что ж, ты жене рассказал его?*

Рассмотренные выше контексты позволяют сделать вывод о значимой роли прилагательного СТРАННЫЙ в текстах Тургенева. Писатель на подсознательном уровне чувствовал нечто таинственное и темное, определяющее его жизнь, нечто, что невозможно с очевидностью выразить и сделать доступным для всех. Таким образом, можно несколько уточнить выводы, сделанные В.Н. Топоровым: не просто литературоведческий анализ тех фрагментов текста, где автор обращается к подсознанию (сновидения, морская тематика), дает нам представление о странном, «темном» Тургеневе. Важен также анализ сочетаемости прилагательного СТРАННЫЙ и слов той же парадигмы в текстах писателя в целом. Подобный анализ наглядно показывает отличие прилагательного СТРАННЫЙ от смежных с ним слов: СТРАННЫЙ как ‘необычный’ и в то же время ‘чуждый, неприемлемый, отталкивающий’. При этом выбор говорящим оценочного слова определяется его коммуникативным намерением. Прилагательное СТРАННЫЙ, без сомнения, является знаковым для раскрытия мировоззрения Тургенева: оно определяет как отношение автора к своим персонажам, так и мировидение писателя, его творческую и личную жизнь.

Стоит отметить, что при анализе функционирования прилагательного СТРАННЫЙ в текстах Тургенева выявляются как контексты сопоставленности членов аксиологической парадигмы ‘СТРАННЫЙ’ (общее лексическое окружение, интегральная сема в значениях данных лексических единиц), так и контексты их противопоставленности (в зависимости от коммуникативного намерения автор последовательно выбирает разные прилагательные). Это лишний раз доказывает возможность применения метода парадигматического анализа лексики для изучения значения оценочных предикатов.

4.3. Прилагательное СТРАННЫЙ в текстах Ф.М. Достоевского.

В русской классической литературе есть еще один автор, для которого странное как феномен играет столь же определяющую, как и у Тургенева, роль в жизни, – это Ф.М. Достоевский. Слово СТРАННЫЙ является одним из самых частотных в произведениях автора. По материалам «Статистического словаря языка Ф.М. Достоевского» А.Я. Шайкевича, эта лексическая единица входит в число 40 самых частотных полных прилагательных (в художественных произведениях Ф.М. Достоевского), занимая в данном списке лидирующую позицию. При этом общий объем лексики, рассмотренной в словаре А.Я. Шайкевича, - 2 889. 000 графических слов. Прилагательное СТРАННЫЙ употребляется в художественных текстах Достоевского 1070 раз. Также высокой частотностью употребления обладают «семантические соседи» прилагательного СТРАННЫЙ (ОСОБЕННЫЙ, НЕОБЫКНОВЕННЫЙ, УДИВИТЕЛЬНЫЙ). Значит, сложив частотность слов, можно говорить о частотности смысла, значимости его для автора.

Слово СТРАННЫЙ описано в «Словаре языка Ф.М. Достоевского» под редакцией Ю.Н. Караулова. Данный словарь принадлежит к типу словарей-идиоглоссариев, в которых описываются «не вообще все слова автора ..., а наиболее значимые, ключевые слова и для его мировоззрения, или картины мира, и для его стиля», т.е. идиоглоссы [Ружицкий 2011]. При написании словарных статей авторы словаря стремились для каждого отобранного слова-идиоглоссы «дать его «лексикографический портрет», как он вырисовывается в текстах Достоевского», учитывая жанровые, лексические, синтаксические и многие другие особенности лексической единицы [Коробова 2014: 269]. В своем выступлении на семинаре, посвященном принципам составления «Словаря языка Достоевского», И.В. Ружицкий говорит о разнице терминов ИДИОГЛОССА («языковая единица, которая характеризует авторский стиль») и ИДЕОГЛОССА («наиболее важные, ключевые слова, раскрывающие взгляд Достоевского на мир») [Ружицкий 2011]. Слово СТРАННЫЙ, без сомнения,

является как идиоглоссой, так и идеоглоссой для языка Достоевского. На это указывает не только высокая частота употребления данного прилагательного в художественной прозе писателя, но и частое обращение к нему в публицистических произведениях, дневниковых записях, личной и деловой корреспонденции. По данным «Словаря языка Достоевского», слово СТРАННЫЙ встречается в публицистике Достоевского 113 раз, в частных письмах – 49 раз. В деловой корреспонденции исследуемое прилагательное не встречается, что объясняется его ярко выраженным оценочным характером, явно неуместным в деловой переписке. По мнению И.В. Ружицкого, «если одна и та же мысль, одна идея, высказывается и в художественном тексте, и почти дословно в «Дневнике», и потом еще и в личных письмах, тогда можно делать какие-то выводы» [Там же]. То же самое можно сказать о важной роли лексической единицы, которая обладает высокой частотой употребления не только в художественной прозе писателя, но и в его нехудожественных текстах.

У прилагательного СТРАННЫЙ в «Словаре языка Достоевского» выделено 4 значения: СТРАННЫЙ – 1) непонятный, вызывающий недоумение; 2) необычный, своеобразный, оригинальный; 3) чудаковатый, чудной, забавный (о человеке); 4) *в зн. сущ. к СТРАННЫЙ в зн. 2*. Следует отметить, что выделенные значения прилагательного СТРАННЫЙ соответствуют ранее отмеченным при лексикографическом анализе смыслам, соотносящимся с основаниями вынесения оценочного суждения: смысл А – ‘непривычный, необычный, не такой, как всегда’, смысл Б – ‘непонятный, необъяснимый с точки зрения логики’. Третье выделенное в «Словаре языка Достоевского» значение прилагательного СТРАННЫЙ соотносится со смыслом А (‘человек, отличающийся от окружающих, чье поведение непривычно и необычно’). Слово, употребленное в данном значении, наделено отрицательными коннотациями.

Высокая частота употребления прилагательного СТРАННЫЙ и выделение его в качестве идиоглоссы, ключевого слова в произведениях Ф.М.

Достоевского дает основание для исследования синтагматических и парадигматических связей исследуемой лексической единицы и слов, близких ей по значению, в текстах писателя.

Значимую роль прилагательного СТРАННЫЙ в интерпретации творчества Ф.М. Достоевского и раскрытии его мировоззрения подчеркивали многие исследователи. Так, Ю.Н. Караулов называет исследуемую лексическую единицу «языковым словом-аттракционом», чья частотность в тексте повести Достоевского «Дядюшкин сон» «существенно превышает «нормальную» и создает тем самым, для событий и персонажей, колорит необычности и удивительности» [Караулов 2014(б): 50]. Под термином «слово-аттракцион» исследователь понимает некий элемент произведения, интенсивно воздействующий на зрителя и являющийся показателем его идиостиля (по аналогии с теорией монтажа аттракционов С. Эйзенштейна) [Там же].

В 2013 году вышла антология Е.Я. Басина «“Странный” Достоевский», где были собраны отрывки из сочинений Ф.М. Достоевского и фрагменты статей критиков, раскрывающие важность феномена странности в творчестве писателя. Заглавие антологии прямо отсылает нас к «Странному Тургеневу» В.Н. Топорова, хотя автор не упоминает этого в своем резюме, сопровождающем подборку контекстов. В аннотации к данной антологии особое внимание обращено на так называемую «проблему «странного» у Достоевского», что подчеркивает ключевую роль прилагательного СТРАННЫЙ в раскрытии авторского мировоззрения.

Что же анализирует Е.Я. Басин, рассуждая о «странном» Достоевском? В антологии представлены далеко не все контексты на употребление прилагательного СТРАННЫЙ, а иногда встречаются примеры, вовсе не имеющие отношения к единицам данной аксиологической парадигмы. Значит, задача составителя антологии другая: не исследовать сочетаемость интересующих нас лексических единиц, а обратить внимание на странности в поэтике Достоевского (необычное построение произведений, необычность

ситуаций, в которые включены действующие лица и т.д.). При анализе подобранных отрывков складывается представление в целом о ситуации, обрисованной в контексте (странными кажутся не отдельные слова или поступки персонажей, странное впечатление остается от всего происходящего). Басина интересуют странности на уровне ассоциаций: например, странным кажется взгляд огненных, горящих глаз, который столь часто бросают друг на друга герои Достоевского.

Странное Басин толкует через синонимы: НЕОБЪЯСНИМОЕ, НЕПОНЯТНОЕ, ЗАГАДОЧНОЕ [Басин 2013: 227]. Тем самым образуется почти такой же порочный круг толкования, как и в толковых словарях. Причем странное обозначается как одна из ведущих тем в творчестве Достоевского.

Странными исследователю кажутся именно построение произведений, образы, язык Достоевского: они непривычны как читателям, так и исследователям творчества писателя. Доказывает эту мысль Басин с опорой на мнения известных критиков 19-20 веков: Белинский говорит о темном и загадочном смысле многих произведений Достоевского, Добролюбов подчеркивает «странные отношения» между людьми и нелепые, «аномальные» образы у Достоевского, Н.А. Бердяев обращает внимание на наличие в произведениях писателя странных людей, находящихся как бы на грани здоровья и психопатологии, ведущих «призрачную, двойную» жизнь [Там же: 227]. Также многие исследователи связывают «странное» творчество Достоевского с его физиологическими особенностями, в частности с припадками эпилепсии и психическим нездоровьем (А.В. Луначарский, Н.К. Михайловский), говоря о том, что Достоевский наделяет своими странностями своих же персонажей. М.М. Бахтин объясняет странное впечатление от персонажей Достоевского прежде всего тем, что писатель не знает «среднего» типа людей: все его герои отклоняются от нормы в ту или иную сторону. Данная мысль соответствует данным словарей об инвариантном значении

прилагательного СТРАННЫЙ – ‘отклоняющийся от нормы в силу непривычности, необъяснимости’.

Составитель антологии делает резюме: что странного видят читатели и исследователи творчества Достоевского в произведениях писателя? Первая странность, отмеченная исследователем, – «внутренняя драматургия» его произведений и странная, неестественная наэлектризованность персонажей, то самое, что ранее было отмечено как «состояние на грани с психопатологией» [Там же: 241-242]. И здесь же Басин утверждает, что на самом деле ничего странного в персонажах Достоевского нет, ссылаясь при этом на особый, «акцентуированный» тип характера, отмеченный психологом К. Леонардом. Так, акцентуализации как типу характера свойственны повышенная активность, невротичность, истероидность, постоянное депрессивное состояние и многое другое. Как отмечает Басин, ничего странного в этих чертах нет, поскольку они типичны для некоторого количества людей.

Однако полностью согласиться с подобным выводом нельзя. Мы, естественно, можем подвести состояние персонажей Достоевского под то или иное явление в психологии. Но не следует забывать, что, как убедительно доказал В.Н. Топоров в своем трактате «Странный Тургенев», странное – это прежде всего то впечатление, которое остается у окружающих после встречи с тем или иным явлением. Несомненно, у окружающих остается негативное, «странное» впечатление при столкновении с человеком, находящимся «на грани психопатологии». Он не такой, как все, слишком явно его отклонение от нормы, а значит, он будто бы не свой, чужой этому миру, тот, кого не понимают и не принимают. И неважно, чем вызвано подобное отклонение от нормы – акцентуированным характером или еще каким-то явлением, изученным в психологии. Оценка СТРАННЫЙ со стороны окружающих при этом не меняется.

Далее Е.Я. Басин отмечает, что странное впечатление от героев Достоевского объясняется тем, что они «ищут и находят ... загадку друг у друга

во всем» [Там же: 247]. С этим нельзя не согласиться: действительно, мир странен для героев Достоевского, а они в свою очередь странны и чужды миру. И опять-таки необходимо помнить о высказанном Топоровым мнении, что странность как базовое восприятие мира личностью есть некое состояние души, во многом определяемое жизнью и воспитанием. И постоянный поиск «загадки» персонажами Достоевского как в себе, так и друг в друге свидетельствует как раз о том, что герои Достоевского живут в своем особом мире, они отстранены от окружающих, чужды и непонятны миру в той же степени, в какой мир чужд и непонятен им.

Что касается поэтики, М.М. Бахтин не случайно перенаправил слова Достоевского, сказанные о творчестве Эдгара Алана По, на самого писателя: «Он почти всегда берет самую исключительную действительность, ставит своего героя в самое исключительное внешнее или психологическое положение» [Бахтин 2002: 85]. Без сомнения, Достоевский помещает своих персонажей в особые условия и отступает в повествовании от привычных форм в соответствии с требованиями жанра. Однако игнорировать психологическую составляющую творчества Достоевского и то, каким именно персонажам он ссужает странности, нельзя. Так, В. Набоков в своих лекциях нередко расценивал Достоевского как посредственного и заурядного писателя «со вспышками непревзойденного юмора, которые, увы, чередуются с длинными пустошами литературных банальностей» [Набоков 2015]. Однако то странное впечатление, для некоторых напряженное, а для кого-то даже смешанное с отвращением, которое остается у читателей после знакомства с произведениями Достоевского, Набоков не списывал только лишь на поэтику. Достоевский будто бы путешествует «в глубь больных душ» своих персонажей, но, с точки зрения Набокова, чрезмерно раздувает самые обычные чувства. Именно поэтому мир Достоевского кажется нам столь странным. Все идет от психологии самого автора, «болезненной формы христианства», засевшей глубоко в его душе. Набоков видит главную странность мира Достоевского в том, что писатель

«сгустил отдельные проявления человечности и построил на них очень искусственную и совершенно патологическую концепцию», совершенно не вписывающиеся в стандарты мироустройства обычного человека [Там же].

Как бы то ни было, лингвисты отталкиваются в своих исследованиях прежде всего от поведения слова в контексте. А слово СТРАННЫЙ встречается в текстах Достоевского часто: это авторская оценка своим героям и созданному им миру в целом, это возможность определения душевного состояния героев. Любое частотное слово – это своеобразный ключ к раскрытию авторского мировоззрения, и очень показательно, что у Достоевского одним из таких «ключей» является именно оценочное прилагательное СТРАННЫЙ.

По сути, Басин в своей антологии задается вопросом: есть ли вообще что-то странное именно в творчестве Достоевского – идеи, образы, построение произведений? Ответ таков: в поэтике Достоевского все объяснимо, все на своих местах. А странное впечатление после прочтения произведений Достоевского действительно остается, но объясняется это непривычностью для исследователей и читателей «нового искусства», предтечей которого является Достоевский [Басин 2013: 249].

4.3.1. Семантика прилагательного СТРАННЫЙ в романах Ф.М. Достоевского.

На «проблему странного» в творчестве Достоевского можно посмотреть и с другой стороны – через анализ сочетаемости данного прилагательного и исследование его парадигматических связей в текстах Достоевского к определению композиционной роли прилагательного СТРАННЫЙ в произведениях писателя, что позволит раскрыть авторское мировосприятие.

Контексты употребления прилагательного СТРАННЫЙ в произведениях Достоевского были выбраны с помощью «Словаря языка Достоевского» Ю.Н. Караулова, данных Национального корпуса русского языка, а также методом сплошной выборки при прочтении произведений писателя. Последний метод

позволяет поместить прилагательное в более обширный контекст, детально вникнуть в обрисованную ситуацию и обозначить мотивы его употребления. В качестве материала для исследования были выбраны тексты романов «Идиот», «Преступление и наказание», «Униженные и оскорбленные», «Братья Карамазовы». Для удобства составления текстовых парадигм с прилагательным СТРАННЫЙ в центре иллюстративный материал был расклассифицирован по группам в зависимости от того, кто или что и в какой ситуации является объектом оценочного суждения с прилагательным СТРАННЫЙ. Это позволяет одновременно уточнить семантику исследуемого прилагательного и спроецировать полученные сведения на данные словарей. Помимо прилагательного СТРАННЫЙ при определении сюжетно-композиционной роли данной лексической единицы в текстах Достоевского в качестве вспомогательного материала принимались во внимание контексты с ближайшими синтаксическими дериватами прилагательного – наречием СТРАННО и предикативом СТРАННО. Это можно объяснить со ссылкой на теорию А.В. Бондарко, который, говоря о функционально-семантическом поле (ФСП) качественности, отмечал, что оно относится к полицентрическому типу, т.к. расщепляется на два центра – атрибутивный и предикативный [Бондарко 2011: 33]. К тому же, в качестве особого типа квалитативности Бондарко выделяет так называемую обстоятельственную качественность, представленную конструкциями с наречиями. Исследователь отмечает, что обстоятельственная качественность несколько сближается с атрибутивной, поскольку между качественной характеристикой и тем, что является ее объектом, устанавливается непредикативный тип связи [Там же: 34].

Особенно часто слово СТРАННЫЙ в художественных произведениях Достоевского употребляется в эпизодах, где повествователь описывает болезненное состояние действующих лиц, их душевное и психическое расстройство или же просто сильные психологические переживания. У Достоевского и повествователю, и героям произведения абсолютно все в

больном человеке кажется странным – как во внешности, так и в поведении: выражение лица, взгляд, слова, смех, откровенность в разговоре. Болезнь в сознании среднестатистического носителя языка расценивается как отклонение от нормы. Поэтому странное – непривычное, не такое как всегда – состояние и поведение, внешний вид человека часто указывают окружающим на болезнь героя либо ассоциируются с болезненным состоянием: *Во взгляде их [глаз] было что-то тихое, но тяжелое, что-то полное того странного выражения, по которому некоторые угадывают с первого взгляда в субъекте падучую болезнь* («Идиот»: князь Мышкин с точки зрения всех присутствующих); *Все утверждают, что с этого-то мгновения Настасья Филипповна и помешалась. Она продолжала сидеть и некоторое время оглядывала всех странным, удивленным каким-то взглядом, как бы не понимая и силясь сообразить* («Идиот»: Настасья Филипповна с точки зрения всех присутствующих); *Все семейство заявляло потом, что это был «на удивление» странный человек в этот день, так что, «может, тогда уже все и обозначилось»* («Идиот»: под словами *тогда уже все и обозначилось* подразумевается эпилептический припадок князя Мышкина и его будущее душевное расстройство и помешательство); *... я загляделся на ее детское личико, полное и во сне как-то не по-детски грустного выражения и какой-то странной, болезненной красоты* («Униженные и оскорбленные»: взгляд рассказчика на Нелли); *... вдруг от самого фонаря бросилась на меня какая-то странная фигура, ... какое-то живое существо, испуганное, дрожащее, полусумасшедшее...* («Униженные и оскорбленные»: Нелли с точки зрения рассказчика); *Но опять как-то странно предположить, чтоб он так глупо приступил к делу, если б имел на тебя дурные намерения... Вообще он мне очень странным показался и ... даже с признаками как будто помешательства...* («Преступление и наказание»: Раскольников о Свидригайлове); *Ты говоришь с странным видом, - с беспокойством заметил Алёша, - точно ты в каком безумии* («Братья Карамазовы»: Алёша о брате Дмитрие).

Следует отметить то, что действующие лица списывают странное, необычное, непривычное для них состояние и поведение других персонажей на болезнь: Он [Келлер] еще не видывал князя в таком странном настроении, да и вообразить до сих пор не мог. «Лихорадка, может быть, потому что нервный человек, и все это подействовало...» («Идиот»); - Чтой-то какой вы странный... Верно, еще очень больны. - А я вам странным кажусь? - Да. - Фу, какой странный! – повторил Заметов очень серьезно. – Мне сдается, что вы все еще бредите. - Брежу? Врешь, воробушек!.. Так я странен? («Преступление и наказание»). В последнем из указанных контекстов важными представляются мотивы вынесения оценочных суждений. Так, Раскольников пытается ухватиться за данную ему Заметовым оценку и понять ее основания. Возможно, он ищет соответствие между своим душевным состоянием и мнением окружающих о нем. Это принципиально важно для Раскольникова, поскольку, чувствуя странность в себе, герой ощущает одновременно отчуждение от окружающего мира, глубокий разлад между условиями своего существования и внутренними переживаниями.

В романе «Идиот» прилагательное СТРАННЫЙ наиболее часто употребляется в эпизодах, описывающих состояние главного героя – князя Мышкина – во время тяжелейших припадков эпилепсии или непосредственно перед ними. Весь мир и люди вокруг кажутся ему странными. Все вызывает чувство удивления, изумления: Он ... видел Аглаю, бледную и странно смотрящую на него, очень странно...; Он увидел со странным изумлением, что все уселись и даже смеются, точно ничего не случилось; В эти лихорадочные часы почти все время представлялись ему ее глаза, ее взгляд, слышались ее слова – странные какие-то слова... Князь силится понять, что происходит, но даже мысли его облакаются в какую-то странную, непонятную, расплывчатую форму: ...он вдруг как бы что-то припомнил, как бы что-то внезапно сообразил, очень странное, что-то уж долго его беспокоившее;

Странное ощущение овладело им в этом тусклом и душном коридоре, ощущение, мучительно стремившееся осуществиться в какую-то мысль...

Князь напряженно всматривается в свое состояние, как бы пытается анализировать себя изнутри. В тексте говорится о чувствах, эмоциях и переживаниях главного героя, но от лица автора, который будто вживается в образ князя Мышкина. Герой ведет сам с собой бесконечные споры, произносит внутренние монологи отстраненно, в третьем лице. Персонаж словно раздваивается: одна его сущность начинает анализировать поступки второй, которая находится в параллельном, непонятном ей и, следовательно, странном мире. Князь чувствует, что у него нет контакта с окружающей средой, поэтому весь мир кажется ему непонятным, чуждым, искаженным – странным: *Не можем не упомянуть об одном странном ощущении, поразившем его именно в это самое мгновение и вдруг ему выяснившемся из толпы всех других смутных и странных ощущений: не стыд, не скандал, не страх, не внезапность поразили его больше всего, а сбывшееся пророчество!; Странно: то был он чрезвычайно заметлив, то вдруг становился рассеян до невозможности; Странно, уже несколько ночей сряду с ним была лихорадка... всю ночь он представлял себя в каком-то чудном и неслыханном обществе, между какими-то странными людьми. Сумбурность в мыслях, абсолютное невосприятие окружающего мира, неспособность пойти на контакт с людьми – все это доходит до крайности в состоянии героя. Его существование становится сродни бегству от некоего «ужасного и странного демона» - болезни, которая представляла окружающий мир непривычным, искаженным: Странный и ужасный демон привязался к нему окончательно и уже не хотел оставлять его более.*

Как уже было отмечено выше, в употреблении прилагательного СТРАННЫЙ при описании болезненного состояния героев прослеживается все тот же инвариантный смысл, выделенный при изучении соответствующих словарных дефиниций – ‘отклонение от нормы’. Очевидно, срабатывает примерно следующий механизм оценки: субъект оценки сталкивается с

непривычным, не таким как всегда (или же непонятым, необъяснимым) внешним видом / поведением / состоянием / мыслями того или иного адресата оценки → расценивает данное отклонение от нормы как странное, связывая его с болезненным состоянием адресата оценки. Однако субъект оценки под воздействием болезни воспринимает как странные даже самые обычные, привычные, понятные вещи: поведение окружающих лиц, их взгляд, слова и действия и т.п. Несомненно, странное в романе Достоевского – это во многом привычное, обычное, но искаженное больным сознанием того или иного персонажа.

В приведенных выше примерах нельзя не заметить еще одной особенности употребления прилагательного СТРАННЫЙ: часто из-за болезненного состояния герой не в силах точно вербализовать свои мысли, впечатления, ощущения. Его мысли приобретают смутный, интуитивный характер. Именно из-за трудностей с вербализацией говорящий, силясь более точно выразить ту или иную идею, наделяет предмет своей мысли оценкой СТРАННЫЙ:

а) «Идиот»: *В эти лихорадочные часы почти все время представлялись ему ее глаза, ее взгляд, слышались ее слова – странные какие-то слова...; ...он вдруг как бы что-то припомнил, как бы что-то внезапно сообразил, очень странное, что-то уж долго его беспокоившее; Странное ощущение овладело им в этом тусклом и душном коридоре, ощущение, мучительно стремившееся осуществиться в какую-то мысль...; Он был как-то рассеян, что-то очень рассеян, чуть ли не встревожен, даже становился как-то странен: иной раз слушал и не слушал, глядел и не глядел...*

б) «Преступление и наказание»: *Что-то странное как будто прошло между ними... Какая-то идея проскользнула, как будто намек; что-то ужасное, безобразное и вдруг понятое с обеих сторон...; Когда Раскольников вдруг увидел ее, какое-то странное ощущение, похожее на глубочайшее изумление, охватило его, хотя во встрече этой не было ничего изумительного;*

Но что-то было в нем очень странное, во взгляде его светилась как будто даже восторженность...

Также обращает на себя внимание то, что прилагательное СТРАННЫЙ во многих контекстах сочетается с неопределенными местоимениями КАКОЙ-ТО, ЧТО-ТО и т.п. А.Я. Шайкевич называет данные неопределенные местоимения «своеобразными авторскими» и отмечает их довольно высокую частоту употребления в романе «Идиот» (относительная частота на 100.000 слов): у местоимения КАКОЙ-ТО 179 – в авторской речи, 52 – в прочих фрагментах романа [Шайкевич 1996: 204]. Согласно данным «Русской грамматики», неопределенные местоимения на “-то” выражают референтность (т.е. соотнесенность с конкретным явлением окружающей действительности) и неизвестность говорящему. Однако последний параметр нуждается в существенном уточнении [Русская грамматика 1980]. Многие исследователи связывают природу неопределенных местоимений с аномалиями и девиациями в механизмах жизни и языка. Н.Д. Арутюнова следующим образом объясняет появление неопределенных местоимений рядом с обозначением тех или иных признаков: «Неопределенность признаков вызвана ограниченностью семантических ресурсов языка или неумением ими пользоваться. ... Чтобы индивидуализировать признак, необходимо тонкое знание языка и владение художественной техникой, позволяющей частично восполнять семантические лакуны...» [Арутюнова 1995: 185]. И далее: «... неопределенные местоимения – это знаки невыраженных или невыразимых смысловых компонентов, ... маркёры разрыва между интуитивным постижением мира и возможностями вербализации, наконец, знаки непроницаемости некоторых сфер бытия, в частности человеческой личности («другого»))» [Там же: 187]. Это еще раз подтверждает то, что прилагательное СТРАННЫЙ в сочетании с неопределенным местоимением указывает на трудности в словесном выражении того или иного признака, а также является знаком неких «невыразимых смысловых компонентов» - чего-то смутного, неясного, иррационального.

Таким образом, можно выделить еще один смысл прилагательного СТРАННЫЙ, не зафиксированный в словаре: ‘странное как нечто смутное, интуитивное, не поддающееся точной вербализации’ (смысл В). Этот компонент значения близок одному из ранее выделенных смыслов прилагательного СТРАННЫЙ – ‘непонятный, нелогичный’ (*Рогожин горько и желчно осклабился и медленно произнес странные слова... Что хотел сказать Рогожин, конечно, никто не понял...*). Но когда мы говорим о странном как о чем-то смутном, не поддающемся точной вербализации, то скорее имеем в виду полное понимание происходящего, но на каком-то интуитивном, подсознательном, практически невыразимом уровне: *У него [князя] начинала мелькать одна странная идея, впрочем еще не совсем ясная («Идиот»); Странная мысль наклеивалась в его голове, как из яйца цыпленок, и очень, очень занимала его («Преступление и наказание»).*

Станным у Достоевского является и все то, что непонятно второстепенным персонажам романа – окружающим людям. Неожиданные вещи производят сильное впечатление на массу, вызывают неподдельное удивление и, естественно, расцениваются как странные: *Рогожин горько и желчно осклабился и медленно произнес странные слова... Что хотел сказать Рогожин, конечно, никто не понял, но слова произвели довольно странные впечатления на всех («Идиот»); Аглая... вдруг предложила ему странный вопрос: сожжет ли он, в доказательство своей любви, свой палец тот час же на свечке? Гаврила Ардалионович был, говорят, ошеломлен предложением... («Идиот»); ... но большею частью [отец Ферапонт] произносил одно лишь какое-нибудь странное слово, задававшее всегда посетителю большую загадку... («Братья Карамазовы»).*

Во многих эпизодах персонажи считают странными некоторые вещи, если не могут разумно объяснить себе, что происходит, выстроить логическую цепь из причин и следствий, чувствуют некоторую растерянность. Так, генерал Епанчин не способен адекватно прореагировать, когда князь признается в своей

любви к Аглае. То, что он не может понять, для него странно: - Странно, странно... и очень любишь? - Очень люблю. - Странно, странно это мне все. То есть такой сюрприз и удар, что...

Логике мышления Лизаветы Прокофьевны не поддается то, что князь столь спокойно и естественно в свои яркие впечатления о Швейцарии включает воспоминания об осле. Это ей непонятно и поэтому странно: Осел? Это странно, - заметила генеральша... Все это очень странно, но об осле можно и пропустить. Но здесь же она пытается подчинить этот непонятный и из ряда вон выходящий факт своей логике и ходу мыслей: А впрочем, ничего нет странного, иная из нас в осла еще влюбится.

Иван Карамазов не может понять противоречащую здравому смыслу и вещественным доказательствам точку зрения Алёши на убийство их отца. Мнение брата, а заодно и его поведение кажутся Ивану странными: Одно было все-таки странно: что Алеша упорно продолжал стоять на том, что убил не Дмитрий, а «по всей вероятности» Смердяков. Странно было и то, что Алеша не искал с ним разговоров о Мите и сам не начинал никогда... Данный смысл слова СТРАННЫЙ ('странный = непонятный') совпадает с ранее выделенным смыслом Б, представленным в словарных дефинициях. Мы воспринимаем как норму то, что можно логически объяснить, следовательно, все непонятное, иррациональное расценивается героями как странное.

Странное – нечто ненормативное для ситуации, не подходящее к делу и к месту, непривычное, не соответствующее стереотипам поведения и т.п. Этот смысл прилагательного СТРАННЫЙ (выделенный при анализе словарных дефиниций смысл А) проявляется в эпизодах, которые описывают нестандартные с точки зрения обычного человека поступки действующих лиц. Так, в романе «Идиот» показательным является поведение князя Мышкина после пощечины, данной ему Гаврилой Ардалионовичем: Странным и укоряющим взглядом поглядел он Гане прямо в глаза; губы его дрожали и силились что-то проговорить; какая-то странная и совершенно неподходящая

улыбка кривила их (ненормальная с точки зрения обычного человека реакция). Для сравнения можно привести эпизод, когда князь пришел на прием к Епанчиным: *А князь и сам вошел робко, чуть не оцупью, странно улыбаясь, засматривая всем в глаза и всем как бы задавая вопрос...* (ненормальное, нетипичное поведение в гостях). Аналогичный контекст встречаем в романе «Униженные и оскорбленные» в сцене, когда старик Смит уходит из кондитерской: *Затем, улыбнувшись какой-то странной, совершенно неподходящей к делу улыбкой, ускоренным, неровным шагом вышел из кондитерской...* Рассказчику, оценившему состояние, в котором находилась Нелли, условия ее существования, кажется странным исполненный гордости взгляд девочки: *... начинала вдруг смотреть мне в глаза своим длинным, упорным взглядом, в котором вместе с недоумением и диким любопытством была еще какая-то странная гордость* («Униженные и оскорбленные»). Всем присутствующим у Мармеладовых кажется странным появление Сони, одетой несоответствующе случаю, в доме отца незадолго до его смерти: *Из толпы, неслышно и робко, протеснилась девушка, и странно было ее внезапное появление в этой комнате, среди нищеты, лохмотьев, смерти и отчаяния* («Преступление и наказание»).

Кроме поведения, не подходящего для конкретной ситуации, странными в произведениях Достоевского считаются факты, неприемлемые для социума, в частности, для аристократического общества. В романе «Идиот» не случайны многие внутренние монологи Лизаветы Прокофьевны, в которых она рассуждает о том, что приемлемо для высшего света, а что будет казаться странным: *... «свет» примет жениха Аглаи прямо из рук всемогущей «старухи», а стало быть, если и будет в этом что-нибудь странное, то под таким покровительством покажется гораздо менее странным; В том-то и состояло все дело, что родители никак не были в силах сами решить: «есть ли, и на сколько именно во всем этом деле есть странного? Или нет совсем*

странного?» (в данном случае перед нами уже не прилагательное, а субстантив).

Также странным считается редко случающееся, а потому и непривычное: *Тут одно обстоятельство очень странное было, - странное тем, собственно, что случай такой очень редко бывает («Идиот»).*

Очень часто употребление прилагательного СТРАННЫЙ в значении 'непривычный, нетипичный, не такой как всегда, отклоняющийся от норм, установленных обществом' сопровождается резкими отрицательными коннотациями. Так, например, в романе «Идиот» негативно оценивается история о том, что Павлищев стал иезуитом: *Не с этим ли Павлищевым история вышла какая-то... странная... с аббатом... забыл, с каким аббатом, только все тогда что-то рассказывали.* Или же в самом начале второй части романа: *Дня два после странного приключения на вечере у Настасьи Филипповны, которым мы закончили первую часть нашего рассказа...* То же самое происшествие, которое было с негодованием воспринято в основном всеми действующими лицами романа, чуть дальше будет названо не только странным, но и скандальным: *Я ведь в точности знаю всю эту странную скандальную сцену, происшедшую у Настасьи Филипповны, когда Рогожин принес свои деньги.* В другом эпизоде князь негодует, узнав, что Лебедев писал анонимные письма, и воистину подлый поступок называет странным: *И что у вас за повадка так... странно поступать? Ведь вы... просто шпион!*

В романе «Преступление и наказание» Раскольникову едва удастся скрыть нарастающее отвращение к Свидригайлову, поэтому неслучайно все в незваном госте кажется ему странным: *Свидригайлов как-то странно посмотрел на него; ... проговорил он, скривя рот в какую-то странную улыбку...; Он очень странный и на что-то решился...* Странным и в то же время ужасным, невыносимо тяжелым кажется Раскольникову ощущение того, что он столь любим Соней: *Он смотрел на Соню и чувствовал, как много на нем было ее*

любви, и странно, ему вдруг стало больно и тяжело, что его так любят. Да, это было странное и ужасное ощущение!

В романе «Братья Карамазовы» адресатом оценочного суждения, организованного прилагательным СТРАННЫЙ, не раз становится Федор Павлович Карамазов, вызывавший практически у всех окружающих неподдельное чувство ненависти и отвращения: *...это был странный тип, довольно часто, однако, встречающийся, именно тип человека не только дрянного и развратного, но вместе с тем и бестолкового... Странные порывы внезапных чувств и внезапных мыслей бывают у этаких субъектов*. Отнюдь не случайно Достоевский употребляет по отношению к Федору Павловичу обозначения ТИП и СУБЪЕКТ, усиливающие отрицательные коннотации, уже и без того привнесенные в контекст словом СТРАННЫЙ и другими оценочными прилагательными.

Практически для всех произведений Достоевского характерно противопоставление обычных и неординарных людей. Так, в романе «Идиот» автор отмечает, что существуют люди «обыкновенные», так называемое «большинство», которое является необходимым звеном «в связи житейских событий» и которое не в состоянии выйти «из колеи обыкновенности и рутины». В то же время есть оригинальные, самостоятельные личности, которых писатели используют в качестве прототипов для создания своих центральных образов. В этом рассуждении повествователь использует прилагательное СТРАННЫЙ для характеристики неординарных личностей, тех, кто не похож на большинство: *Наполнять романы одними типами или даже просто, для интереса, людьми странными и небывалыми было бы неправдоподобно, да, пожалуй, и неинтересно*. В том же смысле слово СТРАННЫЙ употребляется в обращении Евгения Павловича к князю Мышкину: *Я не согласен, и даже в негодовании, когда вас, - ну, там кто-нибудь, - называют идиотом; вы слишком умны для такого названия; но вы и настолько странны, чтобы не быть как все люди, согласитесь сами*. В этом контексте прилагательное СТРАННЫЙ,

употребленное в значении 'другой, не такой как все', наделено скрытыми отрицательными коннотациями. Евгений Павлович отмечает отклонение от нормы в поведении князя, что приходится ему не по душе, однако избегает прямых резких оценок, что подчеркивается нежеланием употреблять слово ИДИОТ.

Обращает на себя внимание авторское рассуждение о странных и ординарных людях в самом начале романа «Братья Карамазовы»: *Странность и чуждость скорее вредят, чем дают право на внимание. Чужак же в большинстве случаев частность и обособление. ... напротив, бывает так, что он-то, пожалуй, и носит в себе иной раз сердцевину целого, а остальные люди его эпохи – все ... на время почему-то от него оторвались...* Это во многом объясняет отмеченное критиками стремление Достоевского населять свои произведения людьми странными, неординарными, не похожими на большинство.

Отмеченные выше контексты говорят о ключевой роли прилагательного СТРАННЫЙ и его «семантических соседей» в раскрытии авторского мировоззрения, поскольку представляют собой, по мысли И.В. Ружицкого, автономное употребление слова, т.е. такое употребление, когда «автор рассуждает о значении слова, соотносит свое понимание с общепринятым или размышляет над значением созданного им самим слова» [Ружицкий 2014: 193]. Если автор сам говорит о значении какого-либо слова, естественно предположить, что это слово является для него важным. Именно поэтому для И.В. Ружицкого автономное употребление слова в художественном тексте является «показателем того, что это слово имеет идиоглоссный статус», т.е. значимо для идиолекта автора [Там же: 201].

Противопоставление странных, необычных и ординарных, обыкновенных людей играет важную композиционную роль в романе «Братья Карамазовы». Так, в самом начале романа, когда повествователь дает краткую характеристику героям своего рассказа, он намеренно подчеркивает «обыкновенность», самую

что ни на есть заурядность лакея Смердякова: *Очень бы надо промолвить кое-что и о нем специально, но мне совестно столь долго отвлекать внимание моего читателя на столь обыкновенных лакеев...* Читатель сталкивается со своеобразной авторской уловкой: перестав обращать внимание на «столь обыкновенного лакея», мы поражаемся, когда узнаем, что именно Смердяков не только играет главенствующую роль в раскрытии сюжетной интриги, но является одним из философских центров романа. Своеобразную подсказку автор дает нам опять же частым употреблением оценочного прилагательного СТРАННЫЙ или же наречия СТРАННО по отношению к Смердякову. И это еще раз доказывает, что такой герой, как Смердяков, не может стоять в стороне от авторского повествования: *- А что ж, убейте-с. Убейте теперь, - вдруг странно проговорил Смердяков, странно смотря на Ивана.*

Похожую роль противопоставление странных и обыкновенных людей играет в создании образа Грушеньки. В романе не раз подчеркивается, что Грушенька была самой обыкновенной женщиной, такой, каких тысячи: *И однако же пред ним стояло, казалось бы, самое обыкновенное и простое существо на взгляд, - добрая, милая женщина, положим красивая, но так похожая на всех других красивых, но «обыкновенных» женщин! (Точка зрения Алёши); Ее, «погубительницу Федора Павловича и несчастного сына его», видали наши дамы и прежде, и все, почти до единой, удивлялись, как в такую «самую обыкновенную, совсем даже некрасивую собой русскую мещанку» могли до такой степени влюбиться отец и сын. Однако эта «обыкновенная женщина» становится тем центром, к которому на протяжении всего романа приковано внимание читателей. И опять-таки автор дает нам подсказки в виде оценочных суждений, организованных прилагательным СТРАННЫЙ, относящихся к Грушеньке: *Она тихо поднесла эту ручку к губам своим, правда с странною целью: «сквитаться» поцелуями; Катерина не отняла руки: она с робкою надеждой выслушала последнее, хотя тоже очень странно выраженное обещание Грушеньки «рабски» угодить ей.**

Изучение поведения прилагательного СТРАННЫЙ в текстах произведений Достоевского дает возможность сделать вывод, что объем его означаемого шире, чем в словарных дефинициях. К двум выделенным ранее смыслам, в которых профилированы основания вынесения оценочного суждения, – А) ‘отклоняющийся от нормы в силу своей нетипичности, непривычности, неординарности’ и Б) ‘отклоняющийся от нормы в силу своей непонятности, неясности, неопределенности’ – можно добавить еще один смысл: ‘странное как нечто интуитивное, смутное, не подающееся точной вербализации’ (смысл В). Авторские рассуждения о смысле слов СТРАННЫЙ, НЕОБЫКНОВЕННЫЙ, ОРДИНАРНЫЙ и т.д., которые присутствуют практически во всех рассмотренных романах, свидетельствуют об особой роли данных единиц в раскрытии авторского мировоззрения, отношения писателя к своим героям и тому миру, который они населяют.

4.3.2. Сочетаемость прилагательного СТРАННЫЙ в текстах романов Ф.М. Достоевского.

Применение методики составления перцептивных парадигм художественного текста, рассмотренной в п. 1.4, к анализу оценочных суждений с прилагательным СТРАННЫЙ в текстах Ф.М. Достоевского позволяет выделить несколько групп объектов оценки, которые характеризуются как странные (в скобках указано количество употреблений в текстах романов):

- 1) **‘оценка внешнего вида героя’** – *странный взгляд (14), странная улыбка (9), странная усмешка (6), странный вид (6), странное выражение лица (2), странная красота (2), странная гримаса (1), странная фигура, странный блеск лица (1), странный стук сердца (1), странная ухмылка (1);*
- 2) **‘оценка речемыслительной деятельности героя’** – *странная мысль (20), странные слова (9), странная идея (3), странные слухи (3), странное замечание (3), странный вопрос (3), странное убеждение (3), странная история (2), странный анекдот (2), странное мнение (2), странная статья*

(2), *странный разговор (2), странное выражение (2), странный сон (2), странное стихотворение (1), странное письмо (1), странный допрос (1), странный сюжет (1), странный аргумент (1), странная речь (1), странный рассказ (1), странное объяснение (1), странная молва (1), странный крик (1), странная мечта (1), странные грёзы (1), странный афоризм (1), странное сопоставление (1), странная похвала (1);*

3) **‘оценка эмоционального состояния героя’** – *странное ощущение (9), странная горячность (2), странное настроение (2), странное впечатление (2), странное беспокойство (1), странное волнение (1), странное изумление (1), странное смущение (1), странная жалость (1), странное сердечное движение (1), странное предчувствие (1), странное чувство (1), странное удивление (1), странные порывы чувств (1), странное оживление (1), странное бессилие (1), странное желание (1), странное любопытство (1), странное недоумение (1), странное волнение (1), странный демон в душе (1);*

4) **‘оценка характера персонажа, его качеств’** – *странный характер (2), странная черта характера (2), странные наклонности (2), странная раздражительность (1), странная гордость (1), странное упорство (1), странная серьезность (1), странная хитрость (1), странное спокойствие (1);*

5) **‘оценка поведения героя, его отдельных поступков’** – *странный смех (2), странная выходка (2), странная откровенность (2), странный визит (2), странный визит (2), странный поступок (1), странное поведение (1), странные отношения (1), странные сношения (1), странный приход (1), странный шепот (1), странная претензия (1), странная потребность (1), странный разврат (1), странное появление (1), странное исчезновение (1), странный выбор (1);*

6) **‘оценка героя в целом’** - *странный человек (7), странные люди (6), странное существо (4), странная девочка (3), странная девушка (1),*

странный мальчик (1), странный ребенок (1), странный слушатель (1), странный тип (1), странный народ (1);

7) **‘оценка различных явлений действительности’** – *странное обстоятельство (4), странное происшествие (3), странный факт (2), странные вещи (3), странная картина (2), странная сцена (2), странная форма (2), странное явление (1), странная фамилия (1), странное исцеление (1), странный предмет (1), странный эпизод (1), странный случай (2), странное событие (1), странный век (1), странная минута (1), странная нервная болезнь (1), странная неожиданность (1), странная связь (1), странное убийство (1), странное приключение (1), странная цель (1), странный результат (1), странный пункт (1), странная слава (1), странное зрелище (1), странное свойство (1), странная телега (1), странное совпадение;*

8) **‘оценка ситуации в целом’** – СТРАННЫЙ и СТРАННО в предикативной функции (182: из них 22 в сочетании *странное дело*).

Как было отмечено в п. 1.4, составление такого рода текстовых аксиологических парадигм, являющихся аналогом перцептивных, позволяет выявить особенности мировосприятия субъекта оценки через сочетаемость того или иного оценочного предиката. С одной стороны, нельзя не заметить всеобщность охвата имен, сочетающихся с прилагательным СТРАННЫЙ: это наименования людей, предметов, действий и поступков, чувств и эмоций персонажей, явлений окружающей действительности. Все то, что непонятно/непривычно говорящему и отклоняется от общепризнанных норм получает оценку СТРАННЫЙ. Это наводит на мысль, что автор намеренно помещает своих героев в «странный» мир – где все неординарно, вызывает изумление, отклоняется от нормы, мир, который сложно постигнуть разумом, который невозможно подвести под общие логические закономерности. Достоевский изображает повседневные, предсказуемые события как удивительные и непостижимые. Возможно, это связано с так называемым

двусубъектным авторским повествованием, представленным во многих произведениях Ф.М. Достоевского (в частности, в романах «Идиот» и «Братья Карамазовы»): «в текстах этих романов повествует не только собственно автор, но и его «заместитель» – фиктивный рассказчик», что выражается при помощи разнообразных синтаксических и лексических средств [Иванчикова 1990: 63]. Однако установление связи прилагательного СТРАННЫЙ со статусом автора представляется самостоятельной филологической проблемой, поэтому в проведенном исследовании наряду с точкой зрения персонажей выделяется позиция повествователя.

Кроме того, «странность» мира в романе Достоевского подчеркивается некоторыми обобщенными контекстами, где как странные расцениваются и поведение людей в целом, и вся наша жизнь: *Но теперь, по чрезвычайной странности сердца человеческого, случилось так...* («Идиот»); *Всякий имеет свое беспокойство, князь, и... особенно в наш странный и беспокойный век* («Идиот»). Автор стремится всячески подчеркнуть нелогичность того мира и даже той эпохи, в котором живут его персонажи: *Впрочем, странно было бы требовать в такое время, как наше, от людей ясности* («Братья Карамазовы»).

В одном из контекстов романа «Идиот» странность представляется как характерная черта русской жизни, русского менталитета: *Вот вы дивитесь на Павлицева, вы все приписываете его сумасшествию или доброте, но это не так! И не нас одних, а всю Европу дивит, в таких случаях, русская странность наша.*

С другой стороны, несмотря на широкий охват явлений действительности, обозначенных словом СТРАННЫЙ, можно выделить некие общие параметры присвоения тому или иному объекту подобной оценки. Проведенный анализ показывает, что чаще всего данное слово сочетается с именами, обозначающими речемыслительную деятельность персонажа, его эмоциональное состояние и внешний вид. Основание для оценки в данном случае очевидно: как правило, в сознании субъекта оценки хранится

определенное представление о внешнем виде окружающих людей, их речевом поведении, образе мыслей, стандартных реакциях на то или иное внешнее воздействие («эталон восприятия» в уже описанной концепции А.Н. Шрамма [Шрамм 1979: 18]). Любое отклонение от привычного облика или установленной нормы очевидно, вызывает удивление со стороны окружающих и расценивается как странное.

Особый интерес вызывает сочетание прилагательного СТРАННЫЙ с существительным МЫСЛЬ (20 употреблений в текстах произведений). Здесь мы сталкиваемся с иным основанием оценки: сочетание СТРАННАЯ МЫСЛЬ встречается в основном во внутренних монологах персонажей, когда герои не в состоянии вербализовать свои же смутные, неясные мысли и поэтому дают им подобную оценку: *Странное ощущение овладело им в этом тусклом и душном коридоре, ощущение, мучительно стремившееся осуществиться в какую-то мысль...* («Идиот»); *Странная мысль наклеивалась в его голове, как из яйца цыпленок, и очень, очень занимала его* («Преступление и наказание»). Также часто встречается сочетание прилагательного СТРАННЫЙ с существительным ВЗГЛЯД, что тоже не случайно. Для русского человека глаза испокон веков считались зеркалом души, именно по невзначай брошенному взгляду можно сделать вывод об эмоциональном состоянии человека, его потаенных мыслях. Так и Достоевский, наделяя взгляд своих персонажей оценкой СТРАННЫЙ, подчеркивает их нестабильное внутреннее состояние, смятение, часто свидетельствующее о физическом нездоровье или же психических расстройствах.

По мысли Н.Н. Беловой, оценочные прилагательные в целом характеризуются высокой степенью обобщения признака, но если прилагательное находится в ядре функционально-семантического поля оценки, то отношение к широкому классу предметов и явлений окружающей действительности приводит даже к «отрыву от денотата» (термин Н.Д. Арутюновой) [Белова 2011]. Исследователь в своей работе делает такой вывод

применительно к прилагательным ХОРОШИЙ и ПЛОХОЙ (общеоценочные признаки по концепции Н.Д. Арутюновой): это означает, что хорошим или плохим можно назвать практически любой предмет окружающего нас мира. Учитывая широкую сочетаемость прилагательного СТРАННЫЙ с наименованиями самых разных предметов и явлений действительности в текстах Достоевского, подтверждаем вывод об общеоценочном характере признака, выраженного исследуемым прилагательным.

Следуя логике рассуждений А.Н. Шрамма, шкала оценок, из которой выбирается то или иное оценочное слово, определяется основанием оценки, сопоставлением с неким «эталонном» [Шрамм 1983: 71]. Представление о данном стандарте в нашем сознании различается в зависимости от принадлежности объекта оценки к определенному классу предметов или явлений окружающей действительности. Поэтому разным представлениям об «эталоне» соответствуют разные оценочные шкалы. Однако прилагательное СТРАННЫЙ может соответствовать абсолютно любой шкале оценок, т.к. оно может обозначать, согласно выделенному ранее инвариантному смыслу, любое отклонение от нормы. Это еще раз свидетельствует о некоей «универсальности» данного прилагательного, его схожести с наиболее общими оценками типа ХОРОШИЙ, ПЛОХОЙ.

4.4. Семантическое пространство, организованное прилагательным СТРАННЫЙ в произведениях Ф.М. Достоевского.

Как уже было отмечено раньше, означающее любого знака текста находится в сверхфразовом взаимодействии с другими знаками того же текста, образуя нелинейные сверхфразовые семантические связи. Означаемое лексических единиц, образующих подобные сверхфразовые парадигмы, находится в непосредственной близости с означаемым исследуемой лексической единицы и помогает уточнить ее семантику, а также раскрыть специфику мироощущения автора и его отношения к той действительности, в которую он

помещает своих главных действующих лиц. Так, по мысли Л.О. Чернейко, сам художник воплощает свой замысел «интуитивно, спонтанно и синтетично», раскрывает «глубины своего бессознательного даже тогда, когда он редактирует свой собственный текст» [Чернейко 1999: 439]. А вот задача лингвиста – интерпретатора художественного текста – заключается в выделении семантических групп, построенных на основании того или иного инвариантного признака, что позволяет ему видеть даже то, что выразил автор, сам того не желая. С этой идеей напрямую соотносятся слова А.А. Ахматовой, которые Ю. Щеглов цитирует в своих работах по поэтике художественного текста: «Чтобы добраться до сути, надо изучать гнезда постоянно повторяющихся образов в стихах поэта – в них и таится личность автора и дух его поэзии» [Щеглов 1992]. Эти слова, несомненно, верны и для анализа прозаического текста.

На материале текстов анализируемых романов можно построить лексико-семантическую парадигму, организованную прилагательным СТРАННЫЙ. Следует отметить, что ближайшие семантические соседи данного прилагательного также являются одними из наиболее часто встречающихся в художественных текстах Достоевского. По материалам «Статистического словаря языка Ф.М. Достоевского» А.Я. Шайкевича, эти единицы входят в число 40 самых частотных полных прилагательных, как и прилагательное СТРАННЫЙ. И если прилагательное СТРАННЫЙ употребляется 1070 раз, то прилагательное ОСОБЕННЫЙ – 494 раза, НЕОБЫКНОВЕННЫЙ – 320, УДИВИТЕЛЬНЫЙ – 235. Такая частота употребления дает возможность для формирования ЛСП ‘СТРАННЫЙ’.

Для составления ЛСП необходимо приложить сформированную во главе 2 ЛП с инвариантным значением ‘отклоняющийся от нормы’ к текстам исследуемых произведений. Основой формируемого множества являются следующие единицы: ОСОБЕННЫЙ (ОСОБЫЙ), НЕОБЫКНОВЕННЫЙ, УДИВИТЕЛЬНЫЙ, ОРИГИНАЛЬНЫЙ, ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ, ЧУДНОЙ,

НЕЕСТЕСТВЕННЫЙ, ЭКСЦЕНТРИЧЕСКИЙ (ЭКСЦЕНТРИЧНЫЙ), НЕЛЕПЫЙ, ЗАГАДОЧНЫЙ, НЕВЕРОЯТНЫЙ.

Рассмотрим, как данные лексические единицы функционируют в романах Ф.М. Достоевского, какова их роль в построении мира художественного произведения. Важно определить также, какие еще слова в романах, обладающие тем же инвариантным значением, входят в составленное семантическое пространство, тем самым образуя его периферию.

4.4.1. Ближайшие «семантические соседи» прилагательного СТРАННЫЙ в текстах Ф.М. Достоевского.

ОСОБЕННЫЙ (ОСОБЫЙ).

Рассматривая функционирование прилагательного ОСОБЕННЫЙ (ОСОБЫЙ) в текстах Достоевского, выберем лишь те контексты, где данное прилагательное выступает в значении ‘уникальный, неординарный, необычный, отличающийся от других, из ряда вон выходящий, удивительный’, т.к. другие значения данного прилагательного (‘крайне важный, значительный’ и т.п.) не входят в семантическое пространство, организованное прилагательным СТРАННЫЙ.

Роман «Идиот»: *Он [генерал Епанчин] заметил в лице ее на этот раз что-то слишком особенное. ... Дочери, ... хотя и не сердились на него, все-таки и тут было тоже как бы что-то особенное.* (Точка зрения генерала на Лизавету Прокофьевну и дочерей; непривычное, не такое, как всегда); ... *он [Евгений Павлович] заметил, что князь был как бы не в себе, по крайней мере в каком-то особенном состоянии.* (Показательно то, что в данном примере особенное, необычное состояние героя вновь связывается с болезнью); *Конечно, рассеянность и особое, странно-раздражительное настроение... могло бы ... объяснить эту порывчатость...* (Взгляд на Рогожина; обращает на себя внимание соединение в одном контексте сразу двух прилагательных одной лексико-семантической парадигмы – СТРАННЫЙ и ОСОБЫЙ со значением ‘не

такое, как всегда, отклоняющееся от нормы); ... *все еще продолжавшееся беспокойство все-таки выходило, по мнению наблюдавшего князя, из мерки, и что-то тут наверно было особенное.* (Непривычное, отличное от обычного); *Но с Ганей у князя были отношения все какие-то особенные.* (Не такие, как с остальными людьми, отклоняющиеся от привычного представления о норме в отношениях знакомых людей); ... *заметил он [Рогожин] как бы в скобках и как-то особенно поглядев в глаза князю...* (Не так, как всегда, непривычный взгляд); *В Гане что-то происходило особенное, когда он задавал этот вопрос. Точно новая и особенная какая-то идея загорелась у него в мозгу и нетерпеливо засверкала в глазах его.* (Необычное, не такое, как всегда); ...*тут вышла особенная история...* (Князь о случае с Мари; особенный в значении 'удивительный, неординарный, вызывающий удивление своей необычностью и непривычностью'); *Может быть, ты знаешь что-нибудь особенное?* (Точка зрения генерала Епанчина; «что-нибудь особенное» - то, чего не знают другие); *Знавшие Лизавету Прокофьевну тотчас почувствовали, что с нею совершилось что-то особенное.* (Нечто необычное по сравнению с привычным состоянием); *Но и поклонники и женщины – все это было нечто особенное, нечто совсем не такое, как остальная публика...; Я ведь на особых правах.* (Высказывание Фердыщенко; подчеркивается отличие от других).

Роман «Преступление и наказание»: *Должно быть, молодой человек взглянул на нее каким-нибудь особенным взглядом, потому что и в ее глазах мелькнула вдруг опять прежняя недоверчивость.* (Непривычный взгляд); *Это поразило Петра Петровича. Вот эти-то мощные, всезнающие, всех презирающие и всех обличающие кружки уже давно пугали Петра Петровича каким-то особенным страхом, совершенно, впрочем неопределенным.* (Страх, причина которого непонятна, неопределенна); ...*разыскав старуху, с первого же взгляда, еще ничего не зная о ней особенного, почувствовал к ней непреодолимое отвращение...* (Чего-то непривычного, что обратило бы на себя внимание); ... *наряд ее был грошовый, но разукрашенный по-уличному, под вкус и правила,*

сложившиеся в своем особом мире... (В мире, отличном от обычного, непривычном обыкновенному человеку); В лице ее, да и во всей ее фигуре, была сверх того одна особенная характерная черта: несмотря на свои восемнадцать лет, она казалась почти еще девочкой... (Отличающая Соню от всех других лиц).

Роман «Братья Карамазовы»: ... тут не глупость; ... а именно бестолковость, да еще какая-то особенная, национальная; Губы его как-то особенно сжались в ниточку (Точка зрения Алёши на штабс-капитана); ... до этого маленького такого смешка, рассычатого, звонкого, негромкого, нервного, особенного. У ней только он и был (Федор Павлович Карамазов о своей покойной жене-кликуше).

Роман «Униженные и оскорбленные»: ...как будто в самом процессе прощения Алёши она находила какую-то особенную, утонченную прелесть; ...здесь я нахожу необходимым упомянуть о некоторых особенных подробностях из жизни этого князя Валковского...

Можно сделать вывод, что прилагательное ОСОБЕННЫЙ (ОСОБЫЙ) употребляется в текстах романов практически всегда в значении ‘непривычный, не такой как всегда, тем самым вызывающий недоумение’, что совпадает с одним из ранее выделенных смыслов прилагательного СТРАННЫЙ (смысл А). Более того, в большинстве приведенных контекстов исследуемое прилагательное также сочетается с неопределенными местоимениями, что создает дополнительный смысл, формирующий понятие ‘особенный’ - ‘не поддающийся вербализации, смутный, неясный’. Однако заметна и некоторая разница в употреблении двух прилагательных. Так, расценивая тот или иной объект как особенный, говорящий совмещает два смысла: при интерпретации чего-то особенного (т.е. непривычного, не такого как всегда, отличного от обычного) возникают трудности в вербализации именно в связи с нестандартностью объекта оценки, его непохожестью на привычное. В то же время в прилагательное СТРАННЫЙ говорящий может вкладывать и один

единственный смысл, сопровождаемый отрицательными коннотациями – ‘в целом смутное, неясное, не подлежащее вербализации и тем самым неприемлемое’ (при отсутствии смысла ‘непривычный, нетипичный’): *...он вдруг как бы что-то припомнил, как бы что-то внезапно сообразил, очень странное, что-то уж долго его беспокоившее* («Идиот»).

НЕОБЫКНОВЕННЫЙ.

Прилагательное НЕОБЫКНОВЕННЫЙ употребляется в романах в значении ‘чрезвычайный и тем самым отклоняющийся от нормы, не такой как всегда, неординарный и нестандартный’ (то есть обозначает признак в очень большой степени, что выходит за пределы нормы, вызывает удивление и влечет за собой соответствующую оценку) – если в качестве объекта оценки выступает какое-либо качество героя.

Роман «Идиот»: *Он помнил все с необыкновенной ясностью и говорил, что никогда ничего из этих минут не забудет; ...живописцы ... повадились изображать Христа ... с оттенком необыкновенной красоты в лице...; ... его [генерала Епанчина] собственное лицо отражало какое-то необыкновенное беспокойство; Все уселись и смотрели с любопытством. Может быть, действительно ждали чего-то необыкновенного; На портрете была изображена действительно необыкновенной красоты женщина; Он [Рогожин] хоть и позвал гостя, но необыкновенное смущение его продолжалось; ... с необыкновенным порывом напрягались разом все его жизненные силы. ... Ум, сердце озарялись необыкновенным светом... Мгновения эти были именно... необыкновенным усилением самоознания... С ним произошла опять, и как бы в одно мгновение, необыкновенная перемена... (Описание припадка эпилепсии – автор передает мысли князя, его ощущения; болезнь сравнивается с иной реальностью, «высшим самоощущением и самосознанием», проникновением в «высшее бытие»).*

Роман «Преступление и наказание»: *Конечно, случайность, но он вот не может отвязаться теперь от одного весьма необыкновенного впечатления...;*

И необыкновенная лихорадочная и какая-то ... суета охватила его вдруг, вместо сна и отупения; ... я, брат, сегодня заметил, что ты с утра в каком-то необыкновенном волнении состоишь? (вопрос Раскольников к Разумихину).

Роман «Братья Карамазовы»: *Алеша взялся было рукой за железную скобу, чтоб отворить дверь, как вдруг необыкновенная тишина за дверями поразила его; И поразила-то его [Алёшу] эта дорога лишь потому, что на ней он встретил необыкновенное, по его мнению, существо – нашего знаменитого монастырского старца Зосиму...; Этот мальчик [Иван] ... стал обнаруживать какие-то необыкновенные и блестящие способности к учению; Только что она [Катерина Ивановна] появилась, в зале пронеслось нечто необыкновенное. Дамы схватились за лорнеты и бинокли, мужчины зашевелились...*

Роман «Униженные и оскорбленные»: *Поражала меня тоже его [старика Смита] необыкновенная худоба...; ...что она – собака необыкновенная; что в ней непременно должно быть что-то фантастическое, заколдованное...; ...я все-таки, по необыкновенному свету в окне, мог догадаться, что меня ждут и что я ей [Наташе] нужен.*

При этом значение прилагательного НЕОБЫКНОВЕННЫЙ полностью совпадает с ранее выделенным смыслом А прилагательного СТРАННЫЙ – ‘необыкновенный как отклоняющийся от обычного положения дел, непривычный’. Однако как необыкновенное оценивается лишь то, что не просто отклоняется от нормы, но и вызывает сильнейшее удивление.

УДИВИТЕЛЬНЫЙ.

Данное прилагательное значительно реже встречается в текстах романов, но оно тем не менее входит в ЛСП ‘СТРАННЫЙ’. Анализируя имеющиеся примеры, можно сделать вывод, что прилагательное употребляется в значении ‘вызывающий удивление и восхищение, поражающий своей непохожестью на других, неординарностью’. При этом субъект оценки стремится понять то в объекте оценки, что не вписывается в его жизненный опыт, приблизиться к этому, т.к. объект оценки вызывает у него восхищение или же интерес.

Роман «Идиот»: Удивительное лицо! (взгляд на Настасью Филипповну); Удивительно и даже с сознанием своего назначения. (Ганя о каллиграфических способностях князя); Женщина удивительная, женщина эксцентрическая... (генерал о Настасье Филипповне); Но ведь это удивительная психологическая черта! (точка зрения Ипполита).

Роман «Преступление и наказание»: ... он чувствовал, что поражен; что в признании Николая есть что-то необъяснимое, удивительное, чего теперь ему не понять ни за что; - А что ж, оно в строгом смысле, пожалуй, что и среда, - с удивительной важностью заметил Порфирий...

Роман «Братья Карамазовы»: Именно в один миг произошла в ней [Катерине Ивановне] удивительная перемена, чрезвычайно изумившая Алешу...; Он вдруг с чрезвычайной и даже удивительной в его [Дмитрия] положении точностью принялся расспрашивать Феню, а Феня хоть и дико смотрела на окровавленные руки его, но тоже с удивительной готовностью и поспешностью принялась отвечать ему на каждый вопрос...

ОРИГИНАЛЬНЫЙ.

Слово СТРАННЫЙ ни в одном словаре не толкуется непосредственно через прилагательное ОРИГИНАЛЬНЫЙ. Данную единицу мы включаем в составляемую ЛП при дальнейшем исследовании дефиниций. В романе прилагательное ОРИГИНАЛЬНЫЙ входит в формируемую текстовую парадигму, т.к. употребляется в смысле 'необыкновенный, непохожий на других, неординарный'.

Роман «Идиот»: Вот и еще прекрасный и оригинальный шрифт...; Вы, по моему, просто самый обыкновенный человек, какой только может быть, разве только что очень слабый и нисколько не оригинальный. (Обращает на себя внимание противопоставление «обыкновенный – оригинальный человек»); ... нет ничего обиднее человеку нашего времени и племени, как сказать ему, что он не оригинален,... без особенных талантов и человек обыкновенный. ... Нажив деньги, знайте, я буду человек в высшей степени оригинальный. (Соединение в

одном контексте сразу трех слов из создаваемого лексико-семантического поля: **ОРИГИНАЛЬНЫЙ, ОСОБЕННЫЙ, ОБЫКНОВЕННЫЙ**); *Она* [Настасья Филипповна] ужасно оригинальная; ...*право, недурно, что он* [князь Мышкин] *вздумал пожаловать, хотя бы и таким оригинальным манером...*; *Вы оригинальная женщина, эксцентрическая женщина...*; *В сущности, не сделаться генералом мог у нас один только человек оригинальный, другими словами, беспокойный.* (Вновь делается акцент на непохожести на других, странности); *Раз, только один раз, удалось ей* [Александре Ивановне] *увидеть во сне нечто как будто оригинальное...*

Роман «Братья Карамазовы»: ... *я говорю вещи оригинальные, какие тебе до сих пор в голову не приходили...*; ... *и во всяком случае человек вы оригинальный...* (Мнение о страце Зосиме его противника на дуэли); *А тут как нарочно случай появления на свет его шестипалого младенца и смерть его совпали как раз с другим весьма странным, неожиданным и оригинальным случаем, оставившем на душе его, как однажды он сам впоследствии выразился, «печать».*

Роман «Преступление и наказание»: ... *но что действительно оригинально во всем этом ... это то, что все-таки кровь по совести разрешаешь...*; - *Да-с, и настаиваете, что акт исполнения преступления сопровождается всегда болезнью. Очень, очень оригинально...* (Ироничное употребление из уст Порфирия Петровича).

Роман «Униженные и оскорбленные»: *Да и трудно было встретить более странное, более оригинальное существо, по крайней мере по наружности* (взгляд рассказчика на Нелли).

Прилагательное **ОРИГИНАЛЬНЫЙ**, обычно обозначающее необыкновенное явление, расцениваемое положительно, является своеобразным антиподом прилагательного **СТРАННЫЙ**, которое, как неоднократно отмечалось, в большинстве случаев несет в себе отрицательный смысл. Так, обсуждая «оригинальную» мысль, предложенную на вечере у Настасьи

Филипповны (рассказ о самом дурном поступке), разные герои романа «Идиот» относятся к этой идее по-разному. Большинство присутствующих, в том числе генерал Епанчин, относятся к выдумке негативно, но Настасья Филипповна, наоборот, вдохновляется ею: *...Иван Федорович, не желавший перечить Настасье Филипповне и заметивший, как увлекает ее эта странная мысль* (Повествователь, употребляя прилагательное СТРАННЫЙ, стоит на позиции Ивана Федоровича, у которого идея не вызывает восторга); *По крайней мере, ужасно оригинально...* (Мнение Настасьи Филипповны прямо противоположно, и она выбирает другую оценку – ОРИГИНАЛЬНЫЙ).

Несомненно, в прилагательном ОРИГИНАЛЬНЫЙ кроются две противоположные оценки (в зависимости от субъекта оценочного суждения): для генерала оригинальная мысль скорее негативная (генерал чужд странностей, эксцентричностей), а для Настасьи Филипповны – позитивная (героиня сама живет в иной – странной – реальности, и все оригинальное приходится ей по душе). В целом же оригинальность рассматривается с положительной точки зрения большинством главных персонажей романа и самим автором (разделение людей в романе на ординарных, обыкновенных и «оригинальных»).

Другие прилагательные, смежные с прилагательным СТРАННЫЙ, функционирующие в текстах романов:

ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ (в значении ‘отличный от других, обращающий на себя внимание своей непохожестью’): *...оба люди молодые, ...оба с довольно замечательными физиономиями...* (о Рогожине и князе Мышкине; «Идиот»); *Это был человек замечательный по своим непрерывным и анекдотическим неудачам...* (об отце Настасьи Филипповны; «Идиот»);

ЭКСЦЕНТРИЧЕСКИЙ (в современном русском языке в значении ‘крайне своеобразный, необычайный до странности’ употребляется прилагательное ЭКСЦЕНТРИЧНЫЙ [Ожегов, 1973]): *Вы оригинальная женщина, эксцентрическая женщина...* (о Лизавете Прокофьевне; «Идиот»); *Вчерашний эксцентрический случай ... конечно, преднамеренный...* (точка зрения на

поступки Настасьи Филипповны; «Идиот»); Женщина удивительная, женщина эксцентрическая ... (о Настасье Филипповне; «Идиот»); Потому что когда лжешь, то если ловко вставишь что-нибудь не совсем обыкновенное, что-нибудь эксцентрическое... («Идиот»); ... это было впечатление простого любопытства, объясняемого некоторыми эксцентрическими приключениями князя («Идиот»); Никто больше не последовал за эксцентричной дамой... (о Настасье Филипповне; «Идиот»); Одному барчонку пришел вдруг в голову совершенно эксцентрический вопрос на невозможную тему... («Братья Карамазовы»); ... описанная мною эксцентрическая встреча молодого чиновника с вовсе нестарою еще вдовицей... («Братья Карамазовы»).

ЧУДНОЙ ('странный, необычный, непонятный'): Вот я давеча сказал, что для меня чудная задача: почему она идет за тебя? («Идиот»); Но все-таки как-то чудно стало князю, что так вдруг прервался разговор... («Идиот»); Чуден ты человек, Лев Николаич, на тебя подивиться надо... («Идиот»); И никто-то их не укорял более, никто-то доброго гласа не подымал, что было даже и чудно, ибо преданных усопшему старцу было в монастыре все же большинство... («Братья Карамазовы»); На ней было шелковое, из легкой материи платье, но тоже как-то очень чудно надетое... («Преступление и наказание»); Уж одно то показалось ему дико и чудно, что он на том же самом месте остановился, как прежде, как будто и действительно вообразил, что может о том же самом мыслить теперь... («Преступление и наказание»); - Чудён человек, - проговорил работник. - Чудён нынче стал народ, - сказала баба («Преступление и наказание»).

НЕЕСТЕСТВЕННЫЙ ('необычный, ненормальный, отклоняющийся от нормы'): ...дело вообще было трудное, - трудное потому, что и неестественное... («Идиот»); ... чтобы не произошло какого-нибудь странного выбора или неестественного уклонения... (акцентируется внимание на отклонении от общепринятых норм приличия; «Идиот»); Боже, что это за крик! Таких неестественных звуков, такого воя, вопля, скрежета, слез, побой и

ругательств он никогда еще не слыхивал и не видывал («Преступление и наказание»); ... крикнул вдруг Разумихин, как-то неестественно раздражаясь... («Преступление и наказание»).

НЕЛЕПЫЙ ('непривычный или же нелогичный, не соответствующий ситуации', обладает ярко выраженными отрицательными коннотациями): *Обвинения нелепые, которые и пали в свое время сами собой и у нас, и повсеместно (Речь идет о злоупотреблении таинством исповеди; «Братья Карамазовы»); ... все же трудно было бы объяснить ту прямую причину, по которой у гроба старца Зосимы могло произойти столь легкомысленное, нелепое и злобное явление («Братья Карамазовы»); Одно мгновение все смотрели на него в упор и молчали, и вдруг все почувствовали, что выйдет сейчас что-нибудь отвратительное, нелепое, с несомненным скандалом («Братья Карамазовы»); ... хотя у нас в городе даже многие знали тогда про нелепое и уродливое соперничество Карамазовых, отца с сыном... («Братья Карамазовы»).*

ЗАГАДОЧНЫЙ ('непонятный, необъяснимый, таинственный'): *... мне Иван Федорович всегда казался загадочным, а приезд его к нам все-таки необъяснимым («Братья Карамазовы»); Выходило что-то даже загадочное. Брат Иван сделал к нему шаг, чего так давно желал Алеша, и вот сам от чего-то чувствует теперь, что его испугал этот шаг сближения («Братья Карамазовы»); Он так и сыпал, не уставая, то бессмысленно пустые фразы, то вдруг пропускал какие-то загадочные словечки и тотчас же опять сбивался на бессмыслицу («Преступление и наказание»); Но позыв улыбки прошел и сменился тотчас прежним суровым и загадочным выражением; Загадочные слова ее, что она уже все знает и обо всем догадалась, испугали меня... («Униженные и оскорбленные»).*

НЕВЕРОЯТНЫЙ ('чрезмерно отклоняющийся от нормы, непривычный и невозможный'): *Но тут произошла еще одна паясническая и невероятная почти сцена, восполнившая эпизод («Братья Карамазовы»).*

Мы выявили все лексические единицы, входящие в лексико-семантическую парадигму 'СТРАННЫЙ' и являющиеся наиболее близкими к оценочному прилагательному СТРАННЫЙ. Детальное рассмотрение семантических отношений между выделенными единицами позволяет выявить инвариантный смысл, который, при всей разнице лексических значений, объединяет данные лексемы. Как мы уже отмечали ранее, основанием для расценивания того или иного объекта как странного (необыкновенного, удивительного, оригинального и т.п.) являются вполне объективные причины: 1) субъект оценки может не понимать логики того или иного события или какой-либо мысли; 2) субъект оценки сталкивается с чем-то непривычным, не таким, как всегда, нестандартным с общественной/его личной точки зрения; 3) оценивающий субъект может испытывать трудности с вербализацией своих мыслей. Данные основания оценки формируют значения прилагательного СТРАННЫЙ и его «семантических соседей», выделенные в словарях. Но во всех рассмотренных случаях оценивающий субъект ощущает некое отклонение от нормы, нечто «иное», «другое» по сравнению со стереотипом. Это и есть тот самый инвариантный, общий смысл, объединяющий значение прилагательного СТРАННЫЙ со значениями других членов составленной парадигмы.

Сформированная по текстам Ф.М. Достоевского ЛСП 'СТРАННЫЙ' по содержанию совпадает с составленной лексикографической парадигмой. Прилагательное СТРАННЫЙ обозначает особое состояние, которое остается у оценивающего субъекта после встречи с чем-то отклоняющимся от нормы, а вот причины этой инаковости, отклонения от нормы различны. Субъект оценки видит нечто иное, не соответствующее его представлениям, общепринятым взглядам, логике развития мысли или же просто не соответствующее привычной форме выражения, что и порождает оценочное суждение. Исходя из этого, можно объяснить возникновение отрицательных коннотаций у прилагательного СТРАННЫЙ и его «семантических соседей»: 'иной, другой – это еще и чужой, не такой как я, а потому неприняемый'.

Как уже было сказано выше, формирование ЛСП, организованной прилагательным СТРАННЫЙ, помогает не только уточнить семантику исследуемой лексической единицы по сравнению со словарными дефинициями, но и раскрыть мировидение автора, смоделировать тот мир, в который он помещает своих персонажей. Обладая общим смысловым компонентом, который направляет их сочетаемость, выделенные прилагательные создают особую атмосферу произведения: персонажи словно помещены в некий странный и чуждый мир, в иную реальность, в которой все отклоняется от нормального положения вещей.

4.4.2. Периферийные элементы лексико-семантической парадигмы 'СТРАННЫЙ' в текстах Ф.М. Достоевского.

При прочтении романов Достоевского обращает на себя внимание особая связь странности, инаковости, отклонения от нормы с болезненным состоянием героев. Болезнь преображает, делает главных героев странными и непонятными для других персонажей, поведение которых не выходит за привычные рамки жизни. Более того, болезнь заставляет князя Мышкина, Рогожина, Ипполита, Раскольникову, Ивана Карамазова и других персонажей смотреть на мир иными глазами. Действительность воспринимается ими искаженно, везде и всюду нарушается нормальный порядок вещей, даже самые обыкновенные поступки, события, а иногда и предметы становятся странными, необычными, удивительными. Болезнь выводит героя в иную реальность, помогает достичь «высшего синтеза жизни». Вот как автор передает мысли и ощущения князя Мышкина непосредственно перед эпилепсией: *Ощущение жизни, самосознания почти удесятерилось в эти мгновения, продолжавшиеся как молния. ... он часто говорил сам себе: что ведь все эти молнии и проблески высшего самоощущения и самосознания, а стало быть, и «высшего бытия», не что иное, как болезнь, как нарушение нормального состояния... ; ...это напряжение ненормальное ... оказывается в высшей степени гармонией, красотой, дает*

неслыханное и негаданное дотоле чувство полноты, меры, примирения и восторженного молитвенного слияния с самым высшим синтезом жизни...

В анализируемых произведениях присутствует большое количество прилагательных, которые выступают почти как синонимы слова СТРАННЫЙ и обозначают отклонение от нормы, ненормальное, необычайное состояние, граничащее с физическим или психическим расстройством. При этом их основное значение (медицинское, обозначение людей, страдающих различными психическими заболеваниями) отодвигается на второй план. Эти слова могут составить периферию формируемой лексико-семантической парадигмы: БОЛЕЗНЕННЫЙ, ИСТЕРИЧНЫЙ, СУМАСШЕДШИЙ, ЛИХОРАДОЧНЫЙ, ПРИПАДОЧНЫЙ, ПОМЕШАННЫЙ. Рассмотрим их функционирование на конкретных примерах.

БОЛЬНОЙ, БОЛЕЗНЕННЫЙ ('ненормальный, неестественный, не такой, как всегда, непривычный')

Роман «Идиот»: *...только мне показалось, что в нем много страсти, и даже какой-то больной страсти («больная страсть» - ненормальная, неестественная; данное оценочное прилагательное в сочетании с неопределенным местоимением свидетельствует о трудностях в выражении чувств и эмоций говорящего); Но только что он заметил в себе это болезненное и совершенно бессознательное движение... (неестественное, непривычное); *Ведь он и в самом деле чувствует себя сегодня в особенно болезненном настроении...* (необычном, не таком как всегда, а, следовательно, до крайности раздраженном); *... Лебедев ... довел любопытство своего слушателя до болезненного нетерпения...* (неестественное, непривычное, вызывающее отрицательные эмоции); *...князь, бывший и сам в чрезвычайном и болезненном напряжении; Все стояли в недоумении от этой неожиданной, болезненной и, казалось бы, во всяком случае беспричинной выходки* (необычная, вызывающая удивление, неестественная); *...чрезвычайное одушевление ... под**

конец достигло высшей степени, как и болезненное впечатление на слушателей. (автор говорит о чтении Ипполитом его «объяснения»).

Роман «Братья Карамазовы»: *Это были почти болезненные случаи: развратнейший и в сладострастии своем часто жестокий, как злое насекомое, Федор Павлович вдруг ощущал в себе иной раз, пьяными минутами, духовный страх и нравственное сотрясение...; Это был злобный, холодный и насмешливый человек, к тому же с болезненными антипатиями (речь идет о купце Самсонове); - *Кликнул!* – прокричала она [Грушенька], *вся бледная, с перекосившимся от болезненной улыбки лицом...; Брата он [Алеша] нашел тогда в беспокойстве, в болезненном волнении; - Так и не поцеловала ручку! Так и не поцеловала, так и убежала!* – *выкрикивал он [Митя] в болезненном каком-то восторге...**

Роман «Униженные и оскорбленные»: *...он [старик Смит] всегда болезненно поражал меня ...*

Роман «Преступление и наказание»: *... проговорил он [Раскольников] медленно и слабо, с искривившимися в болезненную улыбку губами...; Он [Раскольников] остановился, подумал, и болезненная улыбка выдавилась на губах его; Но даже и в эту минуту он [Раскольников] предчувствовал, что вся эта восприимчивость к лучшему была тоже болезненная.*

СУМАСШЕДШИЙ.

Роман «Идиот»: *Сумасшедшая? Ведь сумасшедшая?; Точно сумасшедшая она была весь тот день...; Она сумасшедшая! Помешанная!; Какая же сумасшедшая? как же она для всех прочих в уме, а только для тебя одного помешанная?*

Во всех контекстах, где употребляется прилагательное СУМАСШЕДШИЙ, речь идет о Настасье Филипповне. Интересно обратить внимание на последний пример – реплику Рогожина из разговора с князем Мышкиным. Дело в том, что герои по-разному понимают слово СУМАСШЕДШИЙ: Рогожин употребляет его в прямом смысле (с точки зрения

медицины Настасья Филипповна находится в своем уме, ее нельзя признать душевнобольной), а князь – в смысле ‘странный, ненормальный, неестественный, не такой, как всегда’ (поступки Настасьи Филипповны шокируют общественность).

ПОМЕШАННЫЙ.

Роман «Идиот»: ... он был уверен, ... что эта женщина – помешанная. (точка зрения князя на Настасью Филипповну); Она сумасшедшая! Помешанная! (о Настасье Филипповне); Она помешанная... (о Настасье Филипповне); ... эта «помешанная»... забрала себе в голову во что бы то ни стало меня за князя Льва Николаича выдать... (генерал говорит о Настасье Филипповне); Разве вы не видите, князь, что это помешанный? (Евгений Павлович о Лебедеве). Последний пример очень показательный: с точки зрения всех присутствующих и самого Евгения Павловича, поступки и речь Лебедева странны, неестественны, ненормальны, но князь, который сам смотрит на мир иными глазами, не замечает этой странности.

ИСТЕРИЧЕСКИЙ.

Роман «Идиот»: В странных же ... выходках Настасьи Филипповны, ... в ее истерическом и беспредметном смехе... трудно было и понять что-нибудь (точка зрения всех присутствующих на вечере); ...набросилась вдруг Аглая на Лизавету Прокофьевну, уже в том истерическом состоянии, когда не смотрят ни на какую черту и переходят всякое препятствие.

Роман «Братья Карамазовы»: На их лицах читалось истерическое, жадное, болезненное почти любопытство.

ЛИХОРАДОЧНЫЙ.

Роман «Идиот»: Она сидела молча, в лихорадочном ожидании... (точка зрения присутствующих на вечере на Настасью Филипповну); ...одушевление его [Ипполита] было только лихорадочное... (ненормальное, неестественное, не подходящее к делу воодушевление).

Роман «Преступление и наказание»: *И необыкновенная лихорадочная и какая-то растерявшая суета охватила его вдруг, вместо сна и оцепенения.*

ПРИПАДОЧНЫЙ.

Роман «Идиот»: *Все заметили, что после своего недавнего припадного смеха, она [Настасья Филипповна] вдруг стала даже угрюма...*

Важно отметить, что прилагательные ПРИПАДОЧНЫЙ, ЛИХОРАДОЧНЫЙ, ИСТЕРИЧЕСКИЙ в данных контекстах нельзя воспринимать чисто в медицинском значении (то есть ‘свойственный человеку, который находится в состоянии глубокого нервного срыва’), поскольку нет никаких доказательств помешательства того или иного героя. Однако окружающие присваивают им подобные оценки из-за сильно отличающегося поведения, которое переходит установленные обществом рамки. Таким образом, основной компонент значения выделенных единиц – также ‘отклоняющийся от нормы’, но только резкое отличие от нормального состояния объясняется воздействием болезни, которая сама по себе является отклонением от нормы.

Итак, периферийными элементами формируемой ЛСП можно считать прилагательные, утратившие в контексте свое первоначальное значение и выступившие в качестве синонима прилагательного СТРАННЫЙ. Надо сказать, что подобные парадигматические отношения не фиксируются словарями, однако в «Словаре языка Достоевского» отмечены ассоциативные отношения прилагательного СТРАННЫЙ с такими лексическими единицами, как БОЛЬНОЙ и БОЛЕЗНЕННЫЙ.

ЛСП ‘СТРАННЫЙ’, составленная на материале романов Ф.М. Достоевского, обладает сложной структурой:

а) ближайшие «семантические соседи» прилагательного СТРАННЫЙ: ОСОБЕННЫЙ (ОСОБЫЙ), НЕОБЫКНОВЕННЫЙ, УДИВИТЕЛЬНЫЙ, ОРИГИНАЛЬНЫЙ, ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ, ЧУДНОЙ, НЕЕСТЕСТВЕННЫЙ, ЭКСЦЕНТРИЧЕСКИЙ (ЭКСЦЕНТРИЧНЫЙ), НЕЛЕПЫЙ, ЗАГАДОЧНЫЙ, НЕВЕРОЯТНЫЙ;

б) периферийные элементы множества, которые утратили свое первоначальное значение, связанное с медициной, и в исследуемых текстах имеют то же самое инвариантное значение 'отклоняющийся от нормы': БОЛЕЗНЕННЫЙ, СУМАСШЕДШИЙ, ПОМЕШАННЫЙ, ИСТЕРИЧЕСКИЙ, ЛИХОРАДОЧНЫЙ, ПРИПАДОЧНЫЙ.

Отметив то, с какой частотой возникают в речи персонажей оценочное прилагательное СТРАННЫЙ и члены организованной им ЛСП, приходим к следующему выводу: персонажи романа делят окружающую действительность на мир обычный, привычный, понятный (а значит, с их точки зрения, «хороший») и мир нерациональный, полный всего неестественного, непонятный («плохой, неприемлемый»). Создается впечатление, что персонажи живут в «нетерпимом» мире, каждый из представителей которого не может спокойно (говоря языком современной западной философии, «толерантно») относиться ко всему, что не совпадает с его личными взглядами или общепринятой точкой зрения.

4.5. Сюжетно-композиционная роль прилагательного СТРАННЫЙ в романах Ф.М. Достоевского.

Высокая частота употребления прилагательного СТРАННЫЙ в анализируемых текстах свидетельствует о значительной роли данного слова в выявлении авторского замысла и моделировании той действительности, в которой живут персонажи Достоевского. Как упоминалось ранее, частое употребление той или иной лексической единицы указывает на принцип лейтмотивного построения повествования, т.е. такой принцип, при котором «некоторый мотив, раз возникнув, повторяется затем множество раз, выступая при этом каждый раз в новом варианте, новых очертаниях и во все новых сочетаниях с другими мотивами» [Гаспаров 1994]. В текстах романов «Идиот» и «Преступление и наказание» в роли подобного лейтмотива, повторяющегося на протяжении всего повествования и играющего особую роль для раскрытия

авторского замысла, выступают прилагательное СТРАННЫЙ, а также члены организованной им ЛСП с инвариантным значением 'отклоняющийся от нормы'. Для того чтобы выяснить, какова организующая роль прилагательного СТРАННЫЙ в формировании сюжета произведения и раскрытии авторского замысла, рассмотрим, чья позиция представлена в каждом конкретном употреблении исследуемого слова и тем самым определим роль прилагательного СТРАННЫЙ в построении художественного произведения на примере романов Ф.М. Достоевского «Идиот» и «Преступление и наказание».

4.5.1. Субъект оценочного суждения с прилагательным СТРАННЫЙ в системе персонажей романа «Идиот».

Все контексты употребления прилагательного СТРАННЫЙ в романе «Идиот» были расклассифицированы в зависимости от того, кто является субъектом оценочного суждения, то есть чьими глазами читатель видит мир, изображенный в произведении. Важно учесть тот момент, когда повествователь принимает точку зрения того или иного персонажа, что не только раскрывает авторское мировидение, но и дает представление о месте данного героя в мире произведения.

Более того, выбор определенного знака в оценочном суждении может многое сказать о самом субъекте оценки. По мнению Л.О. Чернейко, «выбранный говорящим знак становится самостоятельным, самодостаточным источником информации для слушающего. ... Действительно, слушающий может извлечь из высказывания больше информации, чем предполагал вложить в него говорящий, в частности информацию о самом говорящем» [Чернейко 1996: 51]. Информация о том, что за персонаж является субъектом оценочного суждения с прилагательным СТРАННЫЙ, дает читателю и исследователю сведения о самом персонаже, предоставляет дополнительные штрихи к его портрету. Именно поэтому важно расклассифицировать все случаи

употребления прилагательного СТРАННЫЙ в зависимости от того, с чьей точки зрения рассматривается та или иная ситуация, характеризующаяся как странная.

Прилагательное СТРАННЫЙ может употребляться: а) в речи главных героев романа (прежде всего князя Мышкина); б) в речи остальных персонажей; в) в речи повествователя.

По традиции исследователи художественного текста выделяют в нем два типа повествования в зависимости от субъекта речи: перволичное и третьеличное [Бенвенист 2002, Успенский 1970, Падучева 1996]. По мысли О.Е. Фроловой, «в перволичном повествовании диктум погружен в модус», поскольку наблюдатель фиксирован, субъекты речи и модуса совпадают [Фролова 2011: 169]. Это восходит к мысли Ш. Балли, который отметил господство модуса над диктумом при перволичном повествовании, когда объективная реальность предстает перед нами только в одном ракурсе [Балли 2001: 44]. Третьеличное повествование (традиционный нарратив) характеризуется тем, что «позиция субъекта речи, находящегося вне текста, позволяет свободно передвигаться по нему» [Фролова 2011: 169]. Необходимо заметить, что в романе «Идиот» повествователь не совпадает ни с одним из персонажей, не участвует непосредственно в событиях, то есть не является рассказчиком. Однако нельзя сказать, что у Достоевского мир предстает «никем не изображаемым, как бы сам по себе», что – по мысли Е.В. Падучевой – характерно для традиционного нарратива [Падучева 1995: 42]. Напротив, во многих контекстах автор «помещает свой «наблюдательный пункт» в субъектную сферу воспринимающего» [Золотова 1998: 238]. Точка зрения повествователя очень часто совпадает с позицией других персонажей, главным образом – князя Мышкина. Повествователь как бы смотрит на мир глазами своих героев, с которыми он солидарен в оценке ситуации, обозначаемой как странная. Персонажи романа предстают не только как воспринимающие, но и как мыслящие, чувствующие. «В этом случае автор попадает во внутренний мир героя, в его мысли» [Там же: 239]. В других случаях автор обнаруживает «свою

«внесобытийную» точку зрения» [Там же: 244], что предполагает взгляд со стороны на события, изображенные в тексте. Подобная смена наблюдателей при третьеличном повествовании, или «модусное переключение», была описана в статье В.В. Виноградова «Стиль “Пиковой дамы”» [Виноградов 1980].

Прилагаемая классификация контекстов употребления прилагательного СТРАННЫЙ и его синтаксических дериватов «субъектная», она позволяет сгруппировать все оценочные суждения одного персонажа и тем самым определить, что в наблюдаемом и переживаемом им мире ему таковым представляется.

I. Точка зрения князя Мышкина как главного действующего лица романа:

Тут одно обстоятельство странное было, - странное тем, ... что случай такой очень редко бывает (Странное как редкое, т.е. непривычное, не такое как всегда → другое); *Я, может быть, иногда очень странно говорю...* (Непонятно, запутанно, князь пытается посмотреть на себя с точки зрения окружающих лиц); *Странно, что редко в эти самые последние секунды в обморок падают!* (О смертной казни; странно, т.е. удивительно, необъяснимо, отклонение от ожидаемого); *...Шнейдер мне высказал одну очень странную свою мысль... что я сам совершенный ребенок...* (Непонятная мысль, удивительная); *Как ты странно спрашиваешь и... глядишь!* (Князь о Рогожине; странно – не так как всегда, по-другому); *Да дай же я хоть обниму тебя на прощанье, странный ты человек!* (Князь о Рогожине; поведение странное, т.к. отличается от обычного поведения того или иного человека); *Я как будто смешиваю... Как это странно!* (Состояние князя перед припадком эпилепсии; странные, едва уловимые, смутные мысли, князь фиксирует свое необычное состояние, не такое как обычно); *Я не краснею, - потому что от этого странно же краснеть, не правда ли?* (Князь придерживается общепринятой точки зрения); *Как это странно! Как это странно!* (Неуловимые, еще не оформившиеся мысли князя по поводу происшедшего – герой испытывает трудности в вербализации собственных идей); *Я боюсь вам ответить; все это очень странно; но...* (Ответ

князя на высказывание Евгения Павловича об Ипполите; князю сложно дать разумное объяснение слишком непривычным и необычным событиям); *Это был только сон... странно, что в такую минуту такой сон...* (Князь про сон о Настасье Филипповне, который снился ему перед встречей с Аглаей; вновь невозможность дать логическое объяснение событиям); *И что у вас [Лебедева] за повадка так... странно поступать? Ведь вы... просто шпион!* (Оценка СТРАННО приобретает резкую отрицательную коннотацию).

Проанализировав данные контексты, приходим к выводу, что очень многое в окружающей действительности кажется князю странным, отклоняющимся от нормы: действия, поведение окружающих, обстоятельства жизни, мысли и внешний вид людей. Особенно явно ощущение странности всего происходящего проявляется перед тем, как у героя начинается приступ эпилепсии: в это время он отделяется от окружающей действительности, мира обыкновенных людей. Больное сознание искажает реальность, переносит героя в мир, где все по-другому, где крайне сложно вместить происходящее в рамки нормы. Однако в нормальном состоянии князь пытается в своих оценках придерживаться общепринятой точки зрения. И это еще больше отделяет его от остальных персонажей: герой ощущает, насколько его поведение не соответствует общепринятым нормам, непонятно и нелогично: *Я, может быть, иногда очень странно говорю...; Я не краснею, - потому что от этого странно же краснеть, не правда ли?* Князь пытается придерживаться общепринятой точки зрения, однако, если бы это было для героя нормой поведения, он не стал бы акцентировать на данном моменте внимание.

Как было сказано ранее, если что-либо отклоняется от общепринятых норм, установленных обществом, большинство действующих лиц расценивает это как странное, причем оценка сразу приобретает отрицательные коннотации. Формируется следующий механизм вынесения оценки: 'не такой, как я/не такой, как у меня' → 'непонятость' → 'неприятность'. Князь же смотрит на данную ситуацию как бы наоборот: многое из того, что ему кажется странным, что

отклоняется от нормы, принадлежит другому миру – обычному, где действуют общепринятые нормы. Но та, обыкновенная реальность чаще всего выступает для него со знаком плюс. Герой остро переживает свое отличие от большинства, но в то же время не может не противопоставлять себя миру, хотя это и доставляет ему неприятности, делая его чужим, «иным» для окружающих. Таким образом, во многих контекстах оценка СТРАННЫЙ, вложенная в уста князя Мышкина, лишена отрицательных коннотаций (например, в его обращении к Рогожину: *Да дай же я хоть обниму тебя на прощанье, странный ты человек!*).

II. Точка зрения других персонажей романа:

Генерал Епанчин: *...одет странно, как-то по-немецкому...* (одет странно – т.е. не так, как все, непривычный внешний вид; в данной оценке просматривается элемент отчужденности, неприязни: не такой, как я и как все → чужой → неприязненное отношение; более того, на основании данной оценки можно сделать вывод о том, что генерал – крайне традиционный в своих взглядах и убеждениях человек, склонный резко отрицательно относиться ко всему чужому, в том числе иностранному, непривычному; генералу неподвластно проникновение в «другой» мир, где автор поместил большинство своих главных действующих лиц); *Странные вы все какие-то люди стали, со всех сторон...* (о своем семействе и князе; не такие, как всегда, непонятные для него; генерал не в состоянии понять смысл некоторых поступков и поведение окружающих его людей, поэтому он дает соответствующую оценку, сопряженную с неприятием всего происходящего); *Все это как-то странно стряслось* (о неприятном случае с Евгением Павловичем; вновь данная оценка содержит негативный компонент); *Только смотрю, представляется что-то странное: сидит она, лицо на меня уставила, глаза выпучила, и ни слова в ответ, и странно, странно так смотрит, как бы качается* (рассказ генерала о смерти старухи, в речи героя применяется прием остраннения: ситуация смерти представлена как отклоняющаяся от нормы жизненная ситуация).

Лизавета Прокофьевна: *Это странно* (так Лизавета Прокофьевна отзывается о князе, который сидел в передней, ожидая приема у Ивана Федоровича; странным генеральша считает любое отклонение от общепринятых норм поведения; Лизавета Прокофьевна также принадлежит вполне обычному миру, населенному ординарными людьми, где любое отклонение от нормы вызывает резкую неприязнь).

Ганя: *...там на меня теперь ... по одному совершенно странному обстоятельству...и смешному...немножко сердятся...*(Ганя объясняет князю обстоятельства его размолвки с Епанчинными; в значение слова СТРАННЫЙ вносится дополнительный смысл 'непонятный, нелогичный'; более того, для Гани - самого что ни на есть «ординарного» человека (как позже заметил князь Мышкин) – любое непонятное явление приобретает характер абсурдного, даже нелепого, что подтверждает употребление в данном контексте прилагательного СМЕШНОЙ).

Варя: *Я и прежде о ней тоже много странного слышала* (так Варя отзывается о Настасье Филипповне; значение прилагательного – 'необычное, удивительное, нетипичное поведение'; также прибавляется дополнительный отрицательный смысл: странное как нечто предосудительное).

Коля: *Странно, что вы от него чего-нибудь ожидали* (Коля разговаривает с князем о своем отце – генерале Иволгине; странно в значении 'непонятно, неясно, необъяснимо').

Настасья Филипповна: *А правду, стало быть, про вас говорят, что вы человек странный* (Настасья Филипповна о князе; не такой, как все, неординарный, отличный от других. Важно то, что Настасья Филипповна дает оценку не самостоятельно, а ссылается на слова окружающих людей, на общее сложившееся мнение о князе Мышкине; с ее же точки зрения князь несколько не странен, а, наоборот, принадлежит к тому же миру, что и сама героиня. Настасья Филипповна подтверждает, что князь Мышкин не такой, как все, но это не влечет за собой негативную оценку).

Евгений Павлович: *Так... вот вы как, однако, странно...* (Евгений Павлович о поведении князя Мышкина; странно, т.е. необычно, неординарно, удивительно; вновь обращает на себя внимание негативный компонент значения, присутствующий в оценке); *Я ведь в точности знаю всю эту странную скандальную сцену, происшедшую у Настасьи Филипповны, когда Рогожин принес свои деньги.*

Князь Щ.: *Чрезвычайно странные люди* (мнение князя о семействе Епанчиных; не такие, как все, отличающиеся от высшего общества нетипичным поведением).

Ипполит: *Но мне как будто казалось временами, что я вижу, в какой-то странной и невозможной форме, эту бесконечную силу, это глухое, темное и немое существо* (сознание героя наполовину замутнено и искажено болезнью, отсюда возникают трудности в вербализации тех или иных мыслей, болезнь, искажающая сознание Ипполита, также переносит его в некий неординарный и непривычный мир); *Нельзя оставаться в жизни, которая принимает такие странные, обижаящие меня формы* (странная жизнь – не просто отклоняющаяся от нормы, но и глубоко неприятная герою, неприемлемая для него).

Сановник на вечере в княгини Белоконской: *Не с этим ли Павлицевым история вышла какая-то... странная... с аббатом... забыл, с каким аббатом, только все тогда что-то рассказывали* (снова оценка СТРАННЫЙ приобретает отрицательную коннотацию: ‘отклоняющийся от нормы → неприемлемый, неприятный’);

Лебедев: *Всякий имеет свое беспокойство, князь, и... особенно в наш странный и беспокойный век* (герой дает соответствующую оценку не эпохе, а современным ему людям).

Проанализировав приведенные примеры, можно сделать вывод, что наиболее часто субъектами оценочного суждения с прилагательным СТРАННЫЙ являются самые что ни на есть обычные персонажи романа, такие,

как генерал Епанчин, Лизавета Прокофьевна, Евгений Павлович. Суждения и оценки этих действующих лиц координируются правилами и нормами, установленными обществом. Все, что так или иначе отклоняется от установленных стереотипов, кажется им непривычным или нелогичным, непонятым, расценивается как странное. Чаще всего подобные оценки в устах данных персонажей сопровождаются отрицательными коннотациями. Данные персонажи явно отдалены от «странного» мира, в котором живут главные герои Достоевского. Тот непонятный и непривычный мир для них неприемлем. Показательно, что чаще всего как странный оценивается князь Мышкин, что еще больше подчеркивает его чужеродность, отделенность от обычного мира. Следует отметить, что в рассмотренных употреблениях прилагательного СТРАННЫЙ практически не просматривается смысл ‘смутный, неявный, с трудом поддающийся вербализации’ (за исключением единичных контекстов (*история вышла какая-то... странная...*), где употребление неопределенного местоимения вызвано нежеланием распространяться о ситуации или же нехваткой информации о ней). Это свидетельствует о трезвом взгляде данных персонажей на окружающую действительность. Для них существуют всего два основания для подобной оценки: объект оценки непривычен, нетипичен (1) // непонятен (2) → не такой, как я → неприятие. Также показательным моментом является почти полное отсутствие контекстов, где прилагательное СТРАННЫЙ вложено в уста других главных героев Достоевского – Настасьи Филипповны и Рогожина, когда они оценивают князя Мышкина. Это свидетельствует об их духовной близости с князем, которого они не воспринимают как личность странную и вызывающую неприязнь [Шилова 2015: 411-412]. Таким образом, Настасья Филипповна и Рогожин принадлежат тому же миру, что и князь Мышкин, – особому, никому не понятному.

III. Точка зрения повествователя (все контексты можно разделить по группам, на основании того, смотрит ли повествователь на мир глазами того или иного персонажа или же обнаруживает свою внесобытийную точку зрения):

а) повествователь смотрит на мир с позиции стороннего наблюдателя, представляя как бы общий взгляд на ситуацию всех свидетелей того или иного события или же высказывает общепринятую точку зрения по данному вопросу: *Во взгляде их [глаз] было что-то тихое, но тяжелое, что-то полное того странного выражения, по которому некоторые угадывают с первого взгляда в субъекте падучую болезнь* (автор наблюдает за князем с точки зрения обычного человека, едущего в поезде); *А князь и сам вошел робко, чуть не оцупью, странно улыбаясь, засматривая всем в глаза и всем как бы задавая вопрос...* (автор занимает позицию всех присутствующих в комнате); *Дня два после странного приключения на вечере у Настасьи Филипповны, которым мы закончили первую часть нашего рассказа...* (автор выражает общепринятое мнение, которое уже успело сложиться у общественности по поводу происшествия на вечере у Настасьи Филипповны); *Он [князь Мышкин] увидел со странным изумлением, что все уселись и даже смеются, точно ничего не случилось* (изумление князя странно не для него самого, а для всех присутствующих); *Кончилось тем, что про Настасью Филипповну установилась странная слава: о красоте ее знали все, но и только...* (автор высказывает общепринятое мнение); *Был знаком один молодой и странный человек, по фамилии Птицын...* (несколько не соответствующий стереотипам, которые установлены обществом, человек); *... обе женщины, прежде чем протянули друг другу руки, обменялись странными взглядами* (речь идет о Настасье Филипповне и Варе; автор словно незримо находится в толпе присутствующих и наблюдает за сценой между Настасьей Филипповной и семьей Гани; в то же время он представляет позицию всех свидетелей происшествия); *Визит оказался чрезвычайно странный* (визит Рогожина – странный, т.е. неожиданный, из ряда вон выходящий, неприемлемый для всех присутствующих в квартире Гани); *Странным и укоряющим взглядом поглядел он Гане прямо в глаза; губы его дрожали... какая-то странная и совершенно неподходящая улыбка кривила их* (автор смотрит на князя глазами всех

свидетелей данного происшествия); ...*проглядывали в ней и еще некоторые совершенно странные наклонности: заявлялась какая-то варварская смесь двух вкусов...способность удовлетворяться такими вещами..., которых и существование нельзя бы, кажется, было допустить человеку порядочному и тонко развитому* (о Настасье Филипповне; автор представляет общепринятую точку зрения, согласно которой наклонности героини отклоняются от нормы поведения «порядочных и тонко развитых лиц», т.е. ординарных, обычных людей, живущих в рамках установленных обществом норм); *В странных же, иногда очень резких и быстрых выходках Настасьи Филипповны... в ее истерическом и беспредметном смехе,... трудно было и понять что-нибудь* (автор принимает позицию всех присутствующих на вечере у Настасьи Филипповны); *Она продолжала сидеть и некоторое время оглядывала всех странным, удивленным каким-то взглядом, как бы не понимая и силясь сообразить* (точка зрения присутствующих на вечере); ... *странное волнение его возрастало с каждым словом* (автор об Ипполите с точки зрения всех присутствующих); ... *Рогожин горько и желчно осклабился и медленно произнес странные слова... слова произвели довольно странное впечатление на всех...* (автор с позиции всех присутствующих).

Автор проявляет себя только через повествователя. Это его обличье, маска в данном произведении. И по этому обличью мы можем судить об авторском видении романа. Повествователь в романе часто будто бы переносится в самую гущу событий и наблюдает происходящее глазами присутствующих, становится, по М.М. Бахтину, «незримым третьим» [Бахтин 2014]. Наряду с этим именно автор является выразителем общепринятого, устоявшегося в обществе мнения о том или ином человеке. Ставя повествователя на позицию члена изображаемого социума, автор помогает нам более явственно увидеть черту, разграничивающую два мира: мир обычных, ординарных, ничем не примечательных людей и «иную» реальность, в которую Достоевский помещает своих главных действующих лиц. Именно они – князь Мышкин,

Настасья Филипповна, Рогожин, Ипполит (также один из идейных центров романа) – становятся адресатами оценочных суждений других персонажей. Создается впечатление, что присутствующие при том или ином событии люди наблюдают актеров, играющих на сцене. Настолько чуждыми кажутся им сами главные герои романа.

б) повествователь смотрит на мир с позиции главного действующего лица – князя Мышкина: *У него начинала мелькать одна странная идея, впрочем еще не совсем ясная (странная идея – смутная, неопределенная, князь не способен ее точно сформулировать); Странная красота! (о Настасье Филипповне; странная красота – необычная, не такая, как у всех); *Аглая остановилась, взяла записку и как-то странно поглядела на князя* (странный взгляд – непривычный, не такой, как всегда); *... но странное обстоятельство остановило его [князя] на минуту; ... тот [князь] случайно обернулся к нему [Рогожину] и остановился под впечатлением чрезвычайно странного и тяжелого его взгляда; Некоторая резкая порывчатость и странная раздражительность вопроса, ... еще более поразили князя (князь о Рогожине); ... висела одна картина, довольно странная по своей форме... (о картине Ганса Гольбейна); ...рассеянность и особое, странно-раздражительное настроение, так внезапно обнаружившиеся в Рогожине...; ...пробормотал он [Рогожин], как-то странно вдруг засмеявшись; ...он вдруг как бы что-то припомнил, как бы что-то внезапно сообразил, очень странное, что-то уж долго его беспокоившее; Насчет Евгения Павловича Ганя распространился опять-таки сам, ...что было очень странно...; ...посмотрел он [Ипполит] на него [князя], странно засмеявшись; ...но странно, - у ней было теперь как будто совсем не такое лицо... (мысли князя о Настасье Филипповне); *Не можем не упомянуть об одном странном ощущении, поразившем его [князя Мышкина] именно в это самое мгновение и вдруг ему выяснившемся из толпы всех других смутных и странных ощущений: не стыд, не скандал, не страх, не внезапность поразили его больше всего, а сбывшееся пророчество!* (автор, проникая в сознание князя, где царят смутные и странные**

ощущения, вербализует его мысли); *Странно: то был он* [князь Мышкин] *чрезвычайно заметлив, то вдруг становился рассеян до невозможности* (князь сам замечает за собой такую странность, не свойственную ему в здоровом состоянии); *Странно, уже несколько ночей сряду с ним* [князем Мышкиным] *была лихорадка... всю ночь он представлял себя в каком-то чудном и неслыханном обществе, между какими-то странными людьми* (автор проникает в бессознательную область сновидений).

Проникая в сознание героя, автор выводит наружу и делает доступной для читателя его саморефлексию. Князь бесконечно анализирует свое состояние, особенно перед самым началом эпилептического приступа, когда его сознание крайне обострено. Первые признаки болезни искажают мир, который окружает героя. В здоровом состоянии князь, остро ощущающий свое отличие, отчужденность от других людей, все же пытается смотреть на мир с общепринятых позиций (именно поэтому непонятный и чужой мир не получает резко отрицательных оценок со стороны князя). Однако перед лицом болезни окружающий мир приобретает все более непонятные, неприемлемые для него формы. Князю кажется странным многое в своем состоянии, а также в окружающих людях. Показателен тот факт, что наиболее странными ему кажутся два главных персонажа романа – Настасья Филипповна и Рогожин. Князь подсознательно чувствует их отличие от прочих людей, принадлежность к своему – необычному, иному – миру. Парадокс заключается в том, что Рогожин и Настасья Филипповна князя странным не называют, а он их называет: для него странны все, даже «свои». Князь одинок настолько, что не принимает никого.

в) автор принимает точку зрения других персонажей романа: *...что отправлен был за границу по какой-то странной нервной болезни...* (точка зрения Рогожина на князя); *...странные мысли приходили ему при взгляде, например, на эти глаза...* (точка зрения Тоцкого на Настасью Филипповну); *...спросил князь, странным взглядом окинув Лебедева* (точка зрения Лебедева на князя); *Сказав*

это, он [князь] как-то странно и даже смешно улыбнулся... (точка зрения Евгения Павловича на князя); ... но взгляд его [князя] был слишком странен: казалось, он глядел на нее, как на предмет, находящийся от него за две версты... (точка зрения Аглаи на князя); Он [Келлер] еще не видывал князя в таком странном настроении... (точка зрения Келлера на князя); Аглая... вдруг предложила ему странный вопрос: сожжет ли он, в доказательство своей любви, свой палец тот час же на свечке? Гаврила Ардалионович был, говорят, ошеломлен предложением... (позиция Гаврилы Ардалионовича); Все семейство заявляло потом, что это был «на удивление» странный человек в этот день, так что, «может, тогда уже все и обозначилось» (рассказ семьи учительши о встрече с князем Мышкиным).

Можно сделать вывод, что, когда автор смотрит на мир глазами какого-либо персонажа, адресатом оценки становится чаще всего главный герой романа – князь Мышкин. Занимая позицию второстепенного действующего лица, автор отмечает отклонения от нормы в характере, внешнем виде, поведении главного героя. Этим князь Мышкин еще больше отдалается от окружающего мира, существует как бы в своей, «иной» реальности – иррациональной и непонятной для большинства «ординарных» людей. Стоит заметить, что оценка СТРАННЫЙ в большинстве выделенных контекстов соотносится с болезненным состоянием героя. Не принимая во внимание то, что главные герои резко отличаются от них и существуют как бы в параллельном мире, многие персонажи основанием для своей оценки делают болезнь – состояние, которое способно объяснить практически любое отклонение от нормы во внешнем виде, поведении, характере того или иного персонажа.

Итак, оценка СТРАННЫЙ, вложенная в уста князя Мышкина как главного героя романа «Идиот» и употребленная по отношению к нему другими персонажами, свидетельствует о его инакости, отделенности от окружающего мира. Инакость как философская категория определяется в «Философском энциклопедическом словаре» следующим образом: ИНАКОСТЬ – важное

понятие метафизики Платона, ... где он поставил вопрос о точном определении какой-либо вещи (чего-то «одного») и ее отличии от иного.

Данная категория рассматривается как «феномен, онтологически связанный с человеком и языком», универсальный для разных языков [Кислякова 2011: 9]. В русском языке семантическое поле 'ИНОЙ' объединяет в себе множество языковых элементов, для которых в качестве категоризирующего выступает семантический признак 'не такой, отличный, другой': ИНОЙ, КТО-ТО ДРУГОЙ и т.д. [Там же]. Одним из словесных знаков, выражающих данный инвариантный смысл, является прилагательное СТРАННЫЙ и члены организованной им ЛП.

Словари синонимов приводят в качестве синонимов к существительному ИНАКОСТЬ слова НЕТРАДИЦИОННОСТЬ, НЕОРДИНАРНОСТЬ. Однако в современном мире инакость порождает прежде всего нетерпимость. Практически ставится знак равенства между словами ИНОЙ и НЕТЕРПИМЫЙ, НЕПРИЕМЛЕМЫЙ, ЧУЖОЙ. Подтверждение можно найти в работе У. Эко «Пять эссе на темы этики»: «Возьмем американский случай political correctness. Этот принцип призван насаждать толерантность и признание любой инакости» [Эко 2000: 141]. Отсюда следует, что толерантность есть признание инаковости. В свою очередь иное, другое чаще всего вызывает нетерпимое отношение. Это, по мнению У. Эко, заложено в нас на генетическом уровне: «... нетерпимость имеет корни биологические. ... Мы не переносим тех, кто отличается от нас...» [Там же: 143].

Таким образом, инакость напрямую связана с таким социальным феноменом, как нетерпимость, нетолерантность, говоря языком современной европейской социологии. Анализ сюжетно-композиционной роли прилагательного СТРАННЫЙ в тексте романа «Идиот» показывает, что мир персонажей Достоевского пронизан отношениями неприятия той или иной социальной группой несоответствия «другого» социальным нормам, стереотипам [Шилова 2014: 164]. Это подтверждается выводами Германа Гессе,

которые тот делает в своих размышлениях о романе «Идиот» и князе Мышкине в частности: «Но в чем причина того, что жизнь этого «идиота» невозможна в мире других людей? ... Почему они волей-неволей вынуждены его отвергать? ... Потому что «идиоту» свойственно мышление иное, чем у всех прочих людей. ... Он отрицает, этот кроткий «идиот», всю жизнь, весь мир и всю реальность других людей» [Гессе 2012: 296-297]. Такое мышление Гессе называет «магическим», иную действительность главного героя романа «призрачной», а сам князь Мышкин становится «врагом всех прочих людей» [Там же: 297]. Невозможность князя находиться среди совершенно чуждых ему людей, его инакость, вызывающая непонимание и неприятие окружающих, ведет к неизбежному финалу – смерти. Это согласуется с мнением Г.С. Померанца относительно образа Мышкина: «Мышкин должен погибнуть. Он слишком открыт всякой встрече и слишком редко встречается в людях Бога. Он слишком не защищен, чтобы жить среди этих людей» [Померанц 2013: 204].

Нередко странными кажутся всем остальным персонажам романа Настасья Филипповна и Рогожин, и прилагательное СТРАННЫЙ тоже звучит в их устах. Они тоже принадлежат «странной» действительности, иному миру. И этот вывод, основанный на сугубо лингвистическом исследовании сюжетно-композиционной роли прилагательного СТРАННЫЙ в тексте романа, также подтверждается литературоведческими изысканиями Гессе: «Есть еще несколько человек, очень сомнительных, ... они иногда понимают Мышкина, не умом, а скорее сердцем. Это Рогожин и Настасья» [Там же: 298-299]. Главные герои Достоевского – князь Мышкин, Рогожин, Настасья Филипповна, Карамазовы и другие – «вестники нового», «предтечи хаоса», «сорвавшиеся, странные, исключительные» люди, которых мы и «любим странной любовью, и находим в себе какие-то черты, которые роднят нас с этими людьми или напоминают нас» [Там же: 301]. Кстати говоря, Ю. Н. Караулов считает отклонение от нормы, аномалию (т.е. инаковость) чертами, онтологически присущими идиостилю Достоевского, в то же время расценивая их как

составляющие русского национального самосознания, русской идеи [Караулов 2014(б): 26].

4.5.2. Субъект оценочного суждения с прилагательным СТРАННЫЙ в системе персонажей романа «Преступление и наказание».

Прилагательное СТРАННЫЙ в романе может быть вложено в уста как повествователя, так и самих героев произведения. Причем необходимо отметить, что в «Преступлении и наказании» отсутствует рассказчик, т.е. персонаж, повествующий об истории и сам принимающий в ней непосредственное участие. Мы ощущаем присутствие незримого наблюдателя-повествователя, который может смотреть на сотворенную в произведении действительность как отстраненно, так и вживаясь в того или иного персонажа или же с точки зрения всех присутствующих.

Рассмотрим, чья точка зрения отражена в контекстах с прилагательным СТРАННЫЙ и его синтаксическими дериватами и как данные словоупотребления характеризуют персонажей и окружающий их мир.

I. Точка зрения Раскольниковова как главного персонажа романа:

А куда ж я иду? – подумал он вдруг. – Странно. Ведь я зачем-то пошел; Офицер опять захохотал, а Раскольников вздрогнул. Как это было странно; А теперь: голые стены, никакой мебели; странно как-то!; Квартира?.. – отвечал он рассеянно. – Да. Квартира много способствовала... я об этом тоже думал... А если б вы знали, однако, какую вы странную мысль сейчас сказали, маменька, - прибавил он вдруг, странно усмехнувшись; - Странно, - проговорил он медленно, как бы вдруг пораженный новой мыслью, - да из чего я так хлопочу? Из чего весь крик? Да выходи за кого хочешь!; Но в ту же минуту странными показались ему его собственное одушевление и охота, с которыми он проговорил последнее объяснение...; Это уже одно показалось Раскольникову как-то странным: он сейчас оттуда, а тут как раз про нее же; Бедная

Лизавета! Зачем она тут подвернулась!.. Странно, однако ж, почему я об ней почти и не думаю, точно и не убивал?

В тексте романа не так уж много диалогов, в которых участвует Раскольников. Еще до момента убийства он сконцентрирован только на себе, на своем внутреннем мире и ведет беспрестанные диалоги с самим собой на протяжении всего повествования. Мы наблюдаем своеобразное расщепление личности. Поэтому странными кажутся Раскольникову прежде всего его мысли, его чувства: он ощущает странность в якобы неслучайных совпадениях, и эти странности, которые он видит буквально во всем, кажутся ему дурными предзнаменованиями. Странное для Раскольникова – прежде всего тревожное, наполняющее душу смятением, преследующее. Станный мир, который гонит его от себя. Хохот офицера, внезапно опустевшая комната – во всем этом обычный человек не увидел бы ничего странного, для Раскольникова же это граничит с ужасом, подозрением, что скоро раскроется его тайна.

Часто Раскольников не может выразить словами то ощущение, которое охватывает его, понимая лишь, что теперешнее состояние для него ужасно: *Он смотрел на Соню и чувствовал, как много на нем было ее любви, и странно, ему вдруг стало больно и тяжело, что его так любят. Да, это было странное и ужасное ощущение! Важно, что редко кого из окружающих его людей Раскольников наделяет оценкой СТРАННЫЙ, возможно, потому, что редко кто вообще попадает в поле его зрения. Раскольников вроде бы находится рядом с людьми, однако его «странный» внутренний мир бесконечно далек от реальной действительности. Все это сопровождается болезнью на грани нервного срыва, что еще более искажает мир вокруг него. Когда в его жизни появляется Сонечка Мармеладова, она кажется Раскольникову странной, но без негативного смысла, вложенного в оценку. Сначала он пытается списать все на болезнь (*Себя ты не помнишь*), но затем понимает: странная Сонечка – такая же, как он, принадлежащая другому миру: - *Странная какая ты, Соня, - обнимаешь и целуешь, когда я тебе сказал про это. Себя ты не помнишь*; «Лизавета!*

Странно!» - подумал он. Все у Сони становилось для него как-то страннее и чудеснее с каждой минутой; Странно звучали для него эти книжные слова, и опять новость: какие-то таинственные сходки с Лизаветой, и обе – юродивые.

Лишь один раз Раскольников, вынося оценочные суждения с прилагательным СТРАННЫЙ, будто бы вырывается из своего замкнутого мира. Это происходит во время разговора со Свидригайловым и позднее. Все в Свидригайлове кажется Раскольникову странным – мерзким, пошлым, неестественным: Свидригайлов как-то странно посмотрел на него; ... проговорил он, скривя рот в какую-то странную улыбку...; Он очень странный и на что-то решился...; Вообще он мне очень странным показался и ... даже с признаками как будто помешательства....

II. Точка зрения повествователя.

Близость Сенной, обилие известных заведений и, по преимуществу, цеховое и ремесленное население, скученное в этих серединных петербургских улицах и переулках, пестрили иногда общую панораму такими субъектами, что странно было бы и удивляться при встрече с иною фигурой; ... жильцы, один за другим протеснились обратно к двери с тем странным внутренним ощущением довольства, которое всегда замечается, даже в самых близких людях, при внезапном несчастии с их ближним...; И действительно, это было странное зрелище, способное заинтересовать уличную публику.

Повествователь в «Преступлении и наказании», в отличие от романа «Идиот», редко занимает позицию всех присутствующих или же выражает своей оценкой некое общепринятое мнение. Гораздо чаще он выступает в роли незримого второго «я» Раскольникова, будто бы следит за ним, и читатель получает возможность увидеть героя со стороны, когда тот совершенно один, отметить его отличие от окружающих, столь часто подмечаемое другими персонажами: На какое дело хочу покуситься и в то же время каких пустяков боюсь! – подумал он с странною улыбкой; «Не рассудок, так бес!» - подумал он,

странно усмехаясь; Он стоял как бы в задумчивости, и странная, приниженная, полубессмысленная улыбка бродила на губах его.

Став вторым «я» Раскольников, повествователь проникает в его внутренние переживания, смотрит на мир вокруг его глазами, уже не являясь сторонним наблюдателем. Именно эти моменты, когда мы можем с поразительной точностью проследить малейшие изменения в состоянии героя, лучше всего раскрывают нам его внутренний мир, объясняют его поступки. Говоря устами Раскольникова, повествователь дает оценку СТРАННЫЙ практически всему, что окружает героя. Перед читателем рисуется странный мир, искаженный больным сознанием, действительность, в которой самые мелкие и привычные для нас детали обретают особый смысл, вселяя в персонажа тревожные ощущения. Однако Раскольников еще осознает, что он болен и что именно расстроенный ум столь сильно искажает реальность. Поэтому его мысли не кажутся ему истиной в последней инстанции, он осознает сумбурность и абсурдность своих идей, считая их странными: *Он думал и тер себе лоб, и, странное дело, как-то невзначай вдруг и почти сама собой после очень долгого раздумья, пришла ему в голову одна престранная мысль; Тут пришла ему в голову странная мысль: что, может быть, и все его платье в крови, что может быть много пятен, но что он их только не видит, не замечает, потому что соображение его ослабло, раздроблено... ум помрачен...; Странное дело: казалось, он вдруг стал совершенно спокоен; не было ни полоумного бреда, как давеча, ни панического страха, как во все последнее время. Это была первая минута какого-то странного внезапного спокойствия; ... странным показалось ему, что он не помнит, как мог он очутиться на улице...; Странно, лестница была как будто знакомая!; Но странно: она даже и не шевельнулась от ударов, точно деревянная (чем-то тревожным веет от необычного и неприятного сна Раскольникова); Он тяжело перевел дыхание, - но странно, сон как будто все еще продолжался....*

На протяжении всего повествования, когда Раскольников, совершив убийство, в полубессознательном бреду скитается по Петербургу, он будто бы совершает путь по странному миру, где все непривычно, необъяснимо, чуждо, – миру, который отталкивает его.

III. Точка зрения других персонажей романа, а также повествователя, смотрящего на мир их глазами.

Соня: *Раскольников странно посмотрел на нее; Соня нерешительно ступила к столу, недоверчиво выслушав странное желание Раскольникова (реакция на просьбу Раскольникова читать вместе Евангелие); *Даже потом, впоследствии, когда она припоминала эту минуту, ей становилось и странно и чудно: почему именно она так, сразу увидела тогда, что нет уже никаких сомнений?* (мнение о Раскольникове); ... *ответил он странно смотря на нее...* (мнение о Раскольникове); *И странно он так говорил: как будто и понятно что-то, но... «но как же! Как же! «О Господи!»* (мнение о Раскольникове).*

Свидригайлов: *Не рассердитесь, Родион Романович, но вы мне сами почему-то кажетесь ужасно как странным. Как хотите, а что-то в вас есть...* (мнение о Раскольникове).

Заметов: - *Как! Вы здесь?* – начал он с недоумением и таким тоном, как бы век был знаком, - *а мне вчера еще говорил Разумихин, что вы все не в памяти. Вот странно! Чтой-то какой вы странный... Верно, еще очень больны. - А я вам странным кажусь? - Да. - Фу, какой странный! – повторил Заметов очень серьезно. – Мне сдается, что вы все еще бредите. - Брежу? Врешь, воробушек!.. Так я странен? (диалог с Раскольниковым); Страннее всего показалось потом Заметову, что ровно целую минуту длилось у них молчание и ровно целую минуту они так друг на друга глядели (впечатление Заметова от беседы с Раскольниковым).*

Городовой: *Странен, верно, и он ему показался: в таких лохмотьях, а сам деньги выдает!* (точка зрения на Раскольникова).

Настасья: *Он странно посмотрел на нее* (точка зрения на Раскольникова).

Лужин: *Не говоря уже ни слова об обидном и странном сопоставлении на одну доску между мной и... заносчивым юношей...* (мнение по поводу Разумихина).

Посторонний господин на улице: - *Не знаю-с... Извините... - пробормотал господин, испуганный и вопросом, и странным видом Раскольниковова...* (мнение о Раскольникове).

Разумихин: *И странную показалась Разумихину, рядом с этим тихим и грустным лицом, нескрываемая, навязчивая, раздражительная и невежливая язвительность Порфирия (точка зрения на Порфирия).*

Анализируя данные контексты, можно сделать вывод, что чаще всего персонажи романа считают странным именно Раскольниковова. Странным кажется его внешний вид и поведение на улице совершенно незнакомым людям. Несколько раз Раскольниковова называет странным Заметов, и, видимо, это наиболее корректная оценка, которой он располагает по отношению к человеку, которого он нескрываемо презирает. Интересно, что Раскольников будто бы цепляется за данную оценку, поскольку она сходится с его собственными размышлениями о себе. Странным Раскольников кажется абсолютно всем – и «отрицательному» Свидригайлову, и «положительной» Сонечке. Но если большинство окружающих его людей отталкивают Раскольниковова, их пугает его непривычный, явно болезненный внешний вид, странная манера поведения, то Сонечка, наоборот, стремится понять Раскольниковова. Она и сама выбивается из привычного мира обычных людей, она сама чужая и отверженная, поэтому Раскольников для нее – родственная душа.

Таким образом, употребление прилагательного СТРАННЫЙ и его синтаксических дериватов в романе «Преступление и наказание» позволяет автору создать атмосферу тревожного и напряженного ожидания, предчувствия чего-то страшного, что нависло над героем. В этом можно усмотреть параллели с сюжетно-композиционной ролью прилагательного СТРАННЫЙ в современных детективах и фантастике.

Читатель погружается в странный мир Раскольникова, который противостоит миру обычных людей – как плохих, так и хороших. Именно употребление прилагательного СТРАННЫЙ помогает лучше проникнуть в искаженное болезнью сознание главного героя, прочувствовать то, что ощущает он, а также увидеть Раскольникова глазами других персонажей, осознать его отличие от окружающих. Из всего вышесказанного можно сделать вывод о важной сюжетно-композиционной роли, которую играет прилагательное СТРАННЫЙ в тексте романа.

4.6. Текстопорождающий потенциал прилагательного СТРАННЫЙ.

Как уже было отмечено ранее, в структуре оценочного суждения помимо субъекта, объекта, адресата оценки выделяется основание оценки. Сочетаемостный анализ прилагательного СТРАННЫЙ показывает, что у всех имен, входящих в данную парадигму, есть нечто общее в денотации, что «позволяет им иметь общую признаковую характеристику» [Вольф 2002: 65]; это и является основанием оценки. По мысли Е.М. Вольф, именно основания оценки, то есть «глубинные пропозициональные связи определяемого», выявляются в семантическом толковании [Там же]. Поэтому то или иное явление действительности расценивается как странное, если субъект оценочного суждения видит некое отклонение от нормы (в силу непривычности, необычности, непонятности данного явления или же невозможности точно вербализовать впечатление, полученное от данного объекта).

Чаще всего основание оценки – нечто само собой разумеющееся, легко вычленяемое читателями из контекста. Однако в разного рода текстах за оценочным прилагательным СТРАННЫЙ почти всегда следует вербализованное основание оценки. Во многом это связано с особенностями исследуемого прилагательного и с расположением данной оценки на оценочной шкале. По мысли Е.М. Вольф, в структуре оценочной шкалы «имеется зона нормы», которая «соотнесена с той частью шкалы оценок, на которой

помещается стереотипное представление о данном объекте с соответствующим признаком» [Там же: 54]. То есть норма прежде всего связана со стереотипом, а прилагательное СТРАННЫЙ обозначает отклонение от нормы, от стереотипного представления о том или ином объекте. «Оценочная шкала динамична, она разворачивается в двух направлениях – в сторону увеличения и в сторону уменьшения количества данного признака» [Там же: 49]. И если другие оценочные прилагательные занимают некое определенное место на шкале оценки (слева или справа от «нулевой точки», обозначающей норму), то прилагательное СТРАННЫЙ охватывает все позиции, отличающиеся от стереотипа – все, что так или иначе отклоняется от нормы. Отсюда следует, что исследуемое прилагательное может соотноситься с практически любым признаком того или иного объекта при условии, что данный признак представляет собой отклонение от нормы. При столь широком объеме означаемого прилагательное СТРАННЫЙ каждый конкретный раз нуждается в уточнении (какая именно характеристика адресата оценки обозначается данным прилагательным и в какую сторону разворачивается шкала оценки – по мере возрастания или убывания данного признака). Поэтому за введением данного предиката всегда следует «расшифровка» – что именно имел в виду автор, в каком конкретном значении употреблено прилагательное. Причем объяснение может даваться самими персонажами в ходе рассуждения, а может находиться в описании предшествующих или последующих ситуаций. Приведем примеры подобной «расшифровки», присутствующие в анализируемых текстах Достоевского: *Он [князь Мышкин] был как-то рассеян, что-то очень рассеян, чуть ли не встревожен, даже становился как-то странен: иной раз слушал и не слушал, глядел и не глядел, смеялся и подчас сам не знал и не понимал, чему смеялся* (автор смотрит на мир глазами князя; в своей внутренней речи князь Мышкин не может точно определить свое состояние, облечь в словесную форму свои ощущения. Именно поэтому возникает оценка СТРАННЫЙ, а далее дается ее «расшифровка», более детально объясняется основание оценки); *Кончилось*

тем, что про Настасью Филипповну установилась странная слава: о красоте ее знали все, но и только; никто не мог ничем похвалиться, никто не мог ничего рассказать (уточняется, чем именно слухи о Настасье Филипповне отличаются от стереотипного представления о людской молве, слухах – славе); *Эта ослепляющая красота была даже невыносима, красота бледного лица, чуть не впалых щек и горевших глаз; странная красота!* (автор смотрит на мир с точки зрения князя Мышкина: сначала дается основание оценки, затем присваивается собственно оценка); ... *проглядывали в ней [Настасье Филипповне] и еще некоторые совершенно странные наклонности: заявлялась какая-то варварская смесь двух вкусов...* (далее следует довольно развернутое описание поведения и манер Настасьи Филипповны, рассказывается, чем именно героиня так отличается от окружающих людей); *Только смотрю, представляется что-то странное: сидит она, лицо на меня уставила, глаза выпучила, и ни слова в ответ, и странно, странно так смотрит, как бы качается* (генерал Епанчин описывает смерть старухи, раскрывая, что именно так его удивило); *Вообще он мне очень странным показался и ... даже с признаками как будто помешательства...* (объясняя, чем Свидригайлов мог показаться ему странным, Раскольников подбирает синонимичное с его точки зрения выражение: странный, потому что помешанный, психически больной); *Но странно случилось с ним. Когда он дошел до квартиры Капернауова, то почувствовал в себе внезапное обессиление и страх. В раздумье остановился он перед дверью с странным вопросом: «Надо ли сказывать, кто убил Лизавету?» Вопрос был странный, потому что он вдруг, в то же время, почувствовал, что не только нельзя не сказать, но даже и отдалить эту минуту...* (Раскольников сам себе пытается объяснить свои мысли и понимает, что вопрос, на который есть очевидный ответ, иначе как странным не назовешь); - *Странная какая ты, Соня, - обнимаешь и целуешь, когда я тебе сказал про это. Себя ты не помнишь* (называя Сонечку странной, Раскольников тут же объясняет ей подобную оценку); - *Ты говоришь с странным видом, - с беспокойством заметил Алеша, -*

точно ты в каком безумии (объясняя брату оценку СТРАННЫЙ, Алеша подбирает синонимичное выражение, поскольку состояние Мити ассоциируется у него с помешательством); *Приснился ему какой-то странный сон, как-то совсем не к месту и не ко времени* (сон, никак не увязывающийся с реальной действительностью, кажется Мите странным); - *А ведь это ты взял не у меня, – остановился вдруг Иван как бы пораженный, – это мне никогда в голову не приходило, это странно...* (Иван сначала размышляет над услышанным от Смердякова, чувствует необычность его слов и лишь затем дает соответствующую оценку).

В некоторых контекстах – как правило, в прямой речи второстепенных персонажей – прилагательное СТРАННЫЙ не имеет подобной «расшифровки». Это может объясняться следующим образом: жизнь большинства второстепенных героев в текстах Достоевского настолько прочно регулируется общественными нормами и настолько соответствует стереотипу общественного поведения, что употребление подобной оценки не требует разъяснения. Для «своих» все и так ясно и определено: если нечто отклоняется от привычного, то оценивается отрицательно. Отсюда употребления прилагательного СТРАННЫЙ, не сопровождающиеся обоснованием оценочного суждения: ... *«свет» примет жениха Аглаи прямо из рук всемогущей «старухи», а стало быть, если и будет в этом что-нибудь странное, то под таким покровительством покажется гораздо менее странным; В том-то и состояло все дело, что родители никак не были в силах сами решить: «есть ли, и на сколько именно во всем этом деле есть странного? Или нет совсем странного?»*

Прилагательное СТРАННЫЙ, почти не употребляющееся в романах без объяснения основания оценки, несомненно, обладает текстопорождающим потенциалом. Этой же особенностью отличаются и выделенные ранее «семантические соседи» прилагательного. Так, в самом начале романа «Идиот» есть следующий контекст: *Если б они [князь Мышкин и Рогожин] оба один про*

другого, чем они особенно в эту минуту замечательны, то, конечно, подивились бы, что случай так странно посадил их друг против друга в третьеклассном вагоне петербургско-варшавского поезда.

В самом начале романа читатель еще не может разяснить для себя основание для употребления оценочного прилагательного ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ в сочетании с еще одной оценкой СТРАННО. Чем же так замечательны и странны самые обычные пассажиры самого обычного поезда? Автор знает ответ на этот вопрос, но раскрывает его постепенно, вводя в дальнейший текст эти и другие оценочные прилагательные с инвариантным значением 'отклоняющийся от нормы'. Два употребленных в начале произведения слова являются своеобразной опорной точкой для развития всего действия. Таким образом, можно считать, что данные лексические единицы генерируют едва ли не весь текст романа.

Выводы.

1. Анализ «сновидческих фрагментов» из произведений И.С. Тургенева показывает отличие прилагательного СТРАННЫЙ от других членов данной аксиологической парадигмы, а также отражает зависимость выбора оценочного прилагательного от коммуникативного намерения говорящего.

2. Сочетаемый анализ прилагательного СТРАННЫЙ по текстам романов Ф.М. Достоевского указывает на всеобщность охвата имен, предикатом к которым оно выступает, говорит о том, что автор изображает странный мир, где мало что можно постичь логикой и все отклоняется от привычного положения дел. Автонимное употребление прилагательного СТРАННЫЙ и его «семантических соседей» в анализируемых текстах свидетельствует о ключевой роли данных лексических единиц в раскрытии авторского мировосприятия.

3. Текстовая лексико-семантическая парадигма 'СТРАННЫЙ', сформированная по текстам романов Ф.М. Достоевского, отличается от составленного ранее лексикографического множества: ее периферию образуют

лексические единицы, утратившие статус медицинских терминов и ставшие оценочными прилагательными, обозначающими резкое отклонение от нормы (ПОМЕШАННЫЙ, СУМАСШЕДШИЙ и т.д.). Сформированная текстовая парадигма позволяет выявить частотный инвариантный смысл романов Достоевского ‘отклоняющийся от нормы’ с импликатурой ‘чуждый, неприемлемый’.

4. Анализ употреблений прилагательного СТРАННЫЙ в текстах романов Достоевского позволяет выявить еще одно основание оценки, не зафиксированное в словарных дефинициях: ‘смутный, неопределенный, с трудом поддающийся вербализации’.

5. Композиционная роль прилагательного СТРАННЫЙ в текстах Ф.М. Достоевского определяется через исследование системы персонажей, которые являются субъектами оценки. Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что главные герои произведений (князь Мышкин, Раскольников и др.) остро ощущают свою отчужденность от всех остальных персонажей, мир странен для них, но и они воспринимаются как странные окружающими. Мир Достоевского предстает как «расколотый», лишенный терпимости, нетолерантный. Аксиологическая категория ‘странность’ коррелирует с философской категорией ‘инакость’.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование позволяет сделать следующие обобщения:

1. Невозможность применения метода компонентного анализа к изучению семантики оценочных предикатов обусловила разработку новых методов изучения оценочных суждений. Одним из таких методов стал парадигматический подход к лексике (т.е. изучение не отдельно взятого слова, а всего множества слов, связанных парадигматически), который, к тому же, должен основываться на анализе поведения исследуемой единицы и ее «семантических соседей» в контексте. Это согласуется с концепцией английского философа Дж. Мура, согласно которой семантика оценочных предикатов может быть выявлена только через анализ их сочетаемости, а именно через возможность взаимозамены членов одной и той же аксиологической парадигмы в определенных контекстах. Особенно важным для изучения семантики оценочного предиката является основание оценки, поскольку именно оно проявляется в семантическом толковании исследуемой единицы, а также направляет ее сочетаемость.

2. В настоящем исследовании термин ПАРАДИГМА как инструмент лингвистического описания прилагается к любому семантическому множеству при условии наличия в нем константы, в качестве которой может выступать а) интегральная сема значений членов множества (лексикографическая и текстовая лексико-семантическая парадигмы); б) любое слово, включающее оценочный компонент, вокруг которого группируются объекты оценки (текстовая аксиологическая парадигма, являющаяся аналогом выделенных Л.О. Чернейко перцептивных парадигм художественного текста).

3. Лексикографический анализ оценочного прилагательного СТРАННЫЙ позволяет уточнить его дефиниции, представленные в изученных толковых словарях, в которых преобладает синонимический способ толкования, т.е. значение вокабулы не описывается с указанием релевантных семантико-

прагматических компонентов, а передается через ряд синонимов, что рождает «порочный круг» толкования.

Уточнение семантики прилагательного СТРАННЫЙ было проведено на основе лексикографической концепции Ю.Н. Караулова по частной методике составления лексикографических парадигм, разработанной Л.О. Чернейко, согласно которой каждое опорное прилагательное метаязыка (дефиниции) исходного прилагательного СТРАННЫЙ поэтапно рассматривается как вокабула, что позволяет установить состав любого лексикографического семантического множества, в данном случае лексикографической парадигмы 'СТРАННЫЙ': ДИВНЫЙ, ДИКОВИННЫЙ, ЗАГАДОЧНЫЙ, ИЗУМИТЕЛЬНЫЙ, НЕБЫВАЛЫЙ, НЕОБЪЯСНИМЫЙ, НЕОБЫКНОВЕННЫЙ, НЕОБЫЧАЙНЫЙ, НЕОБЫЧНЫЙ, НЕПОНЯТНЫЙ, НЕПРИВЫЧНЫЙ, ОРИГИНАЛЬНЫЙ, ОСОБЕННЫЙ, ОСОБЛИВЫЙ, ПОРАЗИТЕЛЬНЫЙ, СВОЕОБРАЗНЫЙ, УДИВИТЕЛЬНЫЙ, ЧУДАКОВАТЫЙ, ЧУДНОЙ, ЧУДНЫЙ, ЭКСТРАОРДИНАРНЫЙ, ЭКСЦЕНТРИЧНЫЙ.

Все члены лексикографической парадигмы 'СТРАННЫЙ' объединены инвариантным смыслом 'отклоняющийся от нормы', а различаются дифференциальными семами, в которых профилированы два связанных между собою основания оценки, обуславливающие выбор наиболее подходящего к ситуации прилагательного в каждом конкретном случае. Это 1) 'отклоняющийся от нормы в силу своей непривычности, необычности' и 2) 'отклоняющийся от нормы в силу непонятности, нелогичности'.

4. В структуре сформированной лексикографической парадигмы можно выделить единицы, стоящие ближе всего к прилагательному СТРАННЫЙ (ЗАГАДОЧНЫЙ, НЕОБЪЯСНИМЫЙ, НЕОБЫКНОВЕННЫЙ, НЕОБЫЧНЫЙ, НЕПОНЯТНЫЙ, НЕПРИВЫЧНЫЙ, ОСОБЕННЫЙ, УДИВИТЕЛЬНЫЙ), а также единицы, находящиеся на периферии множества (ДИВНЫЙ, ДИКОВИННЫЙ, ИЗУМИТЕЛЬНЫЙ, НЕБЫВАЛЫЙ, НЕОБЫЧАЙНЫЙ, ОРИГИНАЛЬНЫЙ, ОСОБЛИВЫЙ, ПОРАЗИТЕЛЬНЫЙ, СВОЕОБРАЗНЫЙ,

ЧУДАКОВАТЫЙ, ЧУДНОЙ, ЧУДНЫЙ, ЭКСТРАОРДИНАРНЫЙ, ЭКСЦЕНТРИЧНЫЙ), то есть те слова, чья семантическая связь с прилагательным СТРАННЫЙ фиксируется не во всех словарях.

Значение некоторых членов множества определяется их внутренней формой (УДИВИТЕЛЬНЫЙ – ‘то, что удивляет’; ПОРАЗИТЕЛЬНЫЙ – ‘то, что поражает’ и т.д.). Все они дублируют обозначение того состояния сознания, которое передается глаголом. Некоторые члены парадигмы, находящиеся на периферии множества, являются стилистически маркированными либо со знаком «+» (*книжн., поэт.* ДИВНЫЙ), либо со знаком «-» (*разг.* ЧУДНОЙ). Прилагательное СТРАННЫЙ можно считать своеобразным центром сформированной лексикографической парадигмы, поскольку оно является стилистически нейтральным и непроизводным, т.е. не обладает внутренней формой. К тому же, его семантический объем значительно шире того содержания, которое стоит за другими членами составленной ЛП, что и делает его центром множества: СТРАННЫЙ – это и ‘непривычный, не такой, как все/всегда’, и ‘непонятный’, и ‘непринимаемый’. В прилагательном СТРАННЫЙ есть не зафиксированная в словарных дефинициях сема, в которой заложена информация об отношении субъекта оценочного суждения: а) эксплицитно – к параметру объекта оценки, на который она направлена (ему непонятно поведение, речи другого и т.п.); б) имплицитно – к носителю этого параметра, т.е. адресату оценочного суждения. И это отношение – неприятие.

Отрицательные коннотации прилагательного СТРАННЫЙ в системе современного русского языка обусловлены в большой степени исторической связью его семантики с существительными СТРАНА (старославянизмом по происхождению) и СТОРОНА (русизмом), в частности с семой ‘чужести’, присущей слову СТОРОНА (ср.: *со стороны* = ‘не свой, чужой’), что подтверждается данными исторических словарей.

5. В современном русском языке прилагательное СТРАННЫЙ является одним из самых распространенных оценочных прилагательных как в устной

речи, так и в письменных текстах разной стилевой и жанровой принадлежности. По данным Национального корпуса русского языка, количество употреблений прилагательного СТРАННЫЙ резко возросло в последние два десятилетия. Достаточно часто оценочные суждения с прилагательным СТРАННЫЙ встречаются в публицистических текстах и в разговорной речи, особенно в сфере электронной коммуникации. Подобная частота употребления исследуемого прилагательного и членов организованной им аксиологической парадигмы позволяет отметить их особую роль в современной речевой действительности.

6. Употребление прилагательного СТРАННЫЙ в научно-популярной и учебной литературе позволяет авторам заинтересовать читателя, погрузить его в научный мир, полный загадок, иногда помогает логически объяснимые и совершенно обыкновенные вещи представить как нечто необычное. В классической научной литературе, рассчитанной на узкий круг специалистов в данном вопросе и заинтересованных исследователей, прилагательное СТРАННЫЙ практически не употребляется, поскольку авторы ставят перед собой принципиально иную задачу – предельно точно и доказательно осветить определенную научную проблему. Более того, научная этика не предполагает резких оценочных суждений. Поэтому если прилагательное СТРАННЫЙ, обладающее отрицательными коннотациями, все-таки встречается в научных текстах, то оно помогает исследователям корректно выразить свое мнение по тому или иному вопросу.

7. Сравнительный анализ функционирования прилагательного СТРАННЫЙ в текстах статей из разных номеров общественно-политического и литературно-художественного журнала «Огонек» (выборка с 1961 по 2014 год) показывает, что наличие исследуемой единицы соответствует той идеологии, которая определяет «дух времени». В «период застоя» (1970-е годы), когда все проблемы граждан были скрыты государством под маской внешнего благополучия, прилагательное СТРАННЫЙ употреблялось в текстах достаточно

редко. В последние десятилетия количество оценочных суждений с прилагательным СТРАННЫЙ на номер резко возросло – чаще всего более 10 контекстов. Это соотносится с настроем на гласность двухтысячных годов, с пропагандой свободы слова и отстаиванием собственного мнения, царящими в обществе. Употребляя прилагательное СТРАННЫЙ, авторы заметок и статей избегают резко оценочных суждений, за которые они могут быть привлечены к ответственности, но в то же время вполне недвусмысленно выражают свое отрицательное мнение по тем или иным вопросам. Поэтому прилагательное СТРАННЫЙ можно назвать «лакмусовой бумажкой» общественного мнения.

В современных массовых изданиях, например, в модных журналах, прилагательное СТРАННЫЙ является синонимом слов, выражающих резкую отрицательную оценку: ПЛОХОЙ, УЖАСНЫЙ, БЕЗВКУСНЫЙ. Однако оно позволяет выразить мнение корректно, не оскорбляя адресата оценочного суждения, т.е., как и в научных и публицистических текстах, выполняет эвфемистическую функцию.

8. В разговорной речи прилагательное СТРАННЫЙ также входит в синонимические отношения с общеоценочными прилагательными ПЛОХОЙ, ОТВРАТИТЕЛЬНЫЙ, УЖАСНЫЙ и др. Широкое содержание прилагательного СТРАННЫЙ проявляется в его сочетаемости. Исследуемая единица может выступать в качестве предиката для практически любого имени, обозначающего любое явление окружающей действительности, сочетаясь с именами и конкретными, и абстрактными, а это означает, что оно способно объединить оценкой разные по своему онтологическому статусу явления действительности, включая и сам язык (*странный взгляд, странная мысль, странный сон, странная раздражительность, странная идея, странные речи* и т.п.). Все это свидетельствует об общеоценочном характере прилагательного СТРАННЫЙ. На оценочной шкале оно занимает позицию между понятиями НОРМАЛЬНЫЙ и ПЛОХОЙ – это лишний раз доказывает то, что данное прилагательное выступает как смягченный, корректный вариант отрицательной оценки. Именно

поэтому столь часто встречается сочетание прилагательного СТРАННЫЙ с вводной конструкцией МЯГКО ГОВОРЯ.

Из всего сказанного можно сделать вывод, что исследуемая единица обозначает особое ментальное состояние субъекта оценки, при котором он, сталкиваясь с чем-то отклоняющимся от нормы и при этом испытывая неприятие по отношению к адресату оценочного суждения, стремится отстраниться от происходящего.

9. Анализ сочетаемости прилагательного СТРАННЫЙ и его парадигматических связей в художественном тексте позволяет сделать вывод, что исследуемое прилагательное играет важную роль в раскрытии авторского мировоззрения и отношения автора к своим персонажам. Так, в художественной прозе Захара Прилепина слово СТРАННЫЙ стоит в одном ряду с прилагательными ЧУЖОЙ, ЧУЖДЫЙ, НЕЛЕПЫЙ, что в сочетании с высокой частотой употребления данных лексических единиц говорит о значимости смысла 'странный, не такой, как все, неприемлемый' для автора. Герои Прилепина одиноки, чужды для окружающих их людей, и весь мир странен и чужд для них.

Важную сюжетно-композиционную роль исследуемое прилагательное играет в современных детективах, где оно участвует в конструировании интриги, а также в фантастической литературе, где помогает сформировать представление об ином, необычном и таинственном мире. В любом случае прилагательное СТРАННЫЙ позволяет создать атмосферу напряжения для читателей, что и является целью авторов детективных произведений и фантастики.

10. Частое употребление исследуемого прилагательного в текстах писателя говорит нам многое не только о его творчестве, но и о его жизненном пути. Иногда исследователи определяют весь творческий путь того или иного мастера слова как странный («Странный Тургенев» В.Н. Топорова, «Странный Достоевский» Е.Я. Басина и т.д.). Анализ синтагматико-парадигматических

связей прилагательного СТРАННЫЙ в «сновидческих фрагментах» из произведений Тургенева наглядно показывает его отличие от смежных с ним слов. В зависимости от своего коммуникативного намерения автор выбирает разные оценочные прилагательные: один и тот же необычный сон в речи одних персонажей выступает как удивительный, чудный, для других же он странный, неприятный и даже страшный. Кроме того, подобный анализ передает отношение автора (повествователя или рассказчика) к своим персонажам.

11. В произведениях Ф.М. Достоевского исследуемая лексическая единица является одной из самых частотных, что свидетельствует о ее многофункциональности и структурной значимости. Более того, исследуемая единица, по данным «Словаря языка Ф.М. Достоевского», включена в список идиоглосс – ключевых слов в произведениях писателя. Прилагательным СТРАННЫЙ в его и адъективной, и предикативной функциях могут оцениваться внешний вид героя, его речемыслительная деятельность, поведение, поступки, качества и черты характера (в том числе весь персонаж как таковой, т.е. его внутренний и внешний облик), а также самые разные факты и явления действительности (как конкретные, так и абстрактные).

Через прилагательное СТРАННЫЙ, вводящее восприятие и межличностные оценки персонажей, автор изображает странный, необычный, непонятный мир, из чего проистекают два следствия. С одной стороны, обычная повседневная жизнь людей предстает как наполненная необычными, непривычными событиями и фактами, вызывающими удивление, а удивление того или иного персонажа (в особенности главных героев романа) может вызвать абсолютно всё – от портрета на столе до самых глубинных мыслей и переживаний. Автор заставляет своих героев смотреть на мир остранными глазами, а читателю предлагает видеть в повседневном новое, вызывающее удивление. С другой стороны, в этом мире почти ничего нельзя постичь логикой, потому что или неочевидна причинно-следственная связь явлений, или эти явления отклоняются от принятых в социуме норм и стереотипов.

12. Основания вынесения оценочных суждений с прилагательным СТРАННЫЙ в романах Достоевского совпадают с теми, что были выделены при лексикографическом анализе: 1) 'необычный, непривычный'; 2) 'непонятный, нелогичный'. Однако часто из-за болезненного состояния герой не в силах выразить точно свои мысли и ощущения, тогда он наделяет предмет своей мысли оценкой СТРАННЫЙ. Таким образом, можно выделить еще одно основание вынесения оценочного суждения с прилагательным СТРАННЫЙ, не зафиксированное в словаре: 'нечто смутное, интуитивное, не поддающееся точной вербализации'.

13. Формирование ЛСП 'СТРАННЫЙ' (ОСОБЕННЫЙ (ОСОБЫЙ), НЕОБЫКНОВЕННЫЙ, УДИВИТЕЛЬНЫЙ, ОРИГИНАЛЬНЫЙ, ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ, ЧУДНОЙ, НЕЕСТЕСТВЕННЫЙ, ЭКСЦЕНТРИЧЕСКИЙ (ЭКСЦЕНТРИЧНЫЙ), НЕЛЕПЫЙ, ЗАГАДОЧНЫЙ, НЕВЕРОЯТНЫЙ) помогает раскрыть мировидение автора, смоделировать тот мир, в который он помещает своих персонажей. Обладая общим смысловым компонентом, который направляет их сочетаемость, выделенные прилагательные создают особую атмосферу произведения: персонажи словно помещены в некий странный и чуждый мир, в иную реальность, в которой все отклоняется от нормального положения вещей.

Проекция результатов контекстного поведения прилагательного СТРАННЫЙ и его синонимов на составленную ранее лексикографическую парадигму позволяет расширить границы сформированного лексикографического множества путем включения туда периферийных элементов – прилагательных, утративших в определенном окружении свое прямое значение, связанное с медициной, и употребляющихся как контекстные синонимы прилагательного СТРАННЫЙ (СУМАСШЕДШИЙ, ПОМЕШАННЫЙ и т.д.).

14. Полученные результаты изучения текстов романов приводят к выводу, что оценочное прилагательное СТРАННЫЙ играет особую роль в раскрытии

авторского замысла, в определении отношения автора к своим персонажам. А если к прилагательному СТРАННЫЙ присовокупить семантически смежные с ним прилагательные, которые являются принадлежностью соответствующей текстовой лексико-семантической парадигмы, то налицо один из частотных инвариантных смыслов романов 'отклоняющийся от нормы' с имплицатурой 'чуждый и неприняемый'.

15. Субъектом оценочного суждения с прилагательным СТРАННЫЙ часто являются второстепенные персонажи Достоевского, чье мировоззрение находится под влиянием стереотипов, установленных обществом. Всё, что так или иначе не соответствует общественным нормам, оценивается ими резко негативно. При этом адресатами оценки становятся чаще всего главные персонажи Достоевского – князь Мышкин, Раскольников и многие другие – люди, чье поведение и образ жизни воспринимаются обществом как неприемлемые. И сами главные герои остро ощущают свою оторванность от окружающей их среды. Неслучайно повествователь, на протяжении каждого из романов много раз меняющий позицию наблюдения, чаще всего смотрит на мир глазами главных персонажей, тем самым выражая словесно их ощущения, заглядывая в их внутренний мир и помогая им разобраться в себе.

Подобное погружение в душевное состояние героев свидетельствует о том, что повествователь отделяет их от всего остального мира романа, рассматривает в сложной связи со средой. Второстепенные персонажи Достоевского живут в такой реальности, где, с их точки зрения, абсолютно всё в поведении главных героев отклоняется и от нормального положения вещей, и от выработанных социумом стереотипных представлений. Мир романов Достоевского словно расколот на две половинки: мир стандартный (обычный) и мир «странный» (иной). Первый мир воспринимается как СТРАННЫЙ ('чужой') главными героями романа, второй – как СТРАННЫЙ ('чуждый', а оттого 'непонятный' и 'враждебный') второстепенными персонажами (той социальной средой, в которую погружены события). За прилагательным

СТРАННЫЙ и другими членами текстовой лексико-семантической парадигмы часто скрывается нетерпимость персонажей романа друг к другу, а главное – к центральным персонажам. Отношения героев Достоевского таковы, что в «инаковости» другого видится его странность. В целом мир героев романа предстает как лишенный толерантности, взаимопрития.

16. Применение метода парадигматического анализа лексики к изучению семантики прилагательного СТРАННЫЙ и членов одноименной аксиологической парадигмы позволяет не только извлечь дополнительную информацию о семантико-прагматических особенностях исследуемых единиц, но и взглянуть с иной стороны на художественный мир произведений, раскрыть особенности мироощущения авторов в их отношении к главным действующим лицам и к той действительности, в которую помещены персонажи. Установленная при анализе художественных текстов связь между аксиологической категорией «странность» и философской категорией «инаковость», а также понятием «нетерпимость», частое употребление прилагательного СТРАННЫЙ в текстах разной стилевой и жанровой принадлежности указывает на нетолерантность современного мира, на взаимное неприятие членов социума. Частота употребления прилагательного СТРАННЫЙ в современной русской речи, а также в диалогах персонажей текстов Ф.М. Достоевского позволяет признать его значимым, ключевым для русской культуры словом.

БИБЛИОГРАФИЯ

I. Статьи и монографии.

1. Анисимов С.Ф. Введение в аксиологию. Учебное пособие для изучающих философию. М.: Современные тетради, 2001. 128 с.
2. Апресян Ю.Д. Дистрибутивный анализ значений и структуры семантического поля // Лексикографический сборник, выпуск 5. М., 1962. С. 52 – 72.
3. Арутюнова Н.Д. Неопределенность признака в русском дискурсе // Логический анализ языка. Истина и истинность в культуре и языке. М.: Наука, 1995. С. 182 – 189.
4. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988. 341 с.
5. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 416 с.
6. Бак Д. Интервью с Захаром Прилепиным. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.zaharprilepin.ru/> (дата обращения: 12.06.2015)
7. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: Едиториал УРСС, 2001. 416 с.
8. Балли Ш. Французская стилистика. М.: Иностранная литература, 1961. 394 с.
9. Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс-Универс, 1994. 616 с.
10. Басин Е.Я. «Странный» Достоевский. М.: Слово, 2013. 280 с.
11. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. Москва – Augsburg: Werden-Verlag, 2002. [Электронный ресурс]. URL: http://www.e-reading.by/bookreader.php/139344/Problemy_poetiki_Dostoevskogo.pdf (дата обращения: 26.01.2015)

12. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Бахтин М.М. Собрание сочинений. В 7 т. Т. 5. М.: Русские словари, 1996. С. 159 – 206.
13. Бахтин М.М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках [Электронный ресурс]. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Article/Baht_PrT.php (дата обращения: 13.03.2014)
14. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 424 с.
15. Белова Н.Н. Семантика оценки в именах прилагательных. Автореферат диссертации на соискание ученой степени к.ф.н. Мичуринск, 2011. [Электронный ресурс]. URL: <http://cheloveknauka.com/semantika-otsenki-v-imenah-prilagatelnyh> (дата обращения: 26.03.2014).
16. Белый А. Из книги «Поэзия слова»: Пушкин, Тютчев и Баратынский в зрительном восприятии природы // Семиотика: антология. М.: Академический проект, 2001. С. 480 – 485.
17. Беляевская Е.Г. Когнитивные основания изучения семантики слова // Структуры представления знаний в языке. М., 1994. С. 87 – 110.
18. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: УРСС, 2002. 448 с.
19. Богатырева И.И., Антонов А.В., Богатырева А.Р. «Образ мира, в слове явленный», или рождение подтекста в новом контексте // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей. Вып. 32. М.: МАКС Пресс, 2006. С. 63 – 77.
20. Бондарко А.В. Категоризация в системе грамматики. М.: Языки славянских культур, 2011. 488 с.
21. Борисова Е.Г., Мартемьянов Ю.С. Имплицитность в языке и речи. М.: Языки русской культуры, 1999. 200 с.
22. Быков Д. О Солженицыне и русском национализме. [Электронный ресурс]. URL: <https://openrussia.org/> (дата обращения: 25.06.2015).
23. Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. 808 с.

24. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1996. 416 с.
25. Ветловская В.Е. Поэтика романа «Братья Карамазовы». Л.: Наука, 1977. 199 с.
26. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.: Высшая школа, 1972. 615 с.
27. Виноградов В.В. Стиль «Пиковой дамы» // Виноградов В.В. О языке художественной прозы. Избранные труды. М.: Наука, 1980. С. 176 – 240.
28. Виноградов В.В. Проблемы русской стилистики. М.: Высшая школа, 1981. 320 с.
29. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М.: Едиториал УРСС, 2002. 280 с.
30. Гадамер Х.-Г. Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991. 368 с.
31. Гайденко П.П. Научная рациональность и философский разум. М.: Прогресс-Традиция, 2003. 528 с.
32. Гаспаров Б.М. Литературные лейтмотивы. Очерки русской литературы XX века. М.: Наука, 1994. 304 с.
33. Гессе Г. Магия книги: эссе о литературе. СПб.: Лимбус Пресс, 2012. 336 с.
34. Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Гоббс Т. Сочинения в 2-х томах. Т. 2. М.: Мысль, 1991. С. 5 – 639.
35. Грайс Г. П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. М.: Прогресс, 1985. С. 217 – 237.
36. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. 397 с.
37. Дейк ван Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. М.: Изд-во БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 1989. 323 с.

38. Демьянков В.З. Термин ПАРАДИГМА в обыденном языке и в лингвистике // Парадигмы научного знания в современной лингвистике. М.: Изд-во РАН, 2006. С. 15 – 40.
39. Ельмслев Л. Прологомены к теории языка. М.: КомКнига, 2006. 248 с.
40. Жолковский А.К., Щеглов Ю.К. К описанию смысла связного текста. Приемы выразительности. М.: ИЯ АН СССР, 1971. 55 с.
41. Звегинцев В.А. Предложение и его отношение к языку и речи. М.: Изд-во Московского Университета, 1976. 307 с.
42. Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. Под общей ред. Золотовой Г.А. М.: Изд-во ИРЯ РАН, 1998. 528 с.
43. Иванчикова Е.А. Двусубъектное повествование в романе «Идиот» и формы его синтаксического изображения // Филологические науки, 1990. № 2. С. 62 – 71.
44. Каган М.С. Философская теория ценностей. СПб.: Петрополис, 1997. 205 с.
45. Кант И. Критика способности суждения // Сочинения в шести томах. Т. 5. М.: Мысль, 1966. С. 161 – 529.
46. Караулов Ю.Н. Достоевский и Эйзенштейн: монтаж аттракционов // Слово Достоевского 2014. Идиостиль и картина мира. Под ред. Е.А. Осокиной. М.: ЛЕКСПУС, 2014 (а). С. 34 – 50.
47. Караулов Ю.Н. О состоянии русского языка современности. Доклад на конференции «Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики» и материалы почтовой дискуссии. М.: Просвещение, 1991.
48. Караулов Ю.Н. «Образ автора» или «образ мира»? // Слово Достоевского 2014. Идиостиль и картина мира. Под ред. Е.А. Осокиной. М.: ЛЕКСПУС, 2014 (в). С. 12 – 19.
49. Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. М.: Наука, 1976. 356 с.

50. Караулов Ю.Н. Проблемы составления словаря языка Достоевского и предлагаемые лексикографические решения // Слово Достоевского 2014. Идиостиль и картина мира. Под ред. Е.А. Осокиной. М.: ЛЕКСПРУС, 2014(г). С. 89 – 106.
51. Караулов Ю.Н. Русская речь, русская идея и идиостиль Достоевского // Слово Достоевского 2014. Идиостиль и картина мира. Под ред. Е.А. Осокиной. М.: ЛЕКСПРУС, 2014 (б). С. 20 – 33.
52. Карцевский С.О. Об асимметричном дуализме лингвистического знака // Звегинцев В.А. История языкознания XIX – XX веков в очерках и извлечениях. Ч. 2. М.: Просвещение, 1965. С. 85 – 93.
53. Кислякова Е.Ю. Инакость в системе лингвистических категорий // Известия ВГПУ. № 7, 2011. С. 7 – 11.
54. Кнорина Л.В. Металексика: попытка выделения // Лингвистика на исходе XX века: Итоги и перспективы: Тез. докл. междунар. конф. М.: Филология, 1995. С. 228 – 230.
55. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 352 с.
56. Кожин А.Н., Крылова О.А., Одинцов В.В. Функциональные типы русской речи. М.: Высшая школа, 1982. 223 с.
57. Кожина М.Н. Стилистика русского языка. М.: Флинта: Наука, 2008. 464 с.
58. Коробова М.М. Структура базового словаря языка Достоевского // Слово Достоевского 2014. Идиостиль и картина мира. Под ред. Е.А. Осокиной. М.: ЛЕКСПРУС, 2014. С. 268 – 284.
59. Кривоносов А.Т. Философия языка. М.: Азбуковник, 2012. 788 с.
60. Кубрякова Е.С. Части речи в ономаσιологическом освещении. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 113 с.
61. Кузнецов П.С. Очерки исторической морфологии русского языка. М.: Изд-во АН СССР, 1959. 276 с.
62. Локк Дж. Опыты о человеческом разумении. М.: Мысль, 1985. 560 с.

63. Лотман Ю.М. Структура художественного текста. М.: Искусство, 1970. 384 с.
64. Лукин В.А. Художественный текст: Основы лингвистической теории и элементы анализа. М.: Ось-89, 1999. 192 с.
65. Лурия А.Р. Язык и сознание. М.: Изд-во Московского Университета, 1979. 320 с.
66. Макарова Е.А. Семантики качественных и относительных прилагательных в когнитивном освещении // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. Серия «Филология». № 2 (14), 2011. С. 184 – 190.
67. Маркелова Т.В. Семантика и прагматика средств выражения оценки в русском языке // Филологические науки. № 3, 1995. С. 67-79.
68. Минина Н.М. Семантические поля в практике языка. Пособие по лексике немецкого языка. М.: Высшая школа, 1973. 140 с.
69. Мур Дж. Принципы этики. М.: Прогресс, 1984. 326 с.
70. Набоков В.В. Лекции по русской литературе [Электронный ресурс]. URL: <http://fanread.ru/book/3805242/?page=1> (дата обращения: 23.01.2015)
71. Ницше Ф. Антихристианин // Сумерки богов. М., 1990 (а). С. 17 – 93.
72. Ницше Ф. Так говорил Заратустра. М. 1990 (б). 163 с.
73. Новиков Л.А. Избранные труды. Т. 2. М.: Изд-во РУДН, 2001. 842 с.
74. Одинцов В.В. Стилистика текста. М.: Наука, 1980. 264 с.
75. Падучева Е.В. В.В. Виноградов и наука о языке художественной прозы // Известия РАН. Серия литературы и языка. Т. 54, № 3. М.: , 1995. С. 39 – 48.
76. Падучева Е.В. Семантические исследования. М.: Языки русской культуры, 1996. 464 с.
77. Панов М.В. Из наблюдений над стилем сегодняшней периодики // Язык современной публицистики. М.: Изд-во ВИПК работников печати, 1988. С. 4 – 28.

78. Перов Ю.В., Перов В.Ю. Философия ценностей и ценностная этика // Н. Гартман. Этика. СПб.: Владимир Даль, 2002. С. 5 – 82.
79. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М.: Языки славянской культуры, 2001. 544 с.
80. Пирс Ч. Избранные философские произведения. М.: Логос, 2000. 448 с.
81. Померанц Г.С. Открытость бездне. Встречи с Достоевским. М. – СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2013. 416 с.
82. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. Т. 4. Вып. 2. М.: Просвещение, 1977. 406 с.
83. Прилепин З. Именины сердца: разговоры с русской литературой. [Электронный ресурс]. URL: <http://litfile.net/web/239203/222000-223000> (дата обращения: 23.12.2014)
84. Прокубовский А. А. Категоризация интеллектуальных способностей человека и лексические маркёры понимания в русском языке. Автореферат диссертации на соискание ученой степени к.ф.н. М., 2009. 24 с.
85. Ружицкий И.В. Автонимное употребление слова в текстах Достоевского // Слово Достоевского 2014. Идиостиль и картина мира. Под ред. Е.А. Осокиной. М.: ЛЕКСПУС, 2014. С. 192 – 202.
86. Ружицкий И.В. О словаре языка Достоевского. Семинар в ИДК. 2011. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dynacon.ru/content/articles/619/> (дата обращения: 23.05.2014)
87. Русская грамматика. Т. 1 [Электронный ресурс]. URL: <http://rusgram.narod.ru/> (дата обращения: 10.04.2015)
88. Саакян Л.Н. «Дороги у вас бархатные...» (эвфемия и имплицитное содержание сообщения) // Текст и Подтекст: Поэтика эксплицитного и имплицитного. Материалы международной научной конференции (ИРЯ им. В.В. Виноградова РАН). М.: Азбуковник, 2011. С. 42 – 47.

89. Сахарный Л.В. Тексты-примитивы и закономерности их порождения // Человеческий фактор в языке: Язык и порождение речи. М.: Наука, 1991. С. 221 – 237.
90. Сахаров А.Д. Тревога и надежда. М.: Интер-Версо, 1990. 336 с.
91. Сидорова М.Ю. Функционально-семантические свойства имен прилагательных в современном русском языке. Автореферат диссертации на соискание ученой степени к.ф.н. М., 1994. 23 с.
92. Смирнова Н.В. Лингвогносеологические основания референциальности художественного текста // Текст. Структура и семантика: Доклады X Международной конференции. Т.2. М.: Изд-во МГОПУ им. М.А. Шолохова, 2005. С. 348 – 355.
93. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики // Ф. де Соссюр. Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977. 689 с.
94. Спиноза Б. Политический трактат. [Электронный ресурс]. URL: http://read.newlibrary.ru/read/benedikt_spinoza/page0/trudy.html (дата обращения: 05.05.2013)
95. Степанов А.Д. Проблемы коммуникации у Чехова. Автореферат на соискание ученой степени д.ф.н. М., 2005. 27 с.
96. Стивенсон Ч. Некоторые прагматические аспекты значения // НЗЛ. Вып. XVI. Лингвистическая прагматика. М.: Наука, 1985. С. 129 – 154.
97. Сулименко Н.Е. Современный русский язык: к изучению семантики имен прилагательных. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2008. 241 с.
98. Топоров В.Н. Странный Тургенев (четыре главы). М.: Изд-во РГГУ, 1998. 192 с.
99. Трипольская Т.А. Языковые механизмы эмоциональной и оценочной интерпретации действительности // Проблемы интерпретационной лингвистики: сборник научных трудов. Новосибирск: НГПУ, 2000. С. 14 – 27.

100. Тюпа В.И. Художественный дискурс. Введение в теорию литературы. Тверь: Изд-во Тверского гос. Университета, 2002. 80 с.
101. Успенский Б.А. Поэтика композиции. М.: Искусство, 1970. 257 с.
102. Фролова О.Е. Имплицитность в художественном прозаическом тексте: модус и диктум (на материале повести Д. Хармса «Старуха») // Текст и Подтекст: Поэтика эксплицитного и имплицитного. Материалы международной научной конференции (ИРЯ им. В.В. Виноградова РАН). М.: Азбуковник, 2011. С. 169 – 175.
103. Фролова О.Е. Мир, стоящий за текстом: Референциальные механизмы пословицы, анекдота, волшебной сказки и авторского повествовательного художественного текста. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. 320 с.
104. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука, 2001. 379 с.
105. Халикова Н.В. Образность русской художественной прозы (лингвистический аспект). Монография. М.: МГОУ, 2004. 150 с.
106. Хэар Р. М. Описание и оценка // НЗЛ. Вып. XVI. Лингвистическая прагматика. М.: Наука, 1985. С. 183 – 196.
107. Чернейко Л.О. Внутренняя форма слова и ее типология // Исследования по семантике: Межвузовский научный сборник. Вып. 25. Уфа: Изд-во БашГУ, 2013. С. 174 – 189.
108. Чернейко Л.О. Гипертекст как лингвистическая модель художественного текста // Структура и семантика художественного текста. Доклады VII Международной конференции. М., 1999. С. 439 – 460.
109. Чернейко Л.О. Культура речи в свете этики ответственности // Труды ИРЯ им. В.В. Виноградова. Вып. 2. М.: Вест-Консалтинг, 2014. С. 245 – 260.
110. Чернейко Л.О. Металексемы русского языка: лексикографическая интерпретация и общие принципы их семантического анализа (имя

- ПРЕДМЕТ и смежные с ним // Исследования по семантике. К юбилею профессора Р.М. Гайсиной. Вып. 24. Уфа: 2008. С. 359 – 373.
111. Чернейко Л.О. Опыт парадигматического анализа лексики (на материале географических терминов архангельских говоров). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М.: Изд-во Московского Университета, 1980. 25 с.
112. Чернейко Л.О. Перцептивные парадигмы художественного текста // Пушкинские чтения 2002. Материалы конференции. М.: ГИРЯП, 2003 (а). С. 15 – 28.
113. Чернейко Л.О. Порождение и восприятие межличностных оценок // Филологические науки, № 6. М., 1996 (а). С. 42 – 53.
114. Чернейко Л.О. Принципы лингвистического моделирования художественного текста (на материале стихов А.С. Пушкина и О.Э. Мандельштама // Традиции русской классики XX века и современность: Материалы научной конференции. М.: Изд-во МГУ, 2002. С. 38 – 41.
115. Чернейко Л.О. Содержание слова как объект структурной и когнитивной семантики // Русское слово в мировой культуре. Материалы X Конгресса МАПРЯЛ. Т. 1. СПб., 2003 (б). С. 189 – 199.
116. Чернейко Л.О. Сознание как объект художественного осмысления в повести А. Белого «Котик Летаев» // Серебряный век русской литературы. Проблемы, документы. М.: Изд-во Московского Университета, 1996 (б). С. 44 – 53.
117. Чернейко Л.О. Спецкурс «Абстрактное имя с позиций когнитивной и структурной семантики». Филологический ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова. 2009-2010.
118. Чернейко Л.О. Спецкурс «Лексико-семантическая система языка и методы ее описания». Филологический ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова. 2004-2005.

119. Шайкевич А.Я. Дифференциальные частотные словари и изучение языка Достоевского (на примере романа «Идиот») // Слово Достоевского. М.: Изд-во ИРЯ РАН, 1996. С. 195 – 253.
120. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 624 с.
121. Шилова Е.В. Прилагательное СТРАННЫЙ в структуре текста романа Ф.М. Достоевского «Идиот» // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2014. № 4. С. 155 – 165.
122. Шилова Е.В. Сопоставление семантического объема прилагательного СТРАННЫЙ в текстах Ф.М. Достоевского и современном русском языке // Актуальные проблемы филологической науки: взгляд нового поколения. Вып. 6. М.: Изд-во Московского университета, 2015. С. 409-412.
123. Шифрин Б.Ф. Поэтика странного в русском модернизме от Хармса к Хлебникову // Художественный текст как динамическая система. Материалы международной научной конференции, посвященной 80-летию В.П. Григорьева. М.: Изд-во ИРЯ им. В.В. Виноградова РАН, 2006. С. 579 – 586.
124. Шкловский В.Б. Гамбургский счет. М.: Советский писатель, 1990. 544 с.
125. Шмелева Т.В. Модель речевого жанра // Жанры речи: Сборник научных статей. Саратов: Изд-во «Колледж», 1997. Вып. 1. С. 88 – 98.
126. Шмелева Т.В. Речевой жанр. Возможности описания и использования в преподавании языка // Russistik. Русистика. Научный журнал актуальных проблем преподавания русского языка. Berlin, 1990. № 2. С. 20 – 32.
127. Шрамм А.Н. Очерки по семантике качественных прилагательных (на материале современного русского языка). М.: Изд-во ЛГУ, 1979. 134 с.

128. Шрамм А.Н. Сколько значений у слова ХОРОШИЙ? // Вопросы семантики. Калининград, 1983. С. 69-76.
129. Щеглов Ю.К. Черты поэтического мира Анны Ахматовой [Электронный ресурс]. URL: <http://novruslit.ru> (дата обращения: 02.05.2013).
130. Щерба Л.В. Опыт общей теории лексикографии [Электронный ресурс]. URL: www.ruthenia.ru (дата обращения: 13.04.2013)
131. Щур Г.С. Теории поля в лингвистике. М.: Наука, 1974. 256 с.
132. Эко У. Открытое произведение. М.: Академический проект, 2004. 122 с.
133. Эко У. Пять эссе на темы этики. СПб.: Симпозиум, 2000. 158 с.
134. Якобсон Р.О. Избранные работы. М.: Прогресс, 1985. 460 с.
135. Schneewind J.B. Sidgwick's Ethics and Victorian Moral Philosophy. Oxford: Oxford University Press, 1977. 405 p.

II. Словари.

1. Абрамов Н. Словарь синонимов и сходных по смыслу выражений. М., 1990.
2. Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка. М., 1968.
138. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1978.
3. Лингвистический энциклопедический словарь. 1990 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://tapemark.narod.ru/les/> (дата обращения: 15.04.2015).
4. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1990.
5. Психология жестов. Краткий словарь. [Электронный ресурс]. URL: http://uucysc.ru/help/indexp.php?body_dic.shtml (дата обращения: 23.08.2015).
6. Словарь русского языка. М., 1984.
7. Словарь синонимов русского языка под ред. Евгеньевой А.П. М., 1981-1984.
8. Словарь современного русского литературного языка. М., 1963.

9. Словарь языка Достоевского. Лексический строй идиолекта. Выпуск 3. Под ред. Караулова Ю.Н. М., 2003.
10. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1903.
11. Стилистический энциклопедический словарь русского языка. [Электронный ресурс]. URL: <http://stylistics.academic.ru/> (дата обращения: 23.07.2013).
12. Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка. Т. 2. М., 1990.
13. Толковый словарь русского языка под ред. Ушакова Д.Н. М., 1996.
14. Философский энциклопедический словарь. М., 1983.
15. Шайкевич А.Я. Статистический словарь языка Ф.М. Достоевского. М., 2003
16. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона (ЭСБЕ). Т. 22А. СПб., 1897. [Электронный ресурс]. URL: <http://dlib.rsl.ru/> (дата обращения: 13.01.2014).
17. Этимологический словарь М. Фасмера. М., 1986.

III. Источники.

1. Достоевский Ф.М. Собрание сочинений. [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/d/dostoewskij_f_m/ (дата обращения: 25.08.2015).
2. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 11.05.2015)
3. Прилепин З. Собрание сочинений. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bookol.ru/author.php?author=Захар+Прилепин> (дата обращения: 27.06.2015).
4. Современная научная фантастика. [Электронный ресурс]. URL: <http://rubook.org/category.php?cat=12> (дата обращения: 22.07.2015).

5. Современные детективы. [Электронный ресурс]. URL: <http://rubook.org/category.php?cat=24> (дата обращения: 29.07.2015).
6. Тургенев И.С. Собрание сочинений. [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/t/turgenew_i_s/ (дата обращения: 19.01.2015).

Периодические издания:

7. National Geographic: июль 2011, июнь 2012, сентябрь 2013.
8. Огонёк: №4/1961, №4/1970, № 34/1979, № 4/1991, № 17-18/1994, № 32/2008, №16/2014.
9. Cosmopolitan: январь 2009, декабрь 2010, январь 2012, апрель 2013, июль 2014, октябрь 2014, декабрь 2014, февраль 2015.